

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

- ПРЕДЛАГАЕМЫЕ РЕФОРМЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В США
- СТРУКТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АМЕРИКАНСКОГО ВПК В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ
- ВЛИЯНИЕ ФИНАНСИАЛИЗАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ И РОССИИ
- ЭВОЛЮЦИЯ ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЕВРОПЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
- ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ И ВПК ИНДИИ
- ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ТУРЦИИ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СТРАНЫ

11 • 2023

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2023

№ 11 (647)

Ноябрь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия);
Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); А.В. Коробков (Государственный
университет Среднего Теннесси, Нашвилл, США); К.И. Косачёв (Совет Федерации
Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия);
Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального
Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия);
О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия);
А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН,
Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН,
Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Н.А. Шведова (ИСКРАН,
Москва, Россия); Т. Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй
(Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); П. Дуткевич (Карлтонский
университет, Оттава, Канада); Дж. С. Дюрран (Мемориальный университет
Ньюфаундленда, Сент-Джонс, Канада); Т. Ротнем (Государственный университет в
Кеннесо, Кеннесо, США); Н. Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония); А. Стент
(Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); К. Того (Университет Киото Сангё,
Киото, Япония); Хон Ван Сук (Университет внешнеполитических исследований Ханкук,
Сеул, Республика Корея).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2023

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2023

© Редколлегия журнала «США & Канада» (составитель), 2023

Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2023

No. 11 (647)

November

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Korobkov (Middle Tennessee State University, Nashville, USA); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); N. Shvedova (ISKRAN, Moscow, Russia), Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Piotr Dutkiewicz (Carleton University, Ottawa, Canada), John Stuart Durrant (Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada), Thomas Rotnem (Kennesaw State University, Kennesaw, USA) Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan), Hon Wan Suk (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Arbatov U.S. and Canada Institute
(ISKRAN), 2023

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2023

Содержание

2023, № 11 (647)

В Институте США и Канады

Конференция «Военная промышленность зарубежных стран в условиях усиления международной напряжённости» (22 июня 2023 г.)

Бабкина С.К. ВПК США как фактор сохранения доминирующего положения в мире.....	5
Шкробтак И.О. Оборонно-промышленный комплекс США в свете украинского конфликта.....	18
Корощупов В.О. Оборонная промышленность Европы: актуальные вызовы и возможные пути развития.....	27
Вернигора А.А. Оборонно-промышленный комплекс Турции как фактор внутренней и внешней политики.....	42
Куприянов А.В. Вооружённые силы и ВПК Индии в эпоху мировой турбулентности.....	52
Зайцев И.А. Роль Индии как одного из экспортёров вооружений в Мьянму (февраль 2021 г. – май 2023 г.).....	65
Макаревич Г.Г. Пакистанский ВПК между «поворотом на Восток» и «сохранением традиционных стратегических связей».....	73
Зуева А.Г. Проблемы и перспективы экспорта вооружений Республики Корея.....	82
Карамаев С.Г. Оборонная промышленность ЮАР: отрицательное развитие	92

Экономика

Власкин П.Г., Теняков И.М. Влияние финансиализации на экономический рост (на примере США и России).....	103
--	-----

Под куполом Капитолия

Антонов Е.В., Честнягина К.С. Республиканский проект избирательной реформы: борьба за «честные» выборы?.....	115
Информация для авторов	127

Contents

2023, No. 11 (647)

At the Institute for the U.S. and Canadian Studies

Conference "Military Industry of Foreign Countries Amid Increasing International Tensions" (June 22, 2023)

Babkina, S.K. The U.S. Military-Industrial Complex as a Factor in Maintaining its Dominant Global Position.....	5
Shkrobtak, I.O. US Military-Industrial Complex under the Influence of the Ukrainian Conflict.....	18
Koroschupov, V.O. Europe's Defence Industry: Current Challenges and Possible Ways of Development	27
Vernigora, A.A. Defense Industry of Türkiye as a Factor of Domestic and Foreign Policy	42
Kupriyanov, A.V. Armed Forces and Military-Industrial Complex of India in the Era of Global Turbulence.....	52
Zaitsev, I.A. The Role of India as One of the Key Arms Exporters to Myanmar (February 2021 – May 2023).....	65
Makarevich, G.G. Pakistan's Defense Industry amid «Pivot to The East» and «Saving Traditional Strategic Ties»	73
Zueva, A.G. Export of the South Korea's Defense: Problems and Prospects	82
Karamaev, S.G. South African Defence Industry: Negative Development.....	92

Economics

Vlaskin, P.G., Tenyakov, I.M. The Impact of Financialization on Economic Growth (the Example of the USA and Russia).....	103
--	-----

On the Capitol Hill

Antonov, E.V., Chestnyagina, Ks.S. Republican Electoral Reform Project: Fight for "Fair" Elections?	115
--	-----

УДК: 338.245

DOI: 10.31857/S2686673023110019

EDN: PRZPSO

ВПК США как фактор сохранения доминирующего положения в мире

С.К. Бабкина

Институт международных исследований МГИМО МИД России.

Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, д. 76.

ORCID: 0009-0004-6544-6190

e-mail: babkina.s.k@my.mgimo.ru

Резюме. Военно-промышленный комплекс США испытывает серьезные структурные проблемы, среди которых концентрация производства, неэффективность модели «государство – оборонные подрядчики» и сопутствующие финансовые потери для федерального бюджета, хрупкость производственных цепочек и кадровый дефицит. Чрезмерные траты на оборонный бюджет, объясняемые внешними угрозами, отвлекают внимание от важных внутривнутриполитических сюжетов, например, в социальной сфере. Сверхконсолидация производства в руках пяти крупнейших военных подрядчиков Министерства обороны оказывает негативное влияние на оборонную промышленность и возможности страны в сфере обеспечения национальной безопасности, подрывая возможности США по сохранению доминирующего положения в мире.

Ключевые слова: военно-промышленный комплекс США, консолидация производства, Министерство обороны США, оборонный бюджет, «вращающиеся двери»

Для цитирования: Бабкина С.К. ВПК США как фактор сохранения доминирующего положения в мире. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (11): 5–17. DOI: 10.31857/S2686673023110019 EDN: PRZPSO

The U.S. Military-Industrial Complex as a Factor in Maintaining its Dominant Global Position

S.K. Babkina

Institute for International Studies MGIMO University,

76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia

ORCID 0009-0004-6544-6190

e-mail: babkina.s.k@my.mgimo.ru

Abstract. The article identifies considerable structural problems in the U.S. military-industrial complex, including production concentration, inefficiency of the government - defense contractor model and the associated financial losses to the federal budget, fragile production chains, and personnel shortages. Excessive defense spending, which is attributed to external threats, diverts attention from important domestic political subjects, such as social issues. The over-consolidation of production in the hands of the Pentagon's top 5 major defense contractors negatively affects the defense industry and reduces U.S. national security capabilities, undermining the United States' ability to maintain its dominant position in the world.

Keywords: U.S. military-industrial complex, manufacturing consolidation, Pentagon, U.S. Department of Defense, defense budget, revolving door

For citation: Babkina, S.K. The U.S. Military-Industrial Complex as a Factor in Maintaining its Dominant Global Position. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (11): 5-17. DOI: 10.31857/S2686673023110019 EDN: PRZPSO

ВВЕДЕНИЕ

В 1961 году в своём прощальном обращении к нации 34-й президент США Дуайт Эйзенхауэр впервые употребил термин «военно-промышленный комплекс» (ВПК). Будучи опытным военным, генерал армии Д. Эйзенхауэр предупреждал о необходимости защищаться от приобретения американским ВПК необоснованного влияния [1]. В 2023 г. положение американского военно-промышленного комплекса расходится с идеалистичными тезисами Эйзенхауэра: «Только бдительные и осведомлённые граждане могут заставить правильно сочетать огромный промышленный и военный механизм с нашими мирными методами и целями, чтобы безопасность и свобода процветали вместе».

Объём средств налогоплательщиков (по некоторым расчётам, в 2022 г. среднестатистический житель США заплатил 1087 долл. в виде налогов только за услуги подрядчиков МО. Из них 298 долл. пришлось на пять крупнейших военных подрядчиков. При этом на программу средней школы K-12 расходы составили порядка 270 долл. [2]), которые идут на поддержание ВПК, консолидация производства, выгода определённых групп интересов – держателей акций крупнейших подрядчиков МО и тех, кто приобретает «политические очки», активно продвигая накачивание американский ВПК денежными средствами и влиянием на внутреннюю и внешнюю политику, «мечта», скорее обратная тому, о чём говорил Эйзенхауэр. Мартовские запросы на оборонный бюджет США на 2024 фин. г. предусматривали рекордно высокие расходы на закупку вооружений и военной техники, а также научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), 170 и 145 млрд долл. соответственно из 842 млрд общего запроса на оборону [3]. При этом финальный объём средств, которые будут выделены военным, как показывает практика утверждения бюджета в Конгрессе [4], вырастет ещё на несколько десятков млрд долларов.

СТРУКТУРА ВПК США

Американский ВПК является важной составляющей национальной экономики. На протяжении истории он несколько раз подвергался реструктуризации: после Первой мировой войны в 1916-1917 гг., после Второй мировой войны, а также после окончания холодной войны [Федорович В.А., Муравин В.Б., Бочкарев О.И. 2013: 29, 42]. Рассматривая более современный период его развития с 1945 г., можно выделить несколько подэтапов: 1) становление и начальный рост (1945-1960 гг.); 2) определение и стабилизация в качестве самостоятельной отрасли в период холодной войны (1960-1990 гг.); и 3) фундаментальная перестройка (с 1990 г.) [5].

Несмотря на большое влияние СССР как военного конкурента США во второй половине XX века, процесс перестройки и консолидации американских военных подрядчиков – наиболее важное явление в американском ВПК – начался в середине 1980-х годов. Так, в 1985-1988 гг. 10 из 60 ведущих оборонных подрядчиков Министерства обороны приобрели или были приобретены другими участниками отрасли [6]. Основная причина заключалась в несовпадении ожиданий инвесторов и возможностей по принесению прибыли. По сути, распад Советского Союза ускорил уже начавшиеся процессы реструктуризации и консолидации оборонных предприятий.

В целом процесс монополизации ВПК отражает общую тенденцию к концентрации деловой активности в американской экономике [Grullon G., Larkin Y., Michaely R. 2019].

Однако окончание биполярного противостояния во многом определило нынешнюю олигополическую структуру американского ВПК. Сокращение федеральных военных расходов в 1990-х годах привело к уменьшению числа военно-промышленных предприятий, их консолидации, слиянию, а иногда перепрофилированию. Находясь в процессе выстраивания оптимальной стратегии национальной безопасности, в начале XXI века США столкнулись с изменением характера и масштаба внешних вызовов и угроз. Теракты 11 сентября 2001 г., начало войны в Афганистане, вторжение в Ирак и появление всё новых концепций ведения боевых действий (сетевые войны, кибератаки и т.д.) изменили приоритеты не только американского руководства, но и военных подрядчиков. Оборонные предприятия были вынуждены адаптировать предлагаемые услуги и спектр товаров для соответствия реалиям времени: сохранялся спрос на «классические» товарные позиции (спутники, сенсорные системы, инфраструктура управления и контроля (C2), ракеты-носители, военные корабли, подводные лодки и пр.), увеличился спрос на высокоточное оружие (ВТО), беспилотные летательные аппараты (БПЛА) и модернизированные версии вооружений и военной техники, пригодной для ведения боевых действий в городской застройке и т.д. Несмотря на успешную адаптацию к положению на рынке (как национальном, так и мировом рынке вооружений), американский ВПК переживает ряд взаимосвязанных системных кризисов.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В обобщённом виде основные проблемы американского военно-промышленного комплекса касаются четырёх структурных проблем: (1) концентрация производства; (2) неэффективность модели «государство – оборонные подрядчики» и финансовые потери для федерального бюджета; (3) хрупкость производственных цепочек; (4) кадровый дефицит. При этом концентрация промышленного производства стала катализатором других упомянутых кризисов.

Военно-промышленный комплекс США пережил несколько трансформаций. Одна из ключевых реструктуризаций, объясняющая большинство проблем американского ВПК на нынешнем этапе, пришлась на период 1990-х годов. Администрация У. Клинтона полагала, что окончание холодной войны требовало преобразования вооружённых сил «снизу вверх» [7], что повлекло за собой пересмотр функционирования всей военной машины США и сокращение американского оборонного бюджета с 1991 по 1996 гг. более чем на 15%. В общем, за период с 1987 по 1998 г. американские расходы на оборону демонстрировали понижательный тренд 11 лет подряд при трёх администрациях – Рейгана, Буша и Клинтона, что было определено состоянием внешней среды [8].

В 1993 г. в Министерстве обороны состоялось подобие «Тайной вечери» [9] – секретная встреча с руководителями пары десятков крупнейших американских оборонных подрядчиков. На ней руководство изложило план-предложение по консолидации отрасли [10]: в американском ВПК было «слишком много» компаний и Соединённые Штаты не могли себе позволить иметь большое количество предприятий с полупустыми заводами и недостаточным количеством средств на инвестиции в исследования и разработку (R&D). По некоторым позициям Минобороны вовсе предлагало оставить единственного поставщика. Пытаясь

самостоятельно адаптироваться к противоречивым тенденциям на рынке вооружений после окончания холодной войны, снижению внутреннего спроса на военную продукцию и следуя призывам Пентагона, многие американские оборонные предприятия перешли к стратегии консолидации и слияния. При этом федеральное правительство напрямую не вмешивалось в процессы (за исключением 1998 г., когда Министерством обороны и Министерством юстиций США была остановлена сделка по слиянию «Локхид Мартин» и «Нортроп Грумман»): будущие структуры промышленной базы отдавались на откуп самим компаниям, в результате чего во многих отраслях оборонной промышленности образовались монополии и дуополии поставщиков. Одними из ключевых сделок по слиянию стало объединение «Локхид» (*Lockheed*) с «Мартин Мариэтта» *Martin Marietta*) и создание «Локхид Мартин» (*Lockheed Martin*), «Нортроп» (*Northrop*) и «Грумман» (*Grumman*) и создание «Нортроп Грумман» (*Northrop Grumman*), а «Боинг» (*Boeing*) «поглотил» конкурирующую компанию «Макдоннелл-Дуглас» (*McDonnell Douglas*), производившую военные самолёты. Несмотря на абстрагирование правительства США от происходящих событий по консолидации отрасли, администрация У. Клинтона выделила десятки миллионов долларов в виде субсидий на слияние, чтобы оплатить закрытие заводов, перемещение оборудования и другие сопутствующие расходы, а также частично оплачивала «золотые парашюты» руководителям оборонных компаний и членам советов директоров, потерявших должности в результате этих сделок [11].

Таблица 1

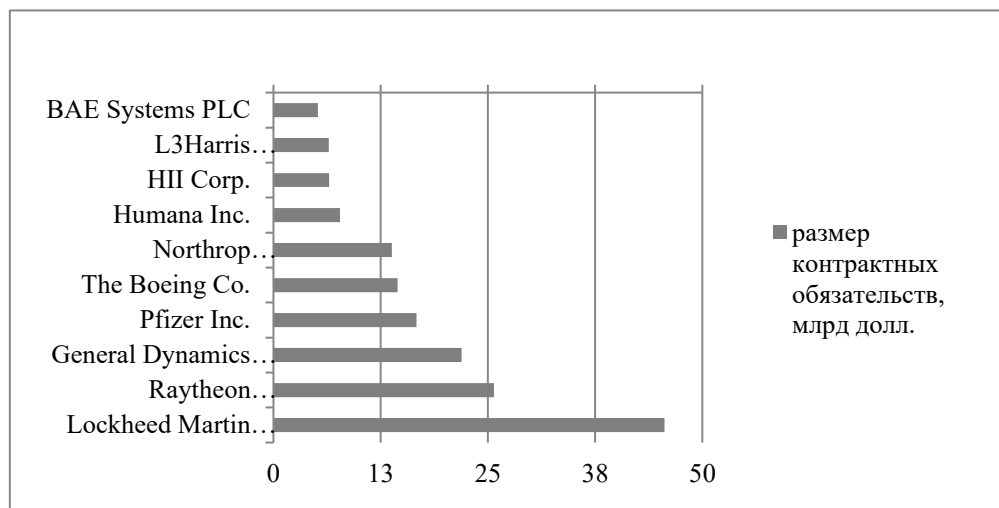
Процесс консолидации основных оборонных подрядчиков по отдельным категориям вооружений 1990-2020 гг.

Категория вооружений	Количество основных оборонных подрядчиков из США		
	1990	1998	2020
тактические ракеты	13	3	3 (<i>Boeing, Lockheed Martin, Raytheon Technologies</i>)
самолёты	8	3	3 (<i>Boeing, Lockheed Martin, Northrop Grumman</i>)
ракеты-носители одноразового применения	6	2	2 (<i>Boeing, Lockheed Martin</i>)
спутники	8	5	4 (<i>Boeing, Hughes, Lockheed Martin, Northrop Grumman</i>)
надводные корабли	8	5	2 (<i>General Dynamics, Huntington Ingalls</i>)
тактические колёсные машины	6	4	3 (<i>AM General, General Motors, Oshkosh</i>)
гусеничные боевые машины	3	2	1 (<i>General Dynamics</i>)
стратегические ракеты	3	2	2 (<i>Boeing, Lockheed Martin</i>)
торпеды	3	2	2 (<i>Lockheed Martin, Raytheon Technologies</i>)
вертолёты	4	3	3 (<i>Bell Textron, Boeing, Lockheed Martin (Sikorsky)</i>)

Составлено автором на основе *State of Competition within the Defense Industrial Base* [12]

С 1993 по 1998 г. было сокращено около 1-2 млн рабочих мест [Tirpak J.A. 1998], а количество основных подрядчиков Министерства обороны резко снизилось с нескольких десятков до пяти: «Локхид Мартин» (*Lockheed Martin*), «Рейтеон» (*Raytheon*), «Боинг» (*Boeing*), «Дженерал Дайнемикс» (*General Dynamics*) и «Нортроп Грумман» (*Northrop Grumman*).

Рисунок 1. Топ 10 подрядчиков МО, 2022 фин. г.

Составлено автором по данным *USAspending: Government Spending Open Data*. Вхождение американского фармацевтического гиганта «Пфайзер» обусловлено пандемией *COVID-19* и разработкой вакцины.

По завершении процесса горизонтальной интеграции компании американского ВПК перешли к вертикальной интеграции – скупке разноотраслевых предприятий, связанных единой технологической цепью, например, покупке основных поставщиков сырья. Это позволяло подрядчикам предлагать сразу «пакет услуг», но практически сводило на нет возможности других поставщиков второго, третьего и четвертого уровня по участию в торгах, где доминирует основной военный подрядчик, а «дочка» этого основного подрядчика, не имея конкурентов, не обладает стимулами для внедрения инноваций и поддержания низких затрат [Tirpak J.A. 1998].

В целом консолидация предприятий оборонной промышленности в 1990-х годах скорее привела к негативным последствиям: падению конкуренции и формированию моно-, дуо- и, редко, олигополий в отдельных отраслях производства; резкому уменьшению рентабельности как военной промышленности (например, по сравнению с фармацевтикой), так и инвестиций; падению рыночной капитализации; снижению кредитных рейтингов некоторых оборонных подрядчиков из-за увеличения соотношения заёмных и собственных средств; сокращению НИОКР и прибыли от них; кадровому дефициту из-за повального закрытия рабочих мест и сложностей с привлечением и удержанием высококвалифицированных технических и административно-управленческих кадров и т.д. [Mahoney C.W., Tkach V.K. and Rethmeyer C.J. 2022].

Сверхконсолидация производства в руках, по сути, пяти компаний оказывает негативное влияние на оборонную промышленность и возможность США в сфере обеспечения национальной безопасности [13], [14]. Ввиду уменьшения числа участников рынка и формирования моно- и олигополии снижается конкуренция, стимулирующая инновации. При этом малые предприятия производят в 16,5 раза больше патентов, чем крупные компании, но у них недостаточно финансовых ресурсов для того, чтобы выдержать процессы закупок [15]. Научно-технические инновации всё больше определяются частной коммерциализацией, однако предприятия ВПК неохотно выделяют собственные ресурсы на это, так как инвесторы

ориентированы на возврат вложенных средств. Реалии коммерческого сектора отчасти представляют собой препятствия для партнёрства «частников» с федеральными ведомствами, что неизбежно поднимает вопрос о том, насколько нынешняя структура американского ВПК отвечает требованиям национальной безопасности.

Так же, как и во многих отраслях, военные подрядчики используют практику корпоративного завышения цен. Являясь единственными поставщиками, к примеру, определённых деталей или вооружений, оборонные предприятия могут в целом контролировать процесс ценообразования, а МО не останется ничего, кроме как платить [16], [17].

НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ МОДЕЛИ «ГОСУДАРСТВО – ОБОРОННЫЕ ПОДРЯДЧИКИ»

С 1970-х годов американские оборонные компании всё больше перенимают практику управления из коммерческого сектора. Это привело к тому, что стратегические цели многих оборонных компаний стали более похожи на цели коммерческих фирм. Топ-менеджеры многих оборонных компаний стали всё больше концентрироваться на получении финансовой прибыли для своих акционеров, на увеличении доли на рынке и устранении конкурентов [18].

Но подобная модель управления не коррелирует с интересами национальной безопасности в заявленном виде (группы интересов в федеральном правительстве в целом не позволяют говорить о несоответствии модели их интересам, а скорее наоборот). В частности, несмотря на заявления представителей оборонных компаний о нехватке средств на НИОКР, доля расходов подрядчиков на НИОКР и капитальные расходы (речь идёт о расходах на обновление физической инфраструктуры, оборудования) снизилась, в то время как денежные средства, выплаченные акционерам в виде дивидендов и выкупа акций, увеличились на 73% за период 2010-2019 гг. [19].

Бюджетный запрос на 2024 фин. г. предусматривает траты на оборону чуть более половины дискреционных расходов. При этом от 50 до 60% из почти 900 запрашиваемых млрд долл. на оборону достанутся непосредственного американскому военно-промышленному комплексу, то есть оборонным подрядчикам. Иными словами, 30% федеральных средств оказываются у пяти крупнейших американских военных предприятий. При этом на практике МО получает больше средств, чем запрашивает – дополнительное финансирование сверхбюджетного запроса выделяется на стадии согласования в двух палатах Конгресса США.

ХРУПКОСТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЦЕПОЧЕК

Хрупкость производственных цепочек в американском ВПК также объясняется совокупностью факторов. Во-первых, на мировую логистическую систему сильно повлияла пандемия ковид-19 [20]. Так, из-за пандемии были нарушены сроки исполнения 48 основных программ оборонных закупок (*major defense acquisition programs, MDAPs*), а в 22 из них задержки продолжаются до сих пор [21]. В дополнение к этому ещё до начала пандемии наблюдались инфраструктурные проблемы из-за перегруженности контейнерных портов в США [22].

Во-вторых, американская промышленность зависит от иностранных поставок ряда металлов, сплавов, микросхем и других элементов, критически важных для производства вооружений и военной техники [23]. Эта проблема вышла на

первый план в последние годы, когда очевидной стала зависимость США от Китая и в меньшей степени от России в вопросах закупок важнейшего минерального сырья, необходимого для производства боеприпасов.

Так, в Соединённых Штатах нет действующих сурьмяных рудников, и поставки сурьмы, важной для производства большой номенклатуры товаров оборонной промышленности, осуществлялись из России и КНР. Данную проблему США стремятся решить путём укрепления стратегического запаса редкоземельных минералов – национального оборонного запаса. Или очевидно доминирование Китая в глобальной цепочке поставок литиевых аккумуляторов (94% гидроксида лития и 70% карбоната лития) [24]. Хотя КНР обладает лишь третью мировых запасов редкоземельных металлов, на её долю приходится 60% их мировой добычи, 85% мощностей по их переработке и более 90% производства высокопрочных редкоземельных постоянных магнитов [25].

Географический охват и привязка к определённому географическому региону важны и по другой причине: события (например, целенаправленное нанесения ущерба, развязывание конфликта или даже чрезвычайные ситуации природного характера) в отдельном территориальном кластере могут нарушить всю цепочку поставок. В этой связи требуется диверсификация источников товаров и сырья.

В-третьих, из-за вертикальной интеграции военных подрядчиков любая крупная компания состоит из сотен, а иногда тысяч более мелких субподрядчиков второго и третьего уровня. Например, средняя американская аэрокосмическая компания опирается примерно на 200 поставщиков первого уровня и порядка 12 тысяч предприятий второго и третьего уровня [26]. В этой связи довольно часто сборки в цепочке поставок могут длительное время оставаться незамеченными крупными головными предприятиями и даже заказчиком.

Кроме того, сама система американской военной промышленности заточена под работу в мирное время и, как показал украинский кризис, не может обеспечивать достаточное изготовление не только военной техники, но и боеприпасов в сжатые сроки.

КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ

В американском ВПК существует разрыв между спросом и предложением на работников с профессиональным и научно-техническим образованием (например, сварщики, инженеры, электрики и другие квалифицированные рабочие). Компании аэрокосмической и оборонной отраслей являются относительно непривлекательными местами для работы. Текучка кадров в этих отраслях объясняется стремлением к более высокой оплате труда, возможностям карьерного роста, более удобным условиям (например, местоположение или удалённая работа). По данным совместного исследования Ассоциации аэрокосмической промышленности, Американского института аэронавтики и астронавтики и консалтинговой компании «Эрнст энд Янг» (*Ernst & Young LLP*) [27], общая текучесть кадров в 2021 г. в компаниях аэрокосмической и оборонной промышленности выросла до 7,1% (более чем на 2 п.п., чем годом ранее).

Пандемия ковид-19 усугубила проблему нехватки рабочей силы из-за временного увольнения сотрудников в разгар коронавируса для снижения издержек компаний. Прогнозы по возвращению сотрудников на работу не оправдались, и американские военные предприятия вынуждены искать способы обеспечения бесперебойного функционирования в условиях недостатка квалифицированных кадров. При этом спрос на товары военной промышленности вырос – из-за

масштабных поставок вооружений и военной техники на Украину. Ввиду нехватки рабочей силы некоторые компании вынуждены нанимать менее опытных и квалифицированных сотрудников для исполнения отдельных видов работ, что влияет на сроки исполнения контрактных обязательств [28].

Решение проблемы кадрового дефицита требует комплексного подхода: финансирование со стороны федерального правительства, улучшение системы STEM-образования (*Science, Technology, Engineering, Mathematics*), организация более широкой сети совместных программ обучения ведущих военных подрядчиков и профессиональными училищами и образовательными учреждениями и изменение системы кадрового планирования с учётом времени, необходимого университетам и профучилищам на подготовку кадров и обновление учебных программ.

ЛОББИЗМ И ВЛИЯНИЕ МЕХАНИЗМА «ВРАЩАЮЩИХСЯ ДВЕРЕЙ»

С 2002 по 2022 г. предприятия оборонного сектора потратили порядка 3,6 млрд долл. на лоббирование на федеральном уровне. Кроме того, по данным неправительственной организации, отслеживающей данные по финансированию избирательных кампаний и лоббисткой деятельности «ОпенСекретс» (*OpenSecrets*) [29], в каждом избирательном цикле подрядчики МО делают миллионные взносы в предвыборные кампании высших руководителей Конгресса и ключевых законодателей. За 20 лет компании американского ВПК наняли более 2700 лоббистов для работы с лицами, непосредственно влияющими на определение финансирования, в том числе и военной отрасли. Прежде всего, целевой аудиторией этих лоббистов являются члены комитетов по вооружённым силам и ассигнованиям Палаты представителей и Сената. Таким образом формируется замкнутый самоподдерживающийся круг интересантов: лоббирование – выделение денежных средств – лоббирование.

Кроме того, на американский ВПК оказывает сильное влияние механизм «вращающихся дверей». Многие высокопоставленные чиновники, которые принимают решения о выделении финансирования и контролируют закупки вооружений и военной техники (ВВТ), по прошествии времени переходят на работу в частный сектор. Так, по данным Проекта по государственному надзору (*Project On Government Oversight, POGO*), с 2008 г. пять основных поставщиков МО наняли на работу 123 бывших высокопоставленных чиновников из Министерства обороны США (табл. 2).

Таблица 2

Количество высокопоставленных чиновников, нанятых на работу в пять крупнейших оборонных подрядчиков, человек

Компания	Количество бывших высокопоставленных чиновников, нанятых на работу с 2008 по 2023 гг.
«Локхид Мартин»	44
«Рейтеон»	24
«Боинг»	23
«Дженерал Дайнемикс»	8
«Нортроп Грумман»	24

Составлено автором по данным POGO Pentagon Revolving Door Database.

В числе некоторых назначений в оборонных предприятиях заместитель помощника министра обороны по промышленной политике (2017-2019), начальник штаба министра обороны (2019-2020) Эрик Чевнинг (исполнительный вице-президент по стратегии и развитию *Huntington Ingalls Industries*), заместитель министра обороны (2017-2019), и.о. министра обороны с 1 января по 24 июня 2019 г. Патрик Шэнахэн (член совета директоров *CAE, Inc.*), аместитель помощника министра обороны по промышленной политике Дженнифер Сантос (директор по стратегическим инициативам *The Charles Stark Draper Laboratory, Inc.*), заместитель секретаря ВВС США (2015-2017) Лиза Дисброу (член совета директоров *Perspecta Inc.*), заместитель министра обороны (2019-2021) Дэвид Норквист (советник *SAIC*) и заместитель министра обороны США по закупкам и тыловому обеспечению (2018-2021) Эллен Лорд (член совета директоров *SAIC*) [Rojas W., DeChalus C., Leonard K., Levinthal D. 2021].

В дополнение к этому среди законодателей – членов комитетов Конгресса по вооружённым силам и ассигнованиям есть держатели акций оборонных предприятий [30]. Представляется, что в условиях получения значительной прибыли сохранять беспристрастность (равно не иметь конфликта интересов) – как минимум затруднительно. Это создаёт риски коррупции и оказания решающего влияния на процесс принятия решений по оборонному бюджету, при этом даже в отсутствии этических нарушений подобная практика негативно сказывается на общественном мнении граждан США [31]. В совокупности диффузия кадров из управления в правительство некоторое количество акционеров среди законодателей в профильных комитетах и захват регуляторных органов обеспечивают имеющуюся структуру ВПК, в которой сложно соблюдать эффективность.

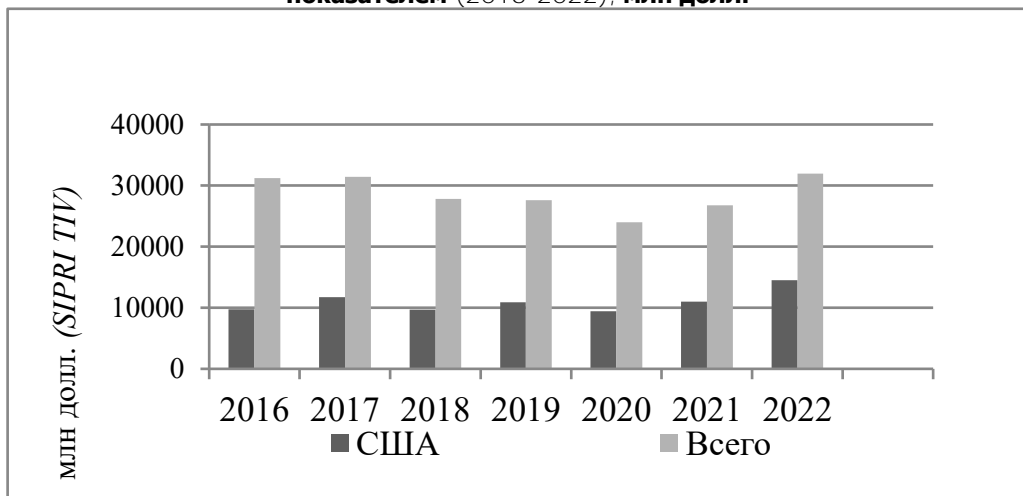
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя статистику по мировому экспорту вооружений и военной техники, можно заметить, что, несмотря на наличие вышеупомянутых серьёзных структурных проблем, доля США на внешнем рынке оружия растёт. Так, в период с 2013-17 по 2018-22 гг. экспорт вооружений из Соединённых Штатов вырос на 14%, а его доля США в общем объёме мирового экспорта вооружений увеличилась с 33% до 40% [32].

В силу институциональных ограничений внутренней конкуренции на американском рынке практически нет, однако она довольно высока на рынке глобальном. Более того, стимулирующим фактором в этом процессе является стремление США по геополитическим причинам вытеснить с рынка ВПК крупного игрока – Россию. Это вынуждает военно-промышленный комплекс США идти по пути адаптации для занятия и освобождения ниш.

Поставки американского вооружения на Украину с начала специальной военной операции в феврале 2022 г. наглядно продемонстрировали, что в ходе реальных крупных боестолкновений с серьёзным по военной мощи противником вооружение, военная техника и боеприпасы расходуются с высокой скоростью, намного превышающей возможности военно-промышленного комплекса США. Несмотря на структурные проблемы, работа американского ВПК рассчитана на обеспечение потребностей и эффективное производство в мирное время, а не на массовое производство в военное, поскольку поддержание неиспользуемых мощностей в мобилизационном состоянии имеет высокую цену [33].

Рисунок 2

Объём экспорта вооружений из США в соотношении с общемировым показателем (2016-2022), млн долл.

Составлено автором по данным SIPRI Database.

Чрезмерные затраты на оборонный бюджет, две трети которого идут на поддержание работы военно-промышленного комплекса США, отвлекают внимание от важных внутриполитических сюжетов: социальных проблем и доступа к общественным благам (например, финансирование больниц, образовательных учреждений и пр.). Более того, далеко не очевидно, насколько эффективно расходуются полученные оборонными подрядчиками и военным ведомством в принципе средства ввиду того, что МО ни разу не проходил комплексный финансовый аудит. Проблемы структурного характера снижают возможности США в сфере обеспечения национальной безопасности, негативно влияя на планы Соединённых Штатов по сохранению и укреплению доминирующего положения в мире. В перспективе сверхконсолидация американского ВПК из внутреннего вопроса может стать проблемой обеспечения исполнения контрактных обязательств и во внешней среде, а именно в части экспорта вооружений другим государствам. Более того, справедливо возникает дискуссия о том, насколько высокий уровень поставок ВиВТ на зарубежные рынки соотносится с американскими представлениями о демократии. Например, когда речь заходит об авторитарных государствах по американским, западным «мерилам».

ИСТОЧНИКИ

1. President Dwight D. Eisenhower's Farewell Address (1961). National Archives. n.d. Available at: <https://www.archives.gov/milestone-documents/president-dwight-d-eisenhowers-farewell-address> (accessed 14.07.2023).
2. Koshgarian, L., Siddique, A., Lusuegro, A. Tax Day 2023: Where Your 2022 Tax Dollars Went. *Institute for Political Studies*. 17.04.2023. Available at: <https://ips-dc.org/report-2023-tax-day-receipt/> (accessed 14.07.2023).
3. Department of Defense Releases the President's Fiscal Year 2024 Defense Budget. *U.S. Department of Defense*. 13.03.2023. Available at:

<https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3326875/department-of-defense-releases-the-presidents-fiscal-year-2024-defense-budget/> (accessed 14.07.2023).

4. Gledhill, J., Hartung, W. Scamming the taxpayer: How big defense budgets make us less safe. *Responsible Statecraft*. 13.09.2022. Available at: <https://responsibletatecraft.org/2022/09/13/scamming-the-taxpayer-how-big-defense-budgets-make-us-less-safe/> (accessed 14.07.2023).

5. Watts, B. The US Defense Industrial Base: Past, Present and Future. *Center for Strategic and Budgetary Assessments*. 2008. 90 p. P. 9. Available at: <https://csbaonline.org/uploads/documents/2008.10.15-Defense-Industrial-Base.pdf> (accessed 14.07.2023).

6. Watts, B. The US Defense Industrial Base: Past, Present and Future. *Center for Strategic and Budgetary Assessments*. 2008. 90 p. P. 26. Available at: <https://csbaonline.org/uploads/documents/2008.10.15-Defense-Industrial-Base.pdf> (accessed 14.07.2023).

7. Cancian, M.F., et al. Appendix C: 1993 Bottom-Up Review (BUR) Case Study. Formulating National Security Strategy: Past Experience and Future Choices. *CSIS*. 2017. pp. 95-103. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep23188.13/> (accessed 14.07.2023).

8. Korb, L.J., Conley, L., Rothman, A. A Historical Perspective on Defense Budgets. *American Progress*. 06.07.2011. Available at: <https://www.americanprogress.org/article/a-historical-perspective-on-defense-budgets/> (accessed 14.07.2023).

9. Chang, J. Chakrabarti, M. 'The last supper': How a 1993 Pentagon dinner reshaped the defense industry. *WBUR*. 01.03.2023. Available at: <https://www.wbur.org/on-point/2023/03/01/the-last-supper-how-a-1993-pentagon-dinner-reshaped-the-defense-industry> (accessed 14.07.2023).

10. Watts, B. The US Defense Industrial Base: Past, Present and Future. *Center for Strategic and Budgetary Assessments*. 2008. 90 p. Available at: <https://csbaonline.org/uploads/documents/2008.10.15-Defense-Industrial-Base.pdf> (accessed 14.07.2023).

11. Hartung, W. Merger Mania: The Military-Industrial Complex on Steroids. *LobeLog*. 21.07.2019. Available at: <https://lobelog.com/merger-mania-the-military-industrial-complex-on-steroids/> (accessed 14.07.2023).

12. State of Competition within the Defense Industrial Base. Department of Defense Report. *Office of the Under Secretary of Defense for Acquisition and Sustainment*. February 2022. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Feb/15/2002939087/-1/-1/1/state-Of-Competition-Within-The-Defense-Industrial-Base.Pdf> (accessed 14.07.2023).

13. DOD Report: Consolidation of Defense Industrial Base Poses Risks to National Security. *Department of Defense*. 16.02.2022. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2937898/dod-report-consolidation-of-defense-industrial-base-poses-risks-to-national-sec/> (accessed 14.07.2023).

14. Спирин Е.Д. Монополия на насилие. Проблема концентрации в оборонной промышленности США. *РСМД*. 27.01.2022. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/monopoliya-na-nasilie-problema-konsentratsii-v-oboronnoy-promyshlennosti-ssha/> (accessed 14.07.2023).

15. DOD Addresses Supply Chain Resiliency with Lone Star State Industry. *Department of Defense*. 22.06.2022. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3070036/dod-addresses-supply-chain-resiliency-with-lone-star-state-industry/> (accessed 14.07.2023).

16. Kontham, S. The Bridge: Price Gouging the Pentagon. *Project on Government Oversight*. 29.06.2023. Available at: <https://www.pogo.org/analysis/2023/06/the-bridge-price-gouging-the-pentagon> (accessed 14.07.2023).

17. Hartung, W., Gledhill, J. Throwing More Money at the Pentagon. *TomDispatch*. 20.06.2023. Available at: <https://tomdispatch.com/the-ultimate-all-american-slush-fund/> (accessed 14.07.2023).

18. Watts, B. The US Defense Industrial Base: Past, Present and Future. *Center for Strategic and Budgetary Assessments*. 2008. 90 p. P. 2-3. Available at: <https://csbaonline.org/uploads/documents/2008.10.15-Defense-Industrial-Base.pdf> (accessed 14.07.2023).
19. Gledhill, J. Defense Industry Crying Wolf on Its Finances. *Project on Government Oversight*. 22.05.2023. Available at: <https://www.pogo.org/analysis/2023/05/defense-industry-crying-wolf-on-its-finances> (accessed 14.07.2023).
20. Losey, S., Albon, C. Defense industry reports improving post-COVID supply chain. *Defense News*. 28.04.2023. Available at: <https://www.defensenews.com/industry/2023/04/28/defense-industry-reports-improving-post-covid-supply-chain/> (accessed 14.07.2023).
21. Mehta, A., Insinna, V. Chaos, cash and COVID-19: How the defense industry survived – and thrived – during the pandemic. *Defense News*. 15.03.2021. Available at: <https://www.defensenews.com/industry/2021/03/15/chaos-cash-and-covid-19-how-the-defense-industry-survived-and-thrived-during-the-pandemic/> (accessed 14.07.2023).
22. U.S. Container Port Congestion & Related International Supply Chain Issues: Causes, Consequences & Challenges. Federal Maritime Commission. July 2015. Available at: https://www.fmc.gov/wp-content/uploads/2019/04/PortForumReport_FINALwebAll.pdf (accessed 14.07.2023).
23. Jordan, N., Mapp, J. In The Dark: How The Pentagon's Limited Supplier Visibility Risks U.S. National Security. *War on the Rocks*. 14.06.2023. Available at: <https://warontherocks.com/2023/06/in-the-dark-how-the-pentagons-limited-supplier-visibility-risks-us-national-security/> (accessed 14.07.2023).
24. Securing Defense-Critical Supply Chains. *Department of Defense*. February 2022. 74 p. P. 29. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Feb/24/2002944158/-1/-1/1/DOD-EO-14017-REPORT-SECURING-DEFENSE-CRITICAL-SUPPLY-CHAINS.PDF> (accessed 14.07.2023).
25. Xianbin, Y. China Is Moving Rapidly Up the Rare Earth Value Chain. *Brink News*. 07.08.2022. Available at: <https://www.brinknews.com/china-is-moving-rapidly-up-the-rare-earth-value-chain/> (accessed 14.07.2023).
26. Securing Defense-Critical Supply Chains. *Department of Defense*. February 2022. 74 p. P. 5. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Feb/24/2002944158/-1/-1/1/DOD-EO-14017-REPORT-SECURING-DEFENSE-CRITICAL-SUPPLY-CHAINS.PDF> (accessed 14.07.2023).
27. 2022 Aerospace & Defense Workforce Study. AIAA. n.d. Available at: <https://www.aiaa.org/resources/2022-aerospace-and-defense-workforce-study> (accessed 14.07.2023).
28. Losey, S., Gould, J. Amid hiring boom, defense firms say labor shortage is dragging them down. *Defense News*. 05.08.2022. Available at: <https://www.defensenews.com/industry/2022/08/05/amid-hiring-boom-defense-firms-say-labor-shortage-is-dragging-them-down/> (accessed 14.07.2023).
29. Giorno, T. Defense sector donors contributed \$3.4 million to House Armed Services Committee members in the 2022 election cycle. *OpenSecrets*. 13.07.2022. Available at: <https://www.opensecrets.org/news/2022/07/defense-sector-donors-contributed-3-4-million-to-house-armed-services-committee-members-in-the-2022-election-cycle> (accessed 14.07.2023).
30. Pentagon Revolving Door Database. *Project on Government Oversight*. Available at: <https://www.pogo.org/database/pentagon-revolving-door> (accessed 14.07.2023).
31. Hedtler-Gaudette, D., Siegel, N. Representatives are Too Invested in Defense Contractors. *Project On Government Oversight*. 04.08.2022. Available at: <https://www.pogo.org/analysis/2022/08/representatives-are-too-invested-in-defense-contractors> (accessed 14.07.2023).
32. Wezeman, P.D., Gadon, J., Wezeman, S.T. Trends in International Arms Transfers, 2022. SIPRI Fact Sheet. SIPRI. March 2023. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-03/2303_at_fact_sheet_2022_v2.pdf (accessed 14.07.2023).

33. Cancian, M. Long Wars and Industrial Mobilization: It Won't Be World War II Again. War on the Rocks. 08.08.2017. Available at: <https://warontherocks.com/2017/08/long-wars-and-industrial-mobilization-it-wont-be-world-war-ii-again/> (accessed 14.07.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федорович В.А., Муравник В.Б., Бочкарев О.И. США: военная экономика (организация и управление). М.: Международные отношения, 2013. ISBN 978-5-7133-1428-6. С. 29, 42.

REFERENCES

1. Fedorovich, V.A., Muravnik, V.B., Bochkarev, O.I. *USA: Military Economy (Organization and Management)*. Moscow: International Relations, 2013. ISBN 978-5-7133-1428-6. P. 29, 42.

2. Grullon, G., Larkin, Y., Michaely, R. Are US Industries Becoming More Concentrated? *Review of Finance*. July 2019. 23(4): 697-743. DOI: 10.1093/rof/rfz007

3. Mahoney, C.W., Tkach, B.K. and Rethmeyer, C.J. Defense Contractors, Private Equity Firms, and US National Security. *Journal of Global Security Studies*. 2022. 7(4). DOI: 10.1093/jogss/ogac018

4. Rojas, W., DeChalus, C., Leonard, K., Levinthal, D. At least 15 lawmakers who shape US defense policy have investments in military contractors. *Business Insider*. 13.12.2021. Available at: <https://www.businessinsider.com/congress-members-are-trading-defense-stocks-while-shaping-military-policy-2021-12> (accessed 14.07.2023).

5. Tirpak, J.A. The Distillation of the Defense Industry. *Air & Space Forces Magazine*. 01.07.1998. Available at: <https://www.airandspaceforces.com/article/0798industry/> (accessed 14.07.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАБКИНА Софья Константиновна, эксперт, Институт международных исследований МГИМО МИД России. Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, д.76

Sofia K. BABKINA, Expert, Institute for International Studies MGIMO University. 76 Vernadskogo Prospect., Moscow, Russia.

Статья поступила 16.07.2023. Received 16.07.2023.

Поступила после рецензирования 30.07.2023 / Revised 30.07.2023.

Статья принята к публикации 01.08.2023 / Accepted 01.08.2023.

УДК: 327, 355/359

DOI: 10.31857/S2686673023110020

EDN: PPMMOI

Оборонно-промышленный комплекс США в свете украинского конфликта

И.О. Шкробтак

*Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Scopus ID: 57202469551

РИНЦ ID: 763381

ORCID: 0000-0002-9382-6738

e-mail: igor.shkrobtak@yandex.ru

Резюме. Данное исследование посвящено изучению состояния оборонно-промышленного комплекса (ОПК) США в свете украинского конфликта, его проблемам и перспективам развития. Работа актуальна в силу эскалации конфликта на Украине и применения американских образцов вооружений со стороны ВСУ против российских подразделений в ходе специальной военной операции. В статье изучаются такие вопросы работы ВПК, как разрыв между гражданской и военной промышленностью США, зависимость американской оборонной промышленности от иностранных производителей и разработчиков, отсутствие полных цепочек создания вооружений и непригодность американских образцов к конфликту высокой интенсивности.

В исследовании отдельно рассматривается взаимосвязь между гражданским и военным производством и важность развитой индустрии для ОПК. В работе уделяется внимание идеологии создания и производства изделий американского ОПК и несоответствию их условиям конфликта высокой интенсивности.

Особо подчёркивается необходимость серьёзных финансовых вливаний и социально-экономических реформ при любом возможном варианте развития ВПК США.

Ключевые слова: США, оборонно-промышленный комплекс, военная индустрия, авиационная промышленность, судостроение, бронетанковая промышленность

Для цитирования: Шкробтак И.О. Оборонно-промышленный комплекс США в свете украинского конфликта. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (11): 18–26. DOI: 10.31857/S2686673023110020 EDN: PPMMOI

US Military-Industrial Complex under the Influence of the Ukrainian Conflict Igor O. Shkrobtak

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus ID: 57202469551

РИНЦ ID: 763381

ORCID: 0000-0002-9382-6738

e-mail: igor.shkrobtak@yandex.ru

Abstract. This study is devoted to the study of the state of the military-industrial complex under the influence of the Ukrainian conflict, problems and prospects of development. The work is relevant due to the escalation of the conflict in Ukraine and the use of American weapons by

the Armed Forces of Ukraine against Russian units during a special military operation. The article investigates such issues of the military-industrial complex as the gap between the civilian and military industries of the United States, the dependence of the American defense industry on foreign manufacturers and developers, the lack of complete chains of weapons creation and the unsuitability of American models for high-intensity conflict.

The study particularly considers the relationship between civil and military production and the importance of a developed industry for the military-industrial complex. The paper focuses on the ideology of the creation and production of products of the American defense industry and their inconsistency with the conditions of a high-intensity conflict.

The work emphasizes the need for serious financial injections and socio-economic reforms in any possible scenario for the development of the US military-industrial complex.

Keywords. USA, military-industrial complex, aviation industry, shipbuilding, armored industry

For citation: Shkrobtak I.O. US Military-Industrial Complex under the Influence of the Ukrainian Conflict. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (11): 18-26.

DOI: 10.31857/S2686673023110020 EDN: PPMOI

ВВЕДЕНИЕ

ОПК США, будучи одной из крупнейших отраслей подобного рода в мире, производит практически всю номенклатуру вооружений, боеприпасов, комплектов и вспомогательных средств военного назначения. Технологии, компетенции американской индустрии позволяют удовлетворить практически любые требования по созданию и проектированию изделий военного и двойного назначения. Он включает в себя все этапы проектирования, испытания и производства подобного рода продукции. Тем не менее следует отметить в качестве особенностей американской оборонной индустрии, изначально крайне высокую стоимость изделий, сложность в производстве и эксплуатации и отсутствие полного цикла производства в целом ряде компонентов [1].

Также следует отметить сравнительно невысокие объёмы выпуска продукции, которые, в свою очередь, не могут в современных условиях считаться достаточными. С конца Второй мировой войны объёмы выпуска изделий военного назначения непрерывно падали и фактически целый ряд отраслей, такие как производство танков, перестали существовать – на данный момент США не производит основные боевые танки (*далее* – ОБТ), а изымает их с хранения, проводит модернизацию и поставяет заказчику [2]. Это связано с отсутствием производства бронекорпусов ОБТ и соответствующих компетенций в области металлургии.

Следует также отметить, что некоторые новейшие производства, например тяжёлых истребителей пятого поколения, также прекращены, причём, довольно долгое время [3]. Это обстоятельство присуще и космической отрасли – долгое время НАСА получали ракетные двигатели от России в силу утери технологии их производства [4]. Всё это несомненно негативно сказывается на способности США строить технологически сложные изделия и требует дополнительных и крайне высоких финансовых вливаний.

До 2014 года военное строительство США было сосредоточено на производстве вооружения и амуниции, предназначенном, прежде всего, для сил быстрого реагирования. Их целью, в первую очередь, было создание наиболее мобильных оружейных систем, способных к авиационной и морской транспортировке. Во-вторых, ставилась задача создания высокоточного вооружения, способного

экономить боеприпасы, которые массово невозможно доставить на поле боя. Всё вышеперечисленное сказалоcь негативным образом на ремонтпригодности подобного рода изделий и их техническом ресурсе [5].

Другими словами, ряд образцов, принятых с 2001 по 2014 г., требуют специального обслуживания вне полевых условий и ресурс боевого оснащения (например, срок износа автоматических пушек на лёгкой наземной технике) крайне низкий. Вполне естественно, что описанные недостатки практически никак не сказывались во время ведения кампаний в Ираке и Афганистане, где не было острой необходимости в полевом ремонте и вооружении с высоким техническим ресурсом. Последним скрытым недостатком американского вооружения этого периода можно назвать сравнительно небольшие серии при высокой стоимости, что также было неочевидно в период локальных конфликтов.

В период с 24 февраля оборонно-промышленный комплекс Соединённых Штатов столкнулся с целым рядом проблем, сопряжённых с особенностями военного строительства США, стратегии обороны и безопасности, принятой в последние годы и характером конфликтов, в которых участвовали вооружённые силы страны. В основном это касается концептуального развития вооружённых сил и их оснащения, которые продумывались под совершенно иные военные, экономические и внешнеполитические реалии.

В первую очередь сказывается приспособленность к конфликтам низкой интенсивности, где главным противником американских подразделений выступали иррегулярные формирования с крайне нестабильным уровнем подготовки личного состава и вооружения. Другими словами, американский ОПК не был подготовлен к производству вооружений для противодействия регулярному и хорошо подготовленному противнику. От оборонной промышленности США требовались достаточно дорогие в силу сложности и малого объёма выпуска изделия, которые концептуально не предназначены для столкновений с регулярной армией, имеющей на своём вооружении подавленные авиацию, разведку, артиллерию и радиоэлектронную борьбу. В ряде случаев (миннозащищённые броневые автомобили и инженерная техника) практически не предназначались для огневого контакта с хорошо вооружённым противником.

Вместе с тем индивидуальное оснащение бойца, на которое делался акцент в свете компаний в Ираке и Афганистане, оказалось в ходе ведения специальной военной операции не столь актуально в силу массированного огневого воздействия как авиации, так и артиллерии противника, при методичном подавлении собственных средств огневой поддержки. Сказывается недостаточность тяжёлого вооружения у украинских моторизованных и танковых частей, должного количества снарядов и боевых бронированных машин, предназначенных для конфликтов высокой интенсивности.

Кроме того, другой особенностью, выявленной в ходе проведения специальной военной операции, это неспособность некоторых американских образцов вооружений (вышеупомянутые противоминные транспортные средства, стрелковое вооружение, системы связи) к участию в длительных боевых столкновениях с массированным применением тяжёлого вооружения обеими сторонами [6]. Следует отметить проблемы с обслуживанием данной техники в силу крайне неровного уровня подготовки украинского личного состава и отсутствия условий для должной диагностики и ремонта вышеупомянутых образцов вооружений.

Также появляются проблемы с применением высокотехнологичной продукции против ударных беспилотных, гиперзвуковых комплексов и крылатых ракет.

Эти затруднения связаны, прежде всего, с концептуальным несоответствием условий создания (тактико-технических требований и самой идеологии создания), характеру конфликта высокой интенсивности и регулярных вооружённых сил с высоким технологическим уровнем [7].

Отдельно следует указать, что другие, на данный момент не применённые в ходе конфликта виды вооружений также, в свете опыта специальной военной операции, вызывают вопросы и сомнения в целесообразности своего производства и эксплуатации. Зачастую в силу вложенных в них средств, сил и низкого объёма производства, они становятся своего рода «белыми слонами» – крайне малочисленными и дорогими образцами, чьё боевое применение, как правило, не представляется целесообразным. Подобные виды вооружений находятся в эксплуатации в военно-морском флоте США (проекты эсминцев «Замволт» [8] и литоральных кораблей [9]), ВВС (истребители пятого поколения F-22 [10]) и отчасти в американской армии (противоминные автомобили, крайне специфические стрелковые и артиллерийские системы).

СОСТОЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВА В РАМКАХ ОПК США

Важнейшим фактором эффективного функционирования американского ОПК можно назвать широкую сеть международной кооперации. С помощью значительного числа сторонних поставщиков и производителей как из Европы, так и из АТР, оборонно-промышленный комплекс США способен производить наиболее технологичные образцы вооружений. При этом подобный уровень кооперации ставит военную индустрию Вашингтона в зависимость от иностранной продукции и приводит к утере производственных компетенций. Это касается не только готовых изделий, но и материалов (например, редкоземельных металлов), отдельных элементов (электронные чипы, производимые на Тайване) и отдельных этапов проектирования, находящихся в аутсорсинге в других странах [11].

В связи с возможным разрывом экономических и производственных связей, возможности американского ОПК существенно сократятся и целый ряд производственных компетенций практически сразу выпадет, разрушив тем самым существенное количество производственных цепочек. В первую очередь, это касается судостроения, электроники, двигателя и станкостроения, которые находятся в серьёзной зависимости от азиатских производств – Южной Кореи, Тайваня и пр.

В существующей экономической системе одной из фундаментальных проблем можно назвать практическое отсутствие связи между гражданским и военным производством. Особенно отчётливо это видно на примере военного кораблестроения и гражданского судостроения, где совершенно очевиден перекося в сторону оборонной индустрии [12]. Американское гражданское судостроение по объёмам не может сравниться ни с китайским, ни с южнокорейским по объёмам производства даже после спада 2020–2022 гг. Это сказывается на производстве крайне важных для кораблестроения сложных серийных агрегатов, корпусов и развитии всей отрасли в целом. Гражданская индустрия проводит важнейшие для оборонно-

промышленного комплекса исследования в области улучшения силовых установок, прочностных характеристик, материаловедения, качества корпуса и пр.

Подобная ситуация не представляется нормальной в силу как объёмов гражданских закупок, так и возможности диверсификации гражданской техники в военную, что серьёзно упрощает производство и эксплуатацию военной продукции. Конверсия гражданской и военной продукции крайне важна с точки зрения снижения себестоимости и увеличения скорости и объёмов создания как военной, так и гражданской продукции. Также следует отметить, что опыт боевого применения техники или отдельных узлов даёт дополнительный материал для исследований в том числе и в гражданской сфере.

Разрыв между гражданской и военной индустрией нельзя назвать перманентным свойством американского оборонно-промышленного комплекса. В период Второй мировой и холодной войны ОПК США создавал значительный спектр продукции двойного назначения, начиная от отдельных узлов и агрегатов (например, судовых силовых установок), заканчивая уже готовыми системами (бронемашинами, самолётами, вертолётами и кораблями) [13]. Это позволяло серьёзно снижать стоимость изделий и увеличивать скорость и объём продукции военного назначения. В результате это позволяло не только создавать конкурентноспособные и эффективные на поле боя образцы для собственных вооружённых сил, так и на экспорт, что удавалось поставлять преимущественно без привлечения административно-политического ресурса. Примерами подобных изделий могут служить проекты в области автобронетанковой техники, военного и гражданского судостроения и некоторые авиационные комплексы.

В конечном счёте ОПК США можно назвать ориентированным на производство достаточно дорогостоящей и в значительной мере не массовой продукции. Кроме того следует отметить, что некоторые отрасли можно назвать утраченными или даже (на данный момент) несуществующими – в частности это касается бронетанковой техники, которая практически не выпускается в США «с нуля», и гиперзвуковых технологий, которые не имеются в США в виде серийных изделий.

Имеется, с нашей точки зрения, дилемма: производить существующую номенклатуру вооружений или переводить производство на создание новых, более массовых и дешёвых образцов. Оба варианта развития американского военного строительства предполагают радикальные изменения не только во всём оборонно-промышленном комплексе и, соответственно, значительные капиталовложения, но и в целом в социально-экономической системе США.

Развёртывание полномасштабного производства имеющейся номенклатуры вооружений влечёт за собой чрезмерные затраты на создание подобного рода образцов при их сомнительной эффективности на поле боя. Кроме того, наибольшим препятствием на пути к реализации подобного сценария является отсутствие нужного числа квалифицированных кадров для подобного рода индустрии. Вопрос расширения производства – дело как минимум среднесрочной перспективы. Решение данной проблемы состоит или в образовательной программе, направленной на подготовку нужного числа специалистов в области

проектирования и производства, или в привлечении зарубежных специалистов в американский оборонно-промышленный комплекс.

Очевиден лишь один факт – существующая в США образовательная система не справится с подготовкой должного числа специалистов. Временной мерой в ряде отраслей ОПК США будет привлечение значительного числа небольших частных подрядчиков и сторонних американских производителей и рабочих-энтузиастов [14]. Подобного рода меры могут считаться лишь паллиативом в силу сокращающихся возможностей в связи с ужесточающимся оружейным законодательством.

Главным же обстоятельством эффективного внедрения данного варианта будет полноценная долгосрочная программа перевооружения и корректное ею руководство. Примером подобного может являться работа Р. Макнамары на посту министра обороны. Именно при Роберте Макнамаре было принято подавляющее большинство образцов вооружений, которые сейчас можно назвать наиболее современными и массовыми для американских вооружённых сил.

Второй вариант подразумевает перепрофилирование гражданского производства на военную продукцию и массовый выпуск более простых образцов, чем это было принято ранее, с отказом от крайне дорогих и амбициозных проектов, принятых ранее. Однако перечисленные меры требуют значительного количества времени для их реализации. Кроме того, от производителей потребуется перестроить уже существующий подход к проектированию, когда закладывается слишком высокий уровень текущих боевых и технических возможностей и сравнительно низкий модернизационный потенциал.

При этом следует учитывать, что ассигнования на подобные проекты не безграничны и военным подрядчикам придётся в том или ином виде их доводить до логического завершения. Другими словами, Министерство обороны в текущей ситуации не может больше тратить военный бюджет на проекты, которые не заканчиваются серийными образцами.

Также следует отметить сопутствующие затруднения при любом варианте. В первую очередь, расширение производства и его диверсификацию. Во-вторых, при принятии подобных мер у американского ОПК неминуемо появится потребность в значительных количествах квалифицированных технических специалистов и рабочей силы, что повлечёт за собой масштабные социальные и экономические изменения, которые будут иметь самые серьёзные последствия в долгосрочной перспективе.

Тем не менее мы можем прогнозировать следующие перспективы:

1. Рост заказов на продукцию оборонно-промышленного комплекса со стороны американского военного ведомства. При любом возможном итоге украинского конфликта, вооружённые столкновения подобного рода будут появляться значительно чаще.

2. Повышение потребностей в научно-технических исследованиях, которые будут призваны купировать новые вызовы. Применение новых, зачастую кустарных, образцов вооружений ставит перед оборонно-промышленным комплексом США новые задачи, которые решаются сугубо путём поиска новых технических и тактических средств.

3. Новые ассигнования на оборону со стороны американского военного ведомства и, как следствие, кризис производства. Подобные затруднения могут быть преодолены лишь с помощью расширения производства и его переориентацию на создание новых видов вооружений.

4. Попытка расширения экспорта вооружений за счёт административного, экономического и военного давления на возможных покупателей. Только эта мера может компенсировать затраты на развитие оборонного производства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конечном счёте американская военная промышленность на данный момент находится перед важнейшим стратегическим выбором в своей истории после окончания холодной войны. В зависимости от избранного пути, будет зависеть не только дальнейшее будущее ОПК США, но и всей научно-технической отрасли. От оборонно-промышленного комплекса Соединённых Штатов зависит во многом и итог военных действий, и долгосрочные политические последствия, которые повлияют не только на расстановку сил в Европе, но и на всю архитектуру международных отношений.

Американские военные теоретики и специалисты в военном производстве должны понимать, что украинский кризис – далеко не последний конфликт высокой интенсивности, где будет применяться оружие и технологии, созданные в США. Вопрос перевооружения, создания необходимых запасов и материально-технической базы для оперативного обслуживания и ремонта американской военной техники актуален не только для союзников Вашингтона, но и для непосредственно американских боевых подразделений.

Концептуальное развитие перспективных образцов и сам подход к разработке, производству и принятию на вооружение также, по всей вероятности, будет изменено в силу радикальной смены характера конфликтов. И от компаний-производителей, и от военных специалистов требуется системный и, возможно, стратегический подход к новым изделиям в силу их необходимости как для американских вооружённых сил, так и для союзников. Другими словами, тактико-техническое задание должно включать в себя такие пункты, которые будут подразумевать значительный технологический ресурс и модернизационный потенциал.

В этих условиях, обостряется влияние кадрового и личного фактора в военном строительстве и оборонно-промышленном комплексе. Ответственный и добросовестный аудит, глубокое знание предмета, неангажированность и экономически выверенный подход позволяет создать наиболее качественные и долгоживущие в действующих подразделениях образцы вооружений. В результате на вооружения затрачиваются соответствующие финансовые средства и задействуются должные производственные мощности.

В долгосрочной перспективе подобный подход обеспечит значительно большую эффективность затрат на производство и эксплуатацию вооружений, что иллюстрируется современным использованием образцов времён холодной войны. Это касается и военно-морских, и сухопутных, и авиационных комплексов как

американских, так и советских, которые применяются с начала 1980-х годов, а разработаны с середины 1960-х. Обратным примером может служить ряд оружейных систем, разработанных в 1990-2000 гг., которым присуща и низкая культура разработки, и сомнительная идеология создания, и невысокое число произведённых образцов.

Исход специальной военной операции на Украине напрямую скажется на репутации ключевых участников в оборонно-промышленном комплексе США. Успехи и неудачи предоставленных изделий на поле боя непосредственно повлияют на объёмы заказов и финансирования как из государственного бюджета, так и на возможностях экспорта подобного рода продукции. В случае поражения ВСУ американский ОПК ждут серьёзные изменения и, возможно, реформирование, что, впрочем, зависит не только от положения на фронте, но и от внутритропической расстановки сил как в американском военном ведомстве, так и в других властных структурах Вашингтона.

Победа или компромисс, пусть и крайне маловероятные, также должны привести к серьёзному и подробному анализу применения поставленных для украинских подразделений образцов вооружений в силу феноменальности конфликта.

Тем не менее, наличие серьёзнейших системных проблем в американском оборонно-промышленном комплексе на современном этапе составляют труднопреодолимое препятствие для индустрии. После окончания специальной военной операции на Украине ОПК США потребует серьёзный пересмотр идеологии создания и производства вооружений в силу растущей вероятности возникновения новых конфликтов высокой интенсивности с участием регулярных хорошо вооружённых сил.

Следует учитывать, что повышение эффективности функционирования американского оборонно-промышленного комплекса требует значительного времени, финансовых вливаний и радикальных изменений не только в узком разрезе функционирования индустрии, но и всей социально-экономической системы. Вопрос готовности не только ОПК США, но и всей государственной системы в целом к подобного рода мерам остаётся открытым и вызывает серьёзные сомнения в силу особенностей современного экономико-политического устройства в возможности их осуществления.

ИСТОЧНИКИ

1. Military Balance 2022, *International Institute for Strategic Studies (IISS)*, Routledge, 2022. ISBN: 1000620034, p. 527.
2. Что известно о танках M1 Abrams и Leopard II. ТАСС. Available at: <https://tass.ru/info/16892055> (accessed 10.03.2023).
3. F-22 Raptor Digital, Dominant, Ready, Available at: <https://www.lockheedmartin.com/en-us/products/f-22.html> (accessed: 24.06.2023).
4. NASA заявило о сохранении сотрудничества с «Роскосмосом» по МКС. *Известия*, 16 сентября 2022 г. Available at: <https://iz.ru/1396706/2022-09-16/nasa-zaiavilo-o-sokhranenii-sotrudnichestva-s-roskosmosom-po-mks> (accessed: 10.03.2023).

5. Чем воюет Украина. Available at: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/474586/> (accessed: 10.03.2023).
6. Russian New Generation Warfare Handbook. Available at: <https://info.publicintelligence.net/AWG-RussianNewWarfareHandbook.pdf> (accessed 10.03.2023).
7. Hypersonic Weapons: Background and Issues for Congress, Available at: <https://sgp.fas.org/crs/weapons/R45811.pdf> (accessed: 24.03.2023).
8. Defense Acquisitions Assessments of Selected Weapon Programs, Available at: <https://web.archive.org/web/20150924043422/http://www.gao.gov/assets/670/668986.pdf#page=81> (accessed: 24.06.2023).
9. Official U.S. Navy Littoral Combat Ship Class Fact File. Available at: https://www.navy.mil/navydata/fact_display.asp?cid=4200&tid=1650&ct=4 (accessed: 24.03.2023).
10. America's Next Lethal War Machine. Available at: <https://imagery.vnfawing.com/PDF-Archive/F-22-Raptor.pdf> (accessed: 24.03.2023).
11. The Global Research and Development Landscape and Implications for the Department of Defense. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R45403.pdf> (accessed: 24.03.2023).
12. Ships built by country of building, annual. Available at: <https://unctad-stat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed: 07.06.2023).
13. UPDATED: White House-Led Navy Shipbuilding Plan Set to Push Boundaries of Pentagon Budgets, Industry Capacity. Available at: <https://news.usni.org/2020/12/10/white-house-led-navy-shipbuilding-plan-set-to-will-push-boundaries-of-pentagon-budgets-industry-capacity> (accessed: 17.06.2023).
14. Raytheon Calls in Retirees to Help Produce Stinger Missiles. Available at: <https://www.zerohedge.com/geopolitical/raytheon-calls-retirees-help-produce-stinger-missiles> (accessed: 17.06.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь Олегович ШКРОБТАК, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Igor O. SHKROBTAK, Candidate of Sciences (History), Department of Military and Political Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.07.2023 / Received 16.07.2023.

Поступила после рецензирования 03.08.2023 / Revised 03.08.2023.

Статья принята к публикации 05.08.2023 / Accepted 05.08.2023.

УДК 355/359; 351.864

DOI: 10.31857/S2686673023110032

EDN: PIYYGV

Оборонная промышленность Европы: актуальные вызовы и возможные пути развития

В.О. Корощупов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23.

РИНЦ ID: 49942345

ORCID: 0000-0003-4882-3826

e-mail: koroschupov@imemo.ru

Резюме. Рассмотрены основные тенденции интеграции оборонной промышленности европейских стран за период 1990–2023 гг. Отмечается сохранение фрагментарности оборонной отрасли и дублированности систем вооружений из-за стремления европейских стран защитить свои оборонно-промышленные базы. Выделяются некоторые факторы, влияющие на развитие европейской оборонной промышленности в условиях региональной напряжённости в Европе. Анализируются военно-политические амбиции европейских стран и влияние на них экономических факторов.

Ключевые слова. Оборонно-промышленная база, оборонная промышленность Европы, интеграция оборонной промышленности европейских стран, стратегическая автономия Европы

Для цитирования: Корощупов В. О. Оборонная промышленность Европы: актуальные вызовы и возможные пути развития. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53 (11): 27–41. DOI: 10.31857/S2686673023110032 EDN: PIYYGV

Europe's Defence Industry: Current Challenges and Possible Ways of Development

Vadim O. Koroschupov

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences (IMEMO).*

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

РИНЦ ID: 49942345

ORCID: 0000-0003-4882-3826

e-mail: koroschupov@imemo.ru

Abstract. The main trends in the integration of the defence industry of European countries for the period 1990–2023 are considered. Some factors influencing the development of the European defence industry in the context of regional tensions on the European continent are highlighted. The level of ambitions of European countries and the influence of economic factors on them are analyzed. The research results indicate that there is a gradual integration of the European defence technological and industrial bases (EDTIB). Nevertheless, the author comes to the conclusion that in some issues the relative fragmentation of the defence industry and the duplication of certain weapons systems will remain.

Keywords. Defence industrial base, Europe's defence industry, integration of the European defence technological and industrial bases (EDTIB), strategic autonomy, level of ambitions

For citation: Koroschupov V.O. Europe's Defence Industry: Current Challenges and Possible Ways of Development. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (11): 27-41. DOI: 10.31857/S2686673023110032 EDN: PIYYGV

ВВЕДЕНИЕ

Напряжения в глобальной геополитике мобилизовали европейские страны на то, чтобы более серьёзно задуматься о безопасности и обороне. Вслед за принятием обязательств на Мадридском саммите (в 2022 г.), по укреплению восточного фланга НАТО вооружёнными силами и ВиВТ, Европейский Союз также предпринял новые шаги в своём развитии в качестве надёжного оборонного партнёра и объявил о существенном увеличении оборонных бюджетов (События на Украине 2022 г. привели к заметному изменению курса. В последующие месяцы около 20 европейских стран обязались увеличить свои расходы на оборону. О заметном увеличении объявили Германия и Польша). Эти события значительны, но было бы преждевременно предполагать, что они знаменуют начало новой эры. Подлинный сдвиг парадигмы потребует постоянных и целенаправленных усилий по закреплению уже взятых обязательств, необходимых для того, чтобы европейская оборона двигалась в желаемом направлении.

Стоит отметить, что после холодной войны европейские страны в значительной степени позволили своим вооружённым силам деградировать [Корошупов В., 2022]. Фокус военной деятельности сместился с гипотетического конфликта против равного себе противника на экспедиционные операции, сосредоточенные на антикризисном урегулировании, борьбе с повстанцами и терроризмом. Эти операции проводились в основном за пределами региона (за исключением Балкан), вероятность крупной войны казалась низкой. Это следствие распада биполярной системы, после которого в Европе наступил довольно продолжительный период мира и стабильности. После событий 2014 г. на Украине территориальная оборона снова стала основой НАТО. Но наращивание военного потенциала – это длительный и сложный процесс, программирование строительства ВС и расходы планируются заранее, с учётом угроз завтрашнего дня.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ БАЗЫ В ЕВРОПЕ

Так, например, на саммите НАТО в Уэльсе в 2014 г. члены НАТО обязались увеличить расходы на оборону до 2% ВВП к 2024 г. В настоящее время, согласно отчёту НАТО за 21 марта 2023 г. [1], только семь из 30 союзников достигают этого уровня. Согласно данным Всемирного банка, военные расходы Финляндии за 2021 г. составили 2,0% ВВП. Финляндия вошла в НАТО 4 апреля 2023 г. [2].

В недавних командно-штабных учениях с участием вооружённых сил США, Великобритании и Франции, британские вооружённые силы исчерпали национальные запасы критически важных боеприпасов за восемь дней [3]. Исследования американских специалистов показывают, что такие проблемы испытывают не только в Европе. Отчёты США об оборонно-промышленной базе ясно дают понять, что наращивание производства в военное время может оказаться сложной задачей, если не невозможной, из-за проблем с цепочками поставок и нехватки обученного персонала ввиду деградации американской производствен-

ной базы [4]. Так, например, поставка переносного зенитно-ракетного комплекса *FIM-92 Stinger*, согласно заключённому контракту между МО США и компанией «Рейтеон техноложиз» (*Raytheon Technologies*) до 2026 г. [5], остаётся под вопросом отчасти из-за нехватки комплектующих [6].

Региональная военная напряжённость в 2022 г. также создала новые проблемы для европейской оборонной промышленности, поскольку передача ВиВТ шла из, и без того ограниченных, национальных запасов, которые трудно пополнить, учитывая текущие темпы производства. Задержки в цепочке поставок и чрезмерная зависимость Европы от импорта критически важного сырья, необходимого для разработки современных систем вооружений, привели к дальнейшему затягиванию сроков производства.

Таблица 1

Доля расходов на закупку ВиВТ от общих расходов на оборону с 2014-2023 гг., % (в ценах 2015 г. и с учётом обменных курсов)

Страна	2014 г.	2023 г.
Польша	18,84	52,45
Финляндия	13,68	50,80
Люксембург	22,61	50,26
Венгрия	7,76	48,43
Греция	8,17	35,99
Румыния	15,77	35,20
Болгария	1,03	35,09
Эстония	22,15	31,57
Северная Македония	5,92	30,53
США	25,97	29,30
Норвегия	20,42	29,16
Франция	24,64	29,08
Албания	16,65	29,00
Испания	13,49	28,64
Великобритания	22,82	28,59
Нидерланды	10,68	27,01
Монтенегро	7,46	26,81
Латвия	7,55	26,33
Хорватия	13,03	26,22
Чехия	6,53	25,51
Турция	25,08	25,41
Германия	12,94	25,35
Литва	14,06	24,64
Канада	13,03	24,40
Словакия	11,12	24,26
Словения	0,66	23,47
Италия	10,92	23,00
Португалия	8,43	21,99
Бельгия	3,52	21,45
Дания	10,99	20,77

Целевой показатель НАТО относительно доли расходов на закупку ВиВТ в общих расходах на оборону составляет 20%. Данные за 2023 г. представляют прогнозируемые показатели. [7].

СОСТОЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ БАЗЫ

Несмотря на общую конкурентоспособность оборонной промышленности стран Европы, существуют недостатки. Например, по некоторым ключевым системам вооружений европейские страны до сих пор не имеют своих собственных решений. Недостатком также является отсутствие единых закупок, что фрагментирует отрасль. Хотя были предприняты попытки по консолидации отдельных отраслей. Например, в авиационном секторе создана общеевропейская компания «Аэробус» (*Airbus*), в ракетостроительном секторе учреждена компания *MBDA*. Недавно были сформированы холдинги в военно-морском секторе (*Naviris*) и в секторе производства сухопутной техники (*KNDS*) (табл. 2).

Таблица 2

Секторы и подсекторы оборонной промышленности

Сектор	Аэрокосмический сектор	Сектор производства сухопутной техники	Военно-морской сектор	Сектор электроники
Подсектор	Летательные аппараты	Артиллерия	Фрегаты	ПРО/ПВО системы
	Двигатели	Военная техника	Корветы	Радиолокационные, гидролокационные системы
	Ракетные системы	Двигатели	Подлодки	Авионика
	Космические системы	Легкое вооружение	Двигатели	Системы управления боем
		Боеприпасы		Кибер-технологии

Составлено автором.

В отношении консолидации оборонного бизнеса стран Европы, можно признать, что европейские правительства не спешат интегрировать свои оборонные компании, это связано с тем, что многие заводы, компетенции, кадры и налоговую базу придётся сократить. Тем не менее, десятилетия (1990-2020 гг.) сокращений военных расходов заставляют правительства и акционеров компании либо сокращать предприятия, либо перенацеливать их на гражданский сектор, либо продавать иностранным компаниям, либо объединяться с другими компаниями, либо переориентироваться на внешние рынки.

Что касается сокращения предприятий, то показателен следующий пример, когда в 1993 г., в результате так называемой «тайной вечери» (*the Last Supper*), в конце 1990-х годов от 107 военных американских компаний осталось пять, которые и образуют сегодня современную оборонно-промышленную основу США [8]; [9]. Европейские оборонные компании в 1990-х годах также были подвержены консолидации, но не так радикально, как их американские партнёры. В результате консолидации военно-промышленного сегмента экономики внутри стран появились такие крупные национальные компании, как *BAE Systems*, *Leonardo*, *Rheinmetall*, *Naval Group* и *Thales*, а в результате консолидации на надъевропейском уровне – были сформированы такие компании, как *Airbus*, *MBDA*, *KNDS* и *Naviris*.

Европейские компании, в отличие от своих американских коллег, не проводят мегаслияний, а вместо этого создают совместные предприятия (*Joint Ventures*) или

совместные холдинги (*Joint Holdings*). Это более ограниченная форма транснациональной консолидации, поскольку в таких случаях деятельность национальных компаний остаётся обособленной и не полностью интегрированной. Европейцы занимают более выдержанную позицию и не спешат с мегаслияниями [Beraud-Sudreau, 2020]. Таким образом, на сегодняшний день в Европе впервые процесс консолидации затронул все четыре отрасли оборонно-промышленного сегмента. Важно отметить, что, как правило, слияния проходят между компаниями, которые показывают падение финансовых показателей в течение нескольких лет. Соответственно, правительства европейских стран под давлением экономических факторов вынуждены умерить свои политические амбиции касательно своего скептического отношения к интеграции компаний за счёт потери национального промышленного суверенитета.

Описывая состояние оборонно-промышленной базы Европы, стоит также отметить, что её инфраструктура в Европе распределена неравномерно. Так, объём товарооборота шести стран (Франция, Великобритания, Германия, Италия, Испания и Швеция), подписавших так называемое Соглашение о намерениях (*Letter of Intent/Lol*), которое является европейским межправительственным проектом по содействию реструктуризации европейской оборонной промышленности и составляет 87% всего объёма товарооборота продукции оборонного назначения в Европе (примерно 81 млрд евро) [Marrone и др., 2015]; [Karampekios и др., 2015].

Описывая состояние оборонно-промышленной базы Европы, не будет лишним отметить структуру отрасли, которая имеет очень различающиеся характеристики. Так, если посмотреть на структуру поставщиков, то, например, Великобритания, Франция и Германия имеют очень децентрализованную и высоко развитую ОПБ. Тогда как Италия, Испания, Швеция и Польша имеют достаточно централизованные ОПБ. Однако Франция предпочитает так называемых национальных чемпионов, тогда как Германия закрепила дуополию (монополия двух продавцов), а Великобритания имеет интернационализированную военно-промышленную отрасль с несколькими крупными транснациональными компаниями. Если смотреть с точки зрения размера компаний, французские и британские предприятия ближе друг к другу, чем немецкие компании к ним. Италия тоже, можно сказать, близка к Великобритании и Франции, но её две основные крупнейшие компании контролируются правительством (*Leonardo* и *Fincantieri*). Более мелкие игроки европейского оборонно-промышленного комплекса (Испания, Польша и Швеция) имеют схожие интеграционные структуры с одной крупной компанией на уровне генерального подрядчика. Кроме того, существуют различные уровни производственного потенциала. Например, Франция способна производить современные и сложные боевые платформы для всех отраслей (сектора производства сухопутных вооружений, авиационного сектора, военно-морского и электронного сектора). Германия способна производить системы вооружения в военно-морской отрасли, электронной и в отрасли производства наземной техники. Италия способна производить такие же современные и сложные образцы техники для всех отраслей, как и во Франции, но, что касается авиационного сектора, то в Италии развивается более вертолётостроительный сегмент, чем самолётостроительный. Великобритания способна производить современные и сложные образцы вооружений, но уже более в военно-морском и электронном секторе и менее в секторе производства сухопутных вооружений при отсутствии авиационного сектора.

Таблица 3

**Список крупнейших европейских компаний, производящих оружие
и оказывающих военные услуги (по версии СИПРИ), 2021 г.**

№	Компания	Страна	Сектор	Объём продаж военной продукции (млн долл. США)	Общий объём продаж (млн долл. США)	Объём продаж военной продукции в % от общего объёма продаж	Общепланетарный рейтинг
1	BAE Systems	Великобритания	подрядчик 1 уровня военно-морской сухопутной техники	26 020	26 851	97%	6
2	Leonardo	Италия	Авиационный подрядчик 1 уровня	13 870	16 716	83%	12
3	Airbus	Транс-европейская	авиационный	10 850	61 671	18%	15
4	Thales	Франция	электронный	9 770	19 149	51%	16
5	Dassault Aviation Group	Франция	авиационный	6 250	8 554	73%	19
6	Safran	Франция	двигательный	5 050	18 043	28%	24
7	Rolls Royce	Великобритания	двигательный	4 970	15 058	33%	26
8	MBDA	Транс-европейская	ракетостроительный	4 960	5 007	99%	27
9	Naval Group	Франция	военно-морской	4 740	4 793	99%	29
10	Rheinmetall	Германия	сухопутной техники	4 450	6 691	66%	31
11	Saab	Швеция	Авиационный военно-морской сухопутной техники	4 090	4 566	90%	34
12	Babcock International	Великобритания	подрядчик 1 уровня энергетический военно-морской	3 100	5 642	55%	43

13	KNDS	Трансевропейская	сухопутной техники	3 030	3 193	95%	44
14	Fincantieri	Италия	военно-морской	2 980	8 173	36%	46
15	CEA	Франция	энергетический	2 940	6 565	45%	47
16	Thyssen Krupp	Германия	военно-морской	2 390	40 226	6.0%	55
17	Serco Group	Великобритания	Электронный энергетический военно-морской	1 870	6 414	29%	61
18	Hensoldt	Германия	электронный	1 610	1 743	92%	69
19	QinetiQ	Великобритания	Авиационный сухопутной техники электронный	1 510	1 816	83%	72
20	PGZ	Польша	авиационный сухопутной техники	1 430	1 584	90%	76
21	Melrose Industries	Великобритания	подрядчик 1 уровня	1 190	10 311	12%	87
22	Kongsberg Gruppen	Норвегия	подрядчик 1 уровня электронный авиационный ракетостроительный военно-морской	1 170	3 194	37%	88
23	Navantia	Испания	военно-морской	1 080	1 544	70%	91
24	Ultra Electronics Group	Великобритания	электронный	920	1 170	79%	98
25	Diehl	Германия	ракетостроительный	870	3 745	23%	99
26	Meggitt	Великобритания	подрядчик 1 уровня энергетический авиационный	850	2 048	42%	100

Составлено автором на основе списка 100 крупнейших компаний мира, производящих оружие и оказывающих военные услуги по версии СИПРИ за 2021 г. В таблице указаны все европейские компании из списка 100 крупнейших военных компаний мира по версии СИПРИ за 2021 г. Все показатели продаж указаны в постоянных ценах на 2021 г. в миллионах долларов США. Данные о продажах оружия за 2021 г. округлены. Процентные доли, рассчитанные с использованием данных в этой таблице, могут не точно соответствовать указанным цифрам из-за округления. Трансевропейские компании относятся к компаниям, структуры собственности и контроля которых расположены более чем в одной европейской стране.

АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ

Европейская оборонная промышленность последние 30 лет работала в мирное время и в настоящее время не в состоянии увеличить производство в достаточной степени, чтобы быстро пополнить истощающиеся запасы. Франция, например, летом 2022 г. отправила в Киев 18 155-мм самоходных артиллерийских установок CAESAR, что составляет четверть общего запаса, на замену которых уйдёт не менее 18 месяцев [11]. По оценкам западных специалистов, ежегодного производства 155-мм артиллерийских снарядов в Европе хватит чуть более чем на три недели высокоинтенсивных боевых действий [12]. Европейский Союз рассматривает возможность увеличения производства артиллерийских орудий [13]. Также 25 стран-участниц Европейского оборонного агентства (*European Defence Agency*) в марте 2023 г. подписали соглашение о совместной закупке боеприпасов (*Collaborative Procurement of Ammunition*). Проект разбит на две программы, одна рассчитана на два года и подразумевает закупку 155-мм артиллерийских снарядов, а вторая программа рассчитана на семь лет и предполагает уже закупку разных типов боеприпасов (от 5,56-мм до 155-мм) [14].

Необходимо добавить, что Европа чрезмерно зависит от импорта критически важного сырья и полупроводников [15]. В связи с чем Европейская комиссия предложила закон «О критически важных сырьевых материалах» (*European Critical Raw Materials Act*), который направлен на укрепление производственно-сбытовой цепочки и снижение зависимости от импорта стратегического сырья [16]. Частью предложения является система совместных закупок обработанных и необработанных сырьевых материалов, которая объединит спрос в Европейском Союзе [17]. Европа также зависит от России и Украины в поставках газа, бензина и других критически важных материалов. Кроме того, из-за пандемии ковид-19 и вызванного ею глобального экономического кризиса международные цепочки поставок столкнулись с задержками. Европейская оборонная промышленность не смогла получить доступ к важнейшему сырью, такому как марганец, который используется для изготовления литиевых батарей, учитывая растущий спрос во время напряженностей в глобальной геополитике. Недавний дефицит в поставках полупроводников и их растущее использование в различных отраслях промышленности, особенно в системах вооружений, вызвали обеспокоенность по поводу отсутствия разнообразия в их производстве, которое преимущественно базируется на Тайване. В ответ Европейский Союз одобрил закон «О полупроводниках» (*European Chips Act*), направленный на снижение зависимости Европы от иностранных поставок, которые, по его оценкам, удвоятся к 2030 году [18].

Германия и Польша объявили о создании специального фонда для военных закупок в размере 100 млрд евро. Берлин также обязался выделить более 2% ВВП на оборону к 2024 г., что является отходом от проводившейся десятилетиями политики политической сдержанности в области обороны и безопасности. Государства Европы в 2022 г. также объявили об увеличении в ближайшие годы своих оборонных бюджетов почти на 200 млрд евро [19]. Это существенный рост на фоне ситуации предыдущих трёх десятилетий, когда наблюдалось серьёзное падение военных расходов, сокращение вооружённых сил и свёртывание оборонно-промышленной базы в Европе.

Решить проблемы с фрагментацией военной промышленности Европа старается посредством сотрудничества и кооперации. Постоянное структурированное сотрудничество в области обороны и безопасности (*Permanent Structured Cooperation on defence and security/PESCO*), проект, с помощью которого Европейский Союз пытается стимулировать кооперацию. Благодаря этому соглашению европейские государства создали несколько совместных проектов, направленных на интеграцию оборонной промышленности на уровне Европейского Союза. Наиболее значимыми из них, учитывая их размеры и сложность, являются Интегрированная беспилотная наземная система (*Integrated Unmanned Ground System/UGS*), Европейский патрульный корвет (*European Patrol Corvette/EPV*), Европейский [тактического класса] средневысотный БПЛА с большой продолжительностью полёта (*European MALE RPAS/Eurodrone*), Своевременное предупреждение и перехват с помощью наблюдения за воздушно-космическим пространством театра военных действий (*Timely Warning and Interception with Space-based Theatre Surveillance/TWISTER*), Европейское космическое наблюдение, обладающее сетевыми функциями с целью получения информации военного характера (*European Military Space Surveillance Awareness Network/EU-SSA-N*), Европейская защищённая программно-определяемая радиосистема (*European Secure Software defined Radio/ESSOR*), Системы радиоэлектронной борьбы воздушного базирования (*Airborne Electronic Attack/AEA*) и некоторые другие. Проект общеевропейского патрульного корвета (*European Patrol Corvette*), координируемый Италией при участии Франции, Греции и Испании, был инициирован в 2019 г. [20]. В рамках проекта планируется разработать и произвести 20 кораблей для военно-морских сил стран-участниц, первый из которых вступит в строй к 2030 г. В рамках программы была разработана собственная цепочка поставок, состоящая из 40 компаний в 12 европейских странах. Руководит проектом совместное с французской судостроительной компанией *Naval Group* и итальянской судостроительной компанией *Fincantieri* предприятие (*joint venture*) *Naviris*, созданное в 2018 г., с равными долями участия. Эти две компании в значительной степени дополняют друг друга, и большинство сфер их бизнеса не пересекаются, что облегчает их партнёрство и доказывает, что сотрудничество возможно в сильно фрагментированной среде.

Однако не без трудностей проходит процесс интеграции в оборонной отрасли европейских стран, которые возникают вследствие противоречивых политических и экономических приоритетов государств-членов. Так, программа Перспективный авиационный фронтальный комплекс (*Future Combat Air System/FCAS*) столкнулась с проблемами с самого начала [21]. Из-за ряда разногласий между Францией и Германией – двумя странами, возглавляющими проект, программа была отложена. Последняя серия задержек произошла в конце 2022 г., когда основные подрядчики, *Airbus* и *Dassault Aviation*, не смогли договориться о доли участия в производстве по созданию истребителя следующего поколения [22]. Дальнейшие трудности в разработке привели к публичному заявлению, что полное завершение программы можно ожидать к 2040-2050 гг. [23]. В марте 2022 г. правительство Германии объявило о закупке 35 американских истребителей

F-35 для замены своего парка ударных самолётов «Торнадо» (*Tornado*), вместо того чтобы дожидаться завершения франко-немецкого проекта (FCAS) [24]. В итоге компаниям *Airbus* и *Dassault Aviation* удалось договориться, но это вызвало дополнительные колебания по поводу европейского сотрудничества в оборонной промышленности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные проблемы европейской интеграции остаются в плоскости потери суверенного права принятия решений в оборонной сфере, потери суверенного права производить свои системы вооружения и использовать свои вооружённые силы.

Что касается потери суверенного права производить свои вооружения, то все страны Европы согласны в необходимости наращивания производства вооружений и с тем, что одна страна в одиночку не справится. Тем не менее, существуют разногласия между государствами о том, какие лучше закупать образцы вооружений, например, в авиационном секторе выбор стоит между: F-35 (американский проект), *Eurofighter Typhoon* (общеевропейский проект), *Dassault Rafale* (Франция, национальный проект) и *Saab Gripen* (Швеция, национальный проект). Одни страны предпочитают закупать в США, другие развивают совместные европейские закупки, а третьи – национальные. Иногда страны, пытаясь найти компромиссное решение, предпочитают закупать самолёты разных производителей. Так, Германия в 2023 г. приняла решение закупить американский F-35, немецкий (участвуют немецкие компании) *Eurofighter Typhoon* и общеевропейский будущий истребитель FCAS, что вызвало раздражение немецкой военно-промышленной ассоциации (BDSV).

Тем не менее, предпринимаются попытки интегрировать отрасль посредством консолидации спроса. Например, инициативы НАТО (*Multinational Ammunition Warehousing Initiative/MUWI*) и ЕС (*Collaborative Ammunition Initiative*) в отрасли боеприпасов и спецхимии будут способны удовлетворить спрос в течение ближайших 3-5 лет. Также происходит постепенное увеличение оборонных бюджетов стран Европы. Но само по себе увеличение оборонных бюджетов неспособно повлиять на развитие оборонно-промышленной базы.

Развитие оборонной промышленности подразумевает увеличение заказов, крупные заказы возможны при консолидации спроса, общие закупки, в свою очередь, нуждаются в одинаковых тактико-технических требованиях к системам вооружений, единые ТТХ исходят из общих военных планов и задач, общие военные планы требуют общих военно-политических амбиций (конечных целей), а общие военно-политические цели зависят от общих угроз. В профильной европейской литературе используется термин «*level of ambition*», что в рамках процесса оборонного планирования можно перевести как «военно-политические амбиции», так как соотносится с уровнем технического оснащения ВС, необходимым для удовлетворения потребностей военно-политического руководства [см. Корощупов В.О. 2018: 104–131]. Сегодня можно отметить сближение военно-политических амбиций НАТО [Monaghan, 2022] и ЕС [Mauro, 2018].

Таблица 4

Сравнение военно-политических целей НАТО и ЕС

<i>Документ</i>	<i>Цели НАТО</i>	<i>Документ</i>	<i>Цели ЕС</i>
		14.11.2016 План реализации Глобальной стратегии ЕС	1) реагирование на внешние конфликты и кризисы 2) наращивание потенциала партнеров 3) защита Союза и его граждан
29.06.2022 восьмая Стратегическая концепция НАТО	1) Сдерживание и оборона 2) Предотвращение кризисов и их урегулирование 3) Безопасность на основе сотрудничества	21.03.2022 Стратегический компас в отношении развития безопасности и обороны	1) операции по урегулированию кризисных ситуаций 2) развитие потенциала сопротивляемости и противодействия 3) планирование развития сил и средств 4) сотрудничество

Составлено автором.

Например, концепция НАТО «сдерживание и оборона» подразумевает «коллективную оборону», что коррелирует с европейской целью «защита Союза и его граждан» (табл. 4). Натовский пункт о «предотвращении кризисов и их урегулировании» соотносится с европейским пунктом об «операциях по урегулированию кризисных ситуаций». А цель НАТО о «безопасности на основе сотрудничества» соответствует целям ЕС о «наращивании потенциала партнёров» и о «сотрудничестве».

Но этого недостаточно. Гармонизация военно-политических целей НАТО и ЕС иногда не совпадает с военно-политическими целями суверенных стран-членов. Это может отразиться на способности сотрудничать по военным программам, что влечет в конечном счёте на интеграцию оборонно-промышленной отрасли Европы.

Так, в общем проекте Германии и Италии касательно дизель-электрической подводной лодки *Typh 212* каждая страна предъявляла свои требования. Потребности Германии заключались в работе подлодки в мелководных и замкнутых водах Балтийского моря, а потребности Италии выражались в работе подлодки в глубоких водах Средиземного моря.

Также в начале 1990-х годов Франция, Италия и Великобритания в рамках НАТО инициировали проект «Единый фрегат нового поколения» (*NATO Frigate Replacement/NFR-90*). Франции требовался фрегат океанического класса с ПВО, но с небольшим радиусом действия, так как французский авианосец «Шарль де Голль» (*Charles de Gaulle/R91*) обладал собственной системой ПВО. Италии требовался фрегат средиземного класса с ПВО, но также ближнего радиуса действия, поскольку в водах Средиземного моря корабли должны были действовать под прикрытием итальянских ВВС или в сопровождении авианосца *Savour*. Королев-

скому флоту же Великобритании требовался корабль для глобального проецирования силы во всех мировых океанах, поэтому ТТХ включали ПВО дальнего радиуса действия. После выхода из проекта Великобритании, Франция и Италия продолжили сотрудничество, но уже в рамках проекта *Horizon*, который, в свою очередь, трансформировался в проект *FREMM (Frigates Europeennes Multi-Missions* – фрегат европейский многоцелевой). Таким образом, можно сделать вывод, что разные угрозы стран-членов формируют разные стратегические культуры и могут создавать трудности для «стратегической автономии» Евросоюза или замедлять процесс интеграции оборонно-промышленных баз европейских стран. Но одним из решений выхода из подобной ситуации может оказаться производство систем вооружений модульного типа на единой платформе, когда конфигурация системы оружия может формироваться под определённые задачи. Примером может послужить проект, в рамках *PESCO*, Европейский патрульный корвет (*European Patrol Corvette*).

Ещё раз нужно отметить, что иногда европейским странам лучше получается договориться на уровне двухсторонних или трехсторонних соглашений, чем на надъевропейском уровне. В некоторых случаях не получается договориться в силу разных угроз и, следовательно, разных военно-политических целей, в других случаях – из-за нежелания стран потерять высокотехнологичные компетенции и рабочие места.

Но также важно подчеркнуть, что на многие вышперечисленные причины могут оказывать влияние экономические факторы и тогда европейские страны, несмотря на свои политические амбиции, под давлением низких финансовых показателей своих военных компаний будут вынуждены консолидировать военную промышленность. Например, немецкая военно-промышленная компания *KMW (Krauss-Maffei Wegmann)* и французская *Nexter* вынуждены были объединиться по экономическим соображениям (две компании генерировали низкие финансовые показатели в течении долгого времени).

В целом европейским странам удаётся консолидировать военно-промышленный сегмент. С каждым годом такие примеры множатся. Например, в авиационной отрасли это проекты общего боевого самолёта (*Future Combat Air System/FCAS*), европейского ударно-разведывательного беспилотника (*MALE RPAS/Eurodrone*) и военно-транспортного самолёта *A400M*; в военно-морской отрасли – общеевропейский патрульный корвет; в секторе производства сухопутной техники – проект основного боевого танка (*Main Ground Combat System/MGCS*).

В основном европейская оборонная промышленность склонна к интеграции, но некоторые вопросы, скорей всего, ещё долго будут оставаться нерешёнными. Например, две европейские компании в авиационной отрасли *Dassault Aviation Group* и *Saab*, скорей всего, останутся неконсолидированными. В сегменте дизель-электрических подводных лодок, подлодки компаний *Saab Kockums*, *ThyssenKrupp Marine Systems* и *Naval Group* также останутся пока конкурентами. В секторе ракетостроения – это компании *MBDA* и *Diehl*, продукция которых по некоторым позициям может совпадать.

ИСТОЧНИКИ

1. Defence expenditure of NATO countries (2014-2022). NATO. 21 March 2023. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/3/pdf/230321-def-exp-2022-en.pdf (accessed: 15.07.2023).

2. The World Bank Data. Military expenditure (% of GDP), Finland. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS?locations=FI> (accessed: 15.07.2023).
3. Vershinin, A. The Return of Industrial Warfare. *The Royal United Services Institute for Defence and Security Studies (RUSI)*. Commentary. 17 June 2022. Available at: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/return-industrial-warfare> (accessed: 15.07.2023).
4. Report to President Donald J. Trump by the Interagency Task Force in Fulfillment of Executive Order 13806. Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. September 2018. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Oct/05/2002048904/-1/-1/1/assessing-and-strengthening-the-manufacturing-and-defense-industrial-base-and-supply-chain-resiliency.pdf> (accessed: 15.07.2023).
5. U.S. Department of Defense. Contracts. Contracts for May 27, 2022. Army. Available at: <https://www.defense.gov/News/Contracts/Contract/Article/3046664/> (accessed: 15.07.2023).
6. Mitchell, E. Raytheon CEO warns of delays in Stinger missile production. *The Hill*. 26 April 2022. Available at: <https://news.yahoo.com/raytheon-ceo-warns-delays-stinger-204325510.html> (accessed: 15.07.2023).
7. Defence expenditure of NATO countries (2014-2023). NATO. 7 July 2023. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/7/pdf/230707-def-exp-2023-en.pdf (accessed: 15.07.2023).
8. Mehta, A. 30 Years: William Perry – Reshaping the Industry. *Defense News*. 25 October 2016. Available at: <https://www.defensenews.com/30th-anniversary/2016/10/25/30-years-william-perry-reshaping-the-industry/> (accessed 15.07.2023).
9. Rochefort, C. Endless Supper: Trends in Defense Mergers & Acquisitions. *Defense Aerospace*. 25 March 2022. Available at: <https://www.defense-aerospace.com/articles-view/feature/5/217942/%3Ci%3E%28open%29%3C%2%A7i%3E-an-%27endless-supper%27-for-defense-m%26a%3F.html> (accessed 15.07.2023).
10. Béraud-Sudreau, L., Liang, X., Silva, D., Tian, N., Scarazzato, L. The SIPRI Top 100 Arms-Producing and Military Services Companies, 2021. SIPRI Fact Sheet. December 2022. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-12/fs_2212_top_100_2021.pdf (accessed 15.07.2023).
11. Rathbone, J., Pfeifer, S., Chavez, S. Military briefing: Ukraine war exposes 'hard reality' of west's weapons capacity. *Financial Times*. 2 December 2022. Available at: <https://www.ft.com/content/a781fb71-49bb-4052-ab05-a87386bf3d5e> (accessed 15.07.2023).
12. Alvarez-Couceiro, P. Europe at a Strategic Disadvantage: a Fragmented Defense Industry. *War on the Rocks (Texas University)*. 18 April 2023. Available at: <https://warontherocks.com/2023/04/europe-at-a-strategic-disadvantage-a-fragmented-defense-industry/> (accessed 15.07.2023).
13. Sprenger, S. EU mulls billions in funding to quicken artillery shell production. *Defense News*. 2 March 2023. Available at: <https://www.defensenews.com/global/europe/2023/03/02/eu-mulls-billions-in-funding-to-quicken-artillery-shell-production/> (accessed 15.07.2023).
14. EDA brings together 25 countries for Common Procurement of Ammunition. *European Defence Agency (EDA)*. 20 March 2023. Available at: <https://eda.europa.eu/news-and-events/news/2023/03/20/eda-brings-together-18-countries-for-common-procurement-of-ammunition> (accessed 15.07.2023).

15. Critical Raw Materials. Project Circles. *European Defence Agency (EDA)*. Available at: <https://eda.europa.eu/what-we-do/eu-policies/if-ceed/project-circles/critical-raw-materials> (accessed 15.07.2023).

16. European Critical Raw Materials Act. *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/13597-European-Critical-Raw-Materials-Act_en (accessed 15.07.2023).

17. The European Critical Raw Materials Act. *Clifford Chance*. March 2023. Available at: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/03/the-european-critical-raw-materials-act.pdf> (accessed 15.07.2023).

18. European Chips Act. *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-chips-act_en (accessed 15.07.2023).

19. Clapp, S. European Parliamentary Research Service. Member States' defence investment and capability gaps. PE 729.449 - May 2022. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2022/729449/EPRS_ATA\(2022\)729449_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2022/729449/EPRS_ATA(2022)729449_EN.pdf) (accessed 15.07.2023).

20. Preliminary Consortium Agreement for the European Modular and Multirole Patrol Corvette Signed Today at Euronaval. Press Releases. *Fincantieri*. 18 October 2022. Available at: <https://www.fincantieri.com/en/media/press-releases/2022/preliminary-consortium-agreement-for-the-european-modular-and-multirole-patrol-corvette-signed-today-at-euronaval/> (accessed 15.07.2023).

21. Future Combat Air System (FCAS), Shaping the future of air power. *Airbus*. Available at: <https://www.airbus.com/en/products-services/defence/multi-domain-superiority/future-combat-air-system-fcas> (accessed 15.07.2023).

22. Machi, V. Dassault chief confirms fighter prototype delay amid workshare dispute. *Defense News*. 21 July 2022. Available at: <https://www.defensenews.com/global/europe/2022/07/21/dassault-chief-confirms-fighter-prototype-delay-amid-workshare-dispute/> (accessed 15.07.2023).

23. Machi, V. Despite progress, industry faces 'very tough roadmap' to field FCAS by 2040. *Defense News*. 9 December 2020. Available at: <https://www.defensenews.com/global/europe/2020/12/09/despite-progress-industry-faces-very-tough-roadmap-to-field-fcas-by-2040/> (accessed 15.07.2023).

24. Tirpak, J. Germany to Buy F-35 and Typhoon Fighters as It Boosts Defense Spending. *Air & Space Forces Magazine*. 14 March 2022. Available at: <https://www.airandspaceforces.com/germany-to-buy-f-35-and-typhoon-fighters-as-it-boosts-defense-spending/> (accessed 15.07.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Корошупов В.О. Некоторые аспекты развития европейской оборонной промышленности. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Том 66, Выпуск №12. С. 98-107. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-12-98-107.

Корошупов В.О. Формирование общеевропейского процесса оборонного планирования: ключевые аспекты. *Пути к миру и безопасности*. 2018. №2(55) С. 104-131. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-2-104-131.

REFERENCES

Koroshchupov, V. Some Aspects of European Defence Industry Development. *World Economy and International Relations*. 2022. vol. 66, no. 12. pp. 98-107. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-12-98-107.

Beraud-Sudreau, L. COVID-19: A New Wave of European Arms Industry Consolidation? Stockholm. *SIPRI*, 17 September 2020. Available at: <https://www.sipri.org/commentary/essay/2020/covid-19-new-wave-european-arms-industry-consolidation> (accessed 15.07.2023).

Marrone, A., Ungaro, A. Actors in the European defence policy area: roles and developments. Istituto Affari Internazionali and Centro Studi sul Federalismo. Italy. 2015.

Karampekios, N., Oikonomou, I. The European Defence Agency: Arming Europe. Abingdon: Routledge. 2015.

Monaghan, S. Resetting NATO's Defense and Deterrence: The Sword and the Shield Redux. CSIS Briefs. June 2022. Available at: <https://www.csis.org/analysis/resetting-natos-defense-and-deterrence-sword-and-shield-redux> (accessed 15.07.2023).

Mauro, F. EU Defence: The White Book implementation process. European Parliament's Subcommittee on Security and Defence (SEDE). 12 December 2018.

Pedlow, G. NATO Strategy Documents 1949-1969. Historical Office, Supreme Headquarters Allied Powers Europe.

Koroshchupov, V. EU defence planning process: key aspects // Pathways to Peace and Security. No. 2(55). Fall-Winter 2018. pp. 104-131. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-2-104-131.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОРОЩУПОВ Вадим Олегович, младший научный сотрудник Отдела военно-экономических исследований безопасности ЦМБ Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук.

Российская Федерация, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23.

Vadim O. KOROSCHUPOV, Junior Research Fellow, Department of Military and Economic Security Research, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 22.07.2023 / Received 22.07.2023.

Поступила после рецензирования 08.08.2023 / Revised 08.08.2023.

Статья принята к публикации 10.08.2023 / Accepted 10.08.2023.

УДК: 327, 355/359

DOI: 10.31857/S2686673023110044

EDN: POMEZB

Оборонно-промышленный комплекс Турции как фактор внутренней и внешней политики

А.А. Вернигора

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Scopus Author ID: 58030044600

РИНЦ ID: 1162350

ORCID: 0000-0002-6447-5078

e-mail: avernigora@imemo.ru

Резюме: Турецкий оборонно-промышленный комплекс (ОПК) находится на подъёме своего развития последние 20 лет. Он представлен широкой линейкой продукции, способной удовлетворять нужды как второй по величине армии Организации Североатлантического договора, так и своих союзников. Развитие национального ОПК воспринимается не только как дополнение к дипломатическим усилиям Анкары; оно также имеет важное идеологическое значение для правящей Партии справедливости и развития. В статье исследуются внутри- и внешнеполитические драйверы, оказывающие влияние на развитие национальной военной промышленности.

Ключевые слова: Турция, Партия справедливости и развития, оборонно-промышленный комплекс, экспорт вооружений

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Вернигора А.А. Оборонно-промышленный комплекс Турции как фактор внутренней и внешней политики. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53 (11): 42–51. DOI: 10.31857/S2686673023110044 EDN: POMEZB

Defense Industry of Türkiye as a Factor of Domestic and Foreign Policy

Alina A. Vernigora

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences.*

23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.

Scopus Author ID: 58030044600

РИНЦ ID: 1162350

ORCID: 0000-0002-6447-5078

e-mail: avernigora@imemo.ru

Abstract: The defense industry of Türkiye has been on the rise for the last 20 years. It can provide a wide range of products that meet the needs not only of the second largest army in the North Atlantic Treaty Organization, but also its allies all over the world. In this regard, the development of this sphere both contributes to the diplomatic efforts undertaken by the Republic of Türkiye and has important ideological value for the ruling Justice and Development Party.

The article examines domestic and foreign policy drivers that influence the development of the national industry.

Keywords: Türkiye, Justice and Development Party, defense industry, arms export

Acknowledgements: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No.075-15-2020-783).

For citation: Vernigora, A.A. Defense Industry of Türkiye as a Factor of Domestic and Foreign Policy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (11): 42-51. DOI: 10.31857/S2686673023110044 EDN: POMEZB

ВВЕДЕНИЕ

Развитие оборонно-промышленного комплекса является результатом сочетания трёх факторов: внешнего окружения, внутренней мотивации и наличия достаточных финансовых ресурсов. Турция как государство, уделяющее особое внимание безопасности (*security conscious state*) и находящееся вблизи сразу нескольких горячих точек, всегда испытывает потребность в новейших вооружениях. Являясь членом Организации Североатлантического договора (НАТО), Анкара долгое время находилась в зависимости от поставок продукции оборонно-промышленного комплекса. Особенно остро эта зависимость проявилась в ходе Кипрского кризиса 1974 г., в результате которого Анкара оказалась под эмбарго союзников.

Однако сегодня едва ли что-то напоминает о тех временах. Турецкий военно-промышленный комплекс в последние годы стремительно развивается: его компании вот уже более десяти лет входят в список крупнейших мировых производителей вооружений, а экспорт продукции растёт с каждым годом и расширяет свою географию.

Главной целью Анкары в сфере ОПК является удовлетворение растущего спроса, в первую очередь, со стороны своих вооружённых сил: турецкие военные присутствуют в Сирии, Ираке, Сомали, Судане, Катаре и других странах. Не менее актуальной проблемой безопасности является Рабочая партия Курдистана (РПК), признанная в Турции экстремистской. Важность развития оборонно-промышленного комплекса признаётся и на внутриполитической арене: Партия справедливости и развития во главе с президентом Реджепом Тайипом Эрдоганом уделяет особое внимание достижениям в этой сфере, а будущее проектов становится предметом межпартийных дебатов.

Целью данной статьи является выявление роли оборонно-промышленного комплекса Турции для внутри- и внешнеполитической динамики. Автор анализирует место национального ОПК в риторике правящих элит и предпринимает попытку сформулировать цели, которые они хотят достичь путём развития этой сферы промышленности, а также оценивает результаты проведённой политики.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВИВШИЕ ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОПК

Усилия по национализации ОПК турецкое правительство начало активно предпринимать после Кипрского конфликта. Тогда Анкара впервые столкнулась с осознанием, что её национальные интересы не всегда соответствуют коллективным в рамках НАТО. В результате эмбарго на поставку вооружений, введённого Конгрессом США, Турция недополучила военного оборудования стоимостью более 200 млн долл. США – практически 10% всего военного бюджета страны в 1975 г. [1]. В качестве ответной меры власти Турции закрыли военные объекты, используемые США, лишив их возможности собирать разведанные против СССР.

Хотя в скором времени эмбарго было снято, для Турции это стало важным уроком в вопросах планирования. Именно в этот период были заложены необходимые механизмы, как административные, так и производственные: были созданы современные крупнейшие предприятия [2]. Однако уровень инвестирования в НИОКР все ещё оставался на низком уровне. Турецкие производители локализовали иностранные технологии вместо того, чтобы создавать оригинальный продукт, в результате чего проблема зависимости не решалась [Durmaz, 2014].

Проблемы поставок снова вернулись на повестку дня Турции уже в 1990-е годы в связи с активизацией курдских объединений как внутри страны, так и у её границ. В марте 1992 г. эмбарго ввела Германия – второй по объёмам поставок партнёр Анкары, обвинив власти Турецкой Республики в использовании переданного по линии НАТО оружия в юго-восточных регионах, где проживало курдское население. Несмотря на то, что дипломатическими усилиями ограничения были сняты уже в июне, турецкое правительство вновь пришлось к выводу, что лишиться доступа к зарубежным технологиям можно, даже если речь идёт о внутренней безопасности и территориальной целостности государства. Примечательно, что уже в это время из-за особенностей ландшафта юго-восточных территорий Турецкой Республики впервые возникает потребность в использовании беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), сегодня являющихся локомотивом экспорта турецкого ОПК.

Итак, к началу 2000-х годов Турция подошла с назревавшим кризисом в отношениях с Североатлантическим блоком, очагом конфликтности у южных границ и зависимостью от зарубежных поставок вооружений на 75% [Şahir, 2020].

ОПК И ПАРТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА

Приход к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. является серьёзной вехой в развитии современного турецкого ОПК. Цель правящих элит – превратить Турцию из средней державы в «центральное государство» – требовала достижения независимости в проведении своей политики, в том числе и в оборонной промышленности. Но существенным препятствием на пути реализации этой идеи была неблагоприятная экономическая ситуация в стране. Вдобавок к этому ПСР пришла к власти с прозападной повесткой: в предвыборном манифесте партии акцентировалось внимание на стратегическом характере отношений с США и намерении вступить в Европейский Союз (ЕС). В связи с этим вопрос о

национализации оборонной промышленности ещё не фигурировал в политическом дискурсе.

Однако уже в предвыборной программе 2007 г. вопросам модернизации ОПК уделено заметно больше внимания. Эффективная экономическая политика, способствовавшая снижению уровня инфляции, увеличению объёмов производства и экспорта, обеспечила страну необходимой внутренней стабильностью и стимулировала разработку высокотехнологичной продукции, в том числе военного назначения. Так, в манифесте 2007 г. развитие национального ОПК преподносилось как предмет гордости. Успех иллюстрировал тот факт, что уровень обеспечения нужд вооружённых сил (ВС) продукцией национального производства вырос с 25% в 2002 г. до 50% в 2007 г., а экспорт продукции ОПК составил 320 млн долл. [3].

В предвыборной программе ПСР 2011 г. отмечалась важность развития ОПК не только для политики, но и для экономики страны. 90% работ по модернизации ВС Турецкой Республики было реализовано усилиями национальных компаний, а количество прямых иностранных закупок сократилось на 10%. Здесь же закреплялось намерение превратить турецкую продукцию ОПК в важную составляющую промышленного экспорта к 2023 году [4].

Необходимость развития оборонной промышленности отмечала не только ПСР, но и другие партии. Сторонниками технологической автаркии выступают также Партия националистического движения (ПНД), оказывающая поддержку ПСР с 2018 г. В частности, партия выступала за увеличение программ НИОКР и их финансирования, а также поощрение инвестиций частного сектора в отрасль.

В ходе кампании перед всеобщими выборами 2023 г. вопрос дальнейшего развития национального ОПК стал отдельным предметом дискуссий. ПСР делала ставку в том числе и на представление достижений оборонной промышленности в качестве заслуги своей политики, что, по оценкам аналитиков, могло предоставить 2–4% дополнительных голосов. Накануне первого тура национальных выборов президент Реджеп Тайип Эрдоган принимал участие в церемонии ввода в эксплуатацию крупнейшего универсального десантного корабля (УДК) *TCG Anadolu*, в презентации национального истребителя пятого поколения *TAI Kaan*, передаче национального танка *Altay* ВС Турции для испытаний и в демонстрационных полётах новых моделей БПЛА *Bayraktar TB3* и *Kizilelma*. Согласно опросу независимого агентства *Areda*, около 72% респондентов удовлетворены результатами развития ОПК. В то же время 58% опрошенных считали, что развитие в этой сфере может замедлиться при смене власти [5]. Большой резонанс в обществе вызвало заявление кандидата в президенты от оппозиционной Национально-республиканской партии (НРП) Кемаля Кылычдароглу о возможном сотрудничестве с американской компанией *Sierra Nevada Corporation* в целях развития аэрокосмической программы на базе аэропорта имени Ататюрка [6]. При этом ранее оборонная промышленность никак не фигурировала в предвыборной кампании НРП. В партийных документах фигурирует лишь общее стремление развивать НИОКР путём стимулирования финансирования, создания технологических парков, укрепления сотрудничества между предприятиями и университетами и государственно-частного партнёрства. Учитывая то, что важность развития оборонной промышленности акцентировалась основателем партии и «отцом» турецкой государственности Мустафой Кемалем Ататюрком, в глазах общественности ПСР становится более последовательным продолжателем кемалистских традиций.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И РОСТ ПОПУЛЯРНОСТИ ОПК

Политика ПСР, помимо всего прочего, также была направлена на формирование турецкой идентичности и примирение с историческим прошлым периода Османской империи. В первые годы существования Турецкой Республики Ататюрк заложил идею вестернизации в качестве одного из принципов государственной политики. Развитие по западному образцу считалось единственно верным путём к прогрессу, в то время как политика периода империи считалась неэффективной. Попытка пересмотра этой идеи Партией справедливости и развития привела к распространению идеи о ревизионистском «неоосманизме» как основе турецкого внешнеполитического курса. В действительности же это была попытка конструирования объединяющей идентичности, что могло бы гарантировать правящей партии широкую поддержку населения. Идея Османской империи представляет собой безопасное сосуществование представителей разных конфессий, этносов и идеологических течений [Taşınar, 2011]. С целью продвижения этой идеи правящая партия взяла курс на популяризацию османской истории [Жигульская, 2021]. В связи с этим развитие турецкой оборонной промышленности также приобретает идеологическую направленность: развитый национальный ОПК ассоциируется с величием Османской Порты.

Другим внутривнешнеполитическим фактором, являющимся драйвером развития оборонной промышленности, можно назвать рост националистических настроений в обществе. Неудовлетворенность политикой западных институтов, в частности НАТО, провоцирует спрос на самостоятельный курс во внешней политике для защиты собственных интересов [7]. В связи с этим символический характер приобретает тот факт, что на уже упомянутой церемонии ввода в эксплуатацию УДК *TCG Anadolu* президента Р.Т. Эрдогана сопровождали его партнёры по Народному альянсу – представители правых партий [8].

Рост националистических настроений стал особенно заметным после попытки военного переворота 15 июля 2016 г. В результате чисток в рядах военных и госслужащих своих должностей лишились порядка 280 пилотов ВВС Турции [9]. Явный дефицит кадров спровоцировал поиск альтернативных методов ведения боевых действий в воздухе. Выходом стало широкое производство беспилотных летательных аппаратов: в то время как подготовка пилотов занимает четыре года, подготовка операторов БПЛА – всего девять месяцев. Также исключение Анкары из американского проекта *F-35* привело к тому, что УДК *TCG Anadolu* было решено оснащать беспилотниками новой серии *Bayraktar TB3* со складным крылом, однако пока не ясно, как скоро этот план будет реализован.

ЭКОНОМИКА ТУРЕЦКОГО ОПК

Турция относится к так называемым производителям «второго эшелона» [Евтодьева, 2021] или развивающимся поставщикам мирового рынка вооружений (*emerging suppliers of the global arms industry*) по классификации Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ). Если в 2011–2015 гг. она занимала 17-е место в списке мировых экспортеров, то в 2016–2020 гг., страна поднялась на 13-ю строчку рейтинга, увеличив свою долю на глобальном рынке на 0,1%, а объём экспорта – на 30% [Веземан и др., 2022]. В 2019 г. Турецкая Республика заняла второе место в списке быстрорастущих поставщиков вооружений, уступив лишь Объединённым Арабским Эмиратам [Wezeman, 2020].

В стратегическом плане по развитию международного сотрудничества и экспорта на 2017–2021 гг., подготовленном Управлением по оборонной промышленности, отмечается, что высокие темпы развития турецкого ОПК спровоцировали

высокий спрос на продукцию как на внутреннем рынке, так и за рубежом. Вариативность форм кооперации, которые включают в себя не только экспортные контракты, но и совместное производство, передачу технологий и совместное инвестирование также привлекает иностранных партнёров [SSB, 2016]. Оборонная промышленность, таким образом, стала одной из отраслей, привлекающих необходимые финансовые ресурсы из-за рубежа, поскольку турецкая экономика всё ещё сильно зависит от прямых иностранных инвестиций. В то же время это сказывается на серьёзном недофинансировании НИОКР: в 2020 г. расходы на исследования и разработки составили всего 1,13% ВВП страны [10]. Вместо того чтобы стимулировать разработку собственных технологий, Анкара продолжает прибегать к помощи иностранных компаний, что не решает вопроса зависимости.

Стратегический план 2019–2023 гг. ставит амбициозную цель перед оборонной промышленностью – достичь экспортных показателей в 10,2 млрд долл. В 2022 г. экспорт продукции составил 4,4 млрд долл. [11], что приравнивается к 1,73% всего объёма вывезенной продукции (254,2 млрд долл.), занимая лишь 15-е место по объёмам [12]. Эксперты отмечают, что рост показателей в большей части обеспечили продажи беспилотных летательных аппаратов. Самый известный производитель турецких беспилотников компания “Baykar” в 2022 г. отчиталась о вырубке, 98% которой составил экспорт. Позднее этот показатель увеличился до 99,3%.

С ростом производства растёт и число предприятий, задействованных в разработке продукции. За последние 20 лет количество национальных субподрядчиков увеличилось с 56 до более 1500. Сумма проектов в разработке достигла 60 млрд долл. и, по прогнозам бывшего главы управления оборонной промышленности Исмаила Демира, должна достичь 75 млрд долл. в ближайшем будущем [Demir, 2020].

Производство вооружений в то же время позволяет расширять географию внешнеэкономических связей и достигать на новых рынках прорывных успехов из-за высокой стоимости продукции при её ограниченном количестве. Одним из примеров может служить программа, запущенная в 2019 г. «Азия снова» (*Yeniden Asya*), направленная на укрепление торгово-экономических связей со странами региона. Выход Турции на рынки региона, в частности Восточной и Юго-Восточной Азии, затруднён по ряду причин, ключевыми из которых выступают высокая конкуренция с товарами китайского и индийского производства, а также транспортная недоступность. Продажа высокотехнологичной продукции, в частности бронированных автомобилей, БПЛА, ударных вертолётов, танков и фрегатов, позволяет многократно увеличивать экспортные показатели. Например, экспортный потенциал с Индонезией за 2021–2022 гг. увеличился на 361,3%, с Малайзией – на 34,7% за тот же период. Экспорт в Филиппинскую Республику увеличился на 209% за счёт покупки шести вертолётов АТАК за 280 млн долларов [13].

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Развитие собственного ОПК способствовало активизации деятельности Турецкой Республики на международной арене. Несмотря на экономические проблемы внутри страны, внешнеполитический курс Турции становится всё более наступательным. Правительство перестало полагаться лишь на дипломатические методы и «мягкую силу». Собственные технологии позволяли ей проводить самостоятельные операции на севере Сирии и Ирака, в Ливии, на Южном Кавказе. Активная работа по модернизации военно-морских сил вернула в турецкий политический дискурс доктрину «Голубой родины» (*Mavi Vatan*), разработанную адмиралом Джемом Гюрденизом ещё в

2006 г. [Denizeau, 2021]. В 2019 г. это же название носили крупнейшие в истории республики учения, проводившиеся в акваториях сразу трёх морей: Чёрного, Эгейского и Средиземного [14]. Продукцию турецкого ОПК активно приобретают государства Африканского континента: Буркина-Фасо, Того, Нигер, Нигерия, Эфиопия, Марокко, Тунис, Руанда. Вместе с поставкой техники Анкара успешно реализует свои внешнеполитические цели. Например, подписанию соглашения о военно-техническом сотрудничестве с Эфиопией предшествовала передача 11 школ в Аддис-Абебе, связанных с FETÖ, признанной в Турции террористической организацией, в ведение правительственного фонда «Маариф» [15].

Так называемая «дипломатия дронов» (*drone diplomacy*) способствовала укреплению отношений со странами Центральной Азии: Казахстан стал первым государством, имеющим право производить БПЛА TAI ANKA на своей территории, а Кыргызстан первым решил использовать сразу четыре различных вида беспилотников, производимых Турцией (*Bayraktar TB2, Aksungur, Akinci* и *Anka*) [16]. В то же время в регионе создаются условия для «гонки вооружений»: МИД Кыргызстана заявил о приобретении Таджикистаном *Bayraktar TB2*, хотя официально эту информацию не подтвердила ни турецкая, ни таджикская сторона [17]. Пока известно о производстве иранских беспилотников *Ababil-2* в Душанбе. Аналогичным образом крупные поставки БПЛА в Азербайджан накануне Второй карабахской войны 2020 г., с одной стороны, спровоцировали рост спроса по всему миру, но с другой – вынудили Армению искать поставщиков аналогичных вооружений уже после военной кампании.

Попытки вести деловую активность в сфере ОПК в отрыве от политики, однако, не находят поддержки у потенциальных партнёров. Соглашение о строительстве корветов для ВМС Пакистана сорвало планы на сотрудничество в этой же сфере с Индией [18]. Аналогично, Сербия отказалась от своих планов приобрести турецкие БПЛА после того, как Анкара заключила соглашение с Косово [19].

К сожалению, несмотря на существенный прогресс в локализации производства (по последним заявлениям, её уровень составлял 80%), большая часть заявленных «национальных» разработок всё ещё нуждается в зарубежных запчастях. Главной проблемой остаётся производство двигателей. Это стало причиной задержки в строительстве национального танка *Altay*: в связи с эмбарго, введённым Германией в 2019 г. после проведения Анкарой операции «Источник мира» против отрядов РПК на севере Сирии, производство было фактически заморожено. Лишь в 2021 г. соглашение на поставку двигателя и трансмиссии было достигнуто с компаниями из Южной Кореи *Doosan Infracore* и *S&T Dynamics Co* [20]. В то же время вместе с поиском новых поставщиков расширяется география военно-технического сотрудничества Турции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период правления Партии справедливости и развития турецкий ОПК действительно начал стремительно развиваться, несмотря на то что предпосылки к этому сложились почти полвека назад. Вместе с оперативными задачами (удовлетворение нужд вооружённых сил и борьба с внешними угрозами) политика в сфере оборонной промышленности также преследует идеологические цели. Достижения в этой сфере ассоциируются с эффективной политикой правящей Партии справедливости и развития не только на национальном, но и на международном уровне, в связи с чем продукция пользуется высоким спросом в регионах Ближнего Востока, Африки, Центральной и Юго-Восточной Азии.

Однако реальное влияние ОПК на развитие национальной экономики на данный момент преувеличено, хотя у этой сферы промышленности и есть большой потенциал. Активная маркетинговая кампания в совокупности с административным ресурсом провоцирует рост спроса. Слабым местом турецкого оборонно-промышленного комплекса, помимо сохранившейся зависимости от иностранных технологий и недофинансированности НИОКР, также является нехватка квалифицированных кадров. Многие специалисты, покинувшие Турцию, среди причин миграции отмечают низкую заработную плату и дискриминацию по политическим причинам; подавляющее большинство из них составляют молодые профессионалы в возрасте до 40 лет [21]. Несмотря на существующие проблемы внутри сектора, правительству, тем не менее, удаётся реализовывать поставленные цели по локализации производства и увеличению объёмов экспорта продукции. Дальнейшее развитие сектора прямо зависит от развития экономики страны.

Вместе с тем, турецкий ОПК дополняет дипломатические усилия Анкары на международной арене. Во многом благодаря успехам в развитии отрасли внешнеполитический курс страны стал более автономным, что порождает обвинения в экспансионизме. Тем не менее алармизм в большинстве случаев связан с успешной маркетинговой стратегией, нежели с реальными результатами. Продукция турецкого производства стала доступной альтернативой для экономически менее развитых стран, однако их покупательная способность не позволяет установить постоянные цепочки поставок.

После всеобщих выборов в Турции в мае 2023 г. власть сохранилась за действующим президентом. И сохранение текущей политики в сфере ОПК однозначно приведёт к увеличению количества проектов и экспортных контрактов.

ИСТОЧНИКИ

1. Turkey Military Spending/Defense Budget 1960-2023. *Macrotrends*. Available at: <https://www.macrotrends.net/countries/TUR/turkey/military-spending-defense-budget> (accessed 13.07.2023).
2. Turks Unveil Cyprus Plan in Move to End U.S. Embargo. *The Washington Post*. 14.04.1978. Available at: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1978/04/14/turks-unveil-cyprus-plan-in-move-to-end-us-embargo/5a5d7695-fc6b-44df-9681-1b891b9d9a74/> (accessed 13.07.2023).
3. 22 Temmuz 2007 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi. *AK Parti*. Available at: <https://www.akparti.org.tr/media/o0omydr3/22-temmuz-2007-genel-secimleri-secim-beyannamesi-sayfalar.pdf> (accessed 13.07.2023).
4. 12 Haziran 2011 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi. *AK Parti*. Available at: <https://www.akparti.org.tr/media/iesaeuoj/12-haziran-2011-genel-secimleri-secim-beyannamesi.pdf> (accessed 13.07.2023).
5. Areda Survey. 25.05.2023. *Twitter*. Available at: https://twitter.com/aredasurvey/status/1661656680810049536?s=12&t=SxgYHqTR7s2Kf w_ejIZVog (accessed 13.07.2023).
6. Kılıçdaroğlu'ndan Haluk Bayraktar'a 'Atatürk Havalimanı' tepkisi: 'Bu kadar siyasallaşmayın...' *Cumhuriyet*. 28.04.2023. Available at: <https://www.cumhuriyet.com.tr/siyaset/kilicdaroglundan-haluk-bayraktara-aturk-havalimani-tepkisi-bu-kadar-siyasallasmayin-2075991> (accessed 13.07.2023).
7. Majority of Turkish People Do Not Trust NATO: Survey. *Daily Sabah*. 10.06.2021. Available at: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/majority-of-turkish-people-do-not-trust-nato-survey> (accessed 13.07.2023).

8. TCG Anadolu: Türkiye's largest warship and world's first drone carrier. *TRTWorld*. Available at: <https://www.trtworld.com/turkey/tcg-anadolu-t%C3%BCrkiye-s-largest-warship-and-world-s-first-drone-carrier-66953> (accessed 13.07.2023).
9. 280 pilottan 100'ü tutuklu 180'i itirafçı. *Hürriyet*. 05.02.2017. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/280-pilottan-100u-tutuklu-180i-itirafci-40355996> (accessed 13.07.2023).
10. Research and development expenditure (% of GDP) - Türkiye. *The World Bank*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?locations=TR> (accessed 13.07.2023).
11. Turkish defense exports pass \$4 billion in 2022, says procurement boss. *DefenseNews*. 30.12.2022. Available at: <https://www.defensenews.com/industry/2022/12/30/turkish-defense-exports-pass-4-billion-in-2022-says-procurement-boss/> (accessed 13.07.2023).
12. Turkish Defense and Aerospace Broke Its Export Record with \$4.4 Billion. *MSI Defense Review*. 24.02.2022. Available at: <https://www.savunmahaber.com/en/turkish-defence-and-aerospace-sector-broke-its-export-record-with-4-4-billion/> (accessed 13.07.2023).
13. Türkiye-Philippines Economic and Trade Relations. *Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs*. Available at: https://www.mfa.gov.tr/turkiye_s-commercial-and-economical-relations-with-philippines.en.mfa (accessed 13.07.2022).
14. В Турции начались крупнейшие в ее истории военно-морские учение «Голубая родина». *Независимая газета*. 27.02.2019. Available at: https://www.ng.ru/world/2019-02-27/7_7519_news2.html?id_user=Y (accessed 13.07.2023).
15. Drone sale to Ethiopia could jeopardize Turkey-Egypt dialogue. *Al-Monitor*. 19.10.2021. Available at: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/10/drone-sale-ethiopia-could-jeopardize-turkey-egypt-dialogue> (accessed 13.07.2023).
16. Kyrgyzstan Says It Purchased 4 Different Combat Drones From Türkiye. *Daily Sabah*. 17.01.2023. Available at: <https://www.dailysabah.com/business/defense/kyrgyzstan-says-it-purchased-4-different-combat-drones-from-turkiye> (accessed 13.07.2023).
17. Киргизия обсудит с Турцией продажу дронов bayraktar Таджикистану. *РБК*. 27.04.2022. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/27/04/2022/62690d9a9a7947704d6a77b3> (accessed 13.07.2023).
18. Turkey's ties to Pakistan may sink Indian Navy supply ship deal. *The Week*. 11.10.2019. Available at: <https://www.theweek.in/news/india/2019/10/11/turkey-ties-to-pakistan-may-sink-indian-navy-supply-ship-deal.html> (accessed 13.07.2023).
19. Sırp Lider Vucic: Bayraktar TB2 almayı reddettik. *SavunmaSanayiST*. 25.04.2023. Available at: <https://www.savunmasanayist.com/sirp-lider-vucic-bayraktar-tb2-almayi-reddettik/> (accessed: 13.07.2023).
20. At long last, Turkey's Altay tank finds an engine from South Korea. *DefenseNews*. 9.03.2021. Available at: <https://www.defensenews.com/industry/techwatch/2021/03/08/at-long-last-turkeys-altay-tank-finds-an-engine-from-south-korea/> (accessed: 13.07.2023).
21. Turkish 'brain drain': Why are defense industry officials ditching their jobs in Turkey for work abroad? Available at: <https://www.defensenews.com/industry/2019/01/08/turkish-brain-drain-why-are-defense-industry-officials-ditching-their-jobs-in-turkey-for-work-abroad/> (accessed 13.07.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веземан С., Куимова А., Веземан П. События, связанные с поставщиками основных видов обычных вооружений в 2016–2020 гг. Ежегодник SIPRI 2021: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2022. 964 с.

Евтодьева М.Г., Крамник И.А., Стефанович Д.В. Военно-техническое сотрудничество стран Юго-Восточной Азии. / Отв. ред. М.Г. Евтодьева. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 147 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0601-3

Жигульская Д.В. Неосманская ностальгия в современной Турции. *Восток (Oriens)*. 2021. №4. С. 118–127. DOI: 10.31857/S086919080013926-5

REFERENCES

Demir, İ. (2020). Transformation of the Turkish Defense Industry: The Story and Rationale of the Great Rise, *Insight Türkiye*, 22(3): 17–40.

Denizeau, A. “Mavi Vatan, the ‘Blue Homeland’: The Origins, Influences and Limits of an Ambitious Doctrine for Turkey”, *Études de l’Ifri*, Ifri, April 2021.

Durmaz, M. The U.S. Embargo of 1975-1978 and Its Effects on the Development of the Turkish Defense Industry. Monterey Naval Postgraduate School, 2014. 93 p.

Yevtodyeva, M.G., Kramnik, I.A., Stefanovich, D.V. Military-Technical Cooperation of Southeast Asian States / Yevtodyeva, M.G., ed. – Moscow: IMEMO RAS, 2021. 147 p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0601-3

SSB (Savunma Sanayii Bakanlığı). Uluslararası İşbirliği ve İhracat Stratejik Planı 2017-2021, 2016.

Şahir, M. Explaining the Expansion of Turkey’s Arms Industry. Istanbul: Boğaziçi University Press, 2020. 123 p.

Taşpınar, Ö. Three Strategic Visions of Turkey. US-Europe Analysis Series. March 8, 2011. Number 50. Center on the United States and Europe at Brookings. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/0308_turkey_taspinar.pdf (accessed 13.07.2023).

Wezeman, P., Béraud-Sudreau, L., Lopes da Silva, D., Kuimova, A. Emerging Suppliers in the Global Arms Trade. *Sipri Insights on Peace and Security*. 2020, No. 13. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-12/sipriinsight2013_emerging_suppliers.pdf (accessed 13.07.2023).

Wezeman, T., Kuimova, A., Wezeman, P. Developments among the suppliers of major arms, 2016–2020. SIPRI Yearbook 2021: Armaments, Disarmament and International Security. M.: IMEMO RAS, 2022. 964 p.

Zhigulskaya, D.V. Neo-Ottoman Nostalgia in Contemporary Turkey. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. P. 118–127. DOI: 10.31857/S086919080013926-5

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЕРНИГОРА Алина Андреевна, младший научный сотрудник Центра изучения стратегического планирования, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова (ИМЭМО РАН), Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Alina A. VERNIGORA, Junior Researcher, Center for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.07.2023 / Received 17.07.2023.

Поступила после рецензирования 03.08.2023 / Revised 03.08.2023.

Статья принята к публикации 05.08.2023 / Accepted 05.08.2023.

УДК 327, 355/359

DOI: 10.31857/S2686673023110056

EDN: PONWLZ

Вооружённые силы и ВПК Индии в эпоху мировой турбулентности

А. В. Куприянов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

Researcher ID: AAN-5094-2020 Scopus ID: 57221702621

ORCID: 0000-0002-9041-6514 e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Резюме: Статья посвящена проблемам модернизации Вооружённых сил Индии и её военно-промышленного комплекса на современном этапе. Анализируя взаимоотношения ВПК и ВС Индии, автор приходит к выводу, что размер индийских вооружённых сил вкупе с системой их комплектования тормозит процесс модернизации. При этом индийское руководство не может пойти на сокращение армии как по политическим и социальным, так и по военно-стратегическим соображениям, делая ставку на проведение ограниченных реформ, призванных изменить процесс комплектования вооружённых сил.

Ключевые слова: Индия, вооружённые силы, модернизация, ВПК

Благодарности. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Куприянов А.В. Вооружённые силы и ВПК Индии в эпоху мировой турбулентности. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (11): 52–64. DOI: 10.31857/S2686673023110056 EDN: PONWLZ

Armed Forces and Military-Industrial Complex of India in the Era of Global Turbulence

A.V. Kupriyanov

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences.*

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

Researcher ID: AAN-5094-2020 Scopus ID: 57221702621

ORCID: 0000-0002-9041-6514 e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Abstract: The article is devoted to the problems of modernization of the armed forces of India and its military-industrial complex. Analyzing the ties between the military-industrial complex and the armed forces of India, the author concludes that the size of the Indian armed forces, coupled with the system of their recruitment, hinders the process of modernization. At the same time, the Indian leadership cannot agree to a reduction in the army, both for political and social and for military-strategic reasons, relying on limited reforms designed to change the process of recruiting.

Keywords: India, armed forces, modernization, military-industrial complex

Acknowledgements: The article was prepared within the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement no. 075-15-2020-783).

For citation: Kupriyanov, A.V. Armed Forces and Military-Industrial Complex of India in the Era of Global Turbulence. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (11): 52-64. DOI: 10.31857/S2686673023110056 EDN: PONWLZ

ВВЕДЕНИЕ

Процессы, происходящие сейчас в системе международных отношений, кардинально меняют сложившийся баланс сил и инструментов, применяемых в мировой политике. На первый план выходят силовые методы. Концепция «мягкой силы», доминирующая в мировом политическом дискурсе последних десятилетий, отходит на второй план: её эффективность как политического инструмента напрямую зависит от того, насколько государства и негосударственные акторы, прибегающие к ней для решения своих задач, в состоянии подкрепить её «жёсткой силой».

Украинский кризис стал не единственным в последние десятилетия – но первым, произошедшим в непосредственной близости от стран «первого мира» и в зоне их жизненных интересов. Кроме того, он, в представлении западных политиков, был вызван действиями «ревизионистской державы», ставящей цель изменить мировой порядок. Невозможность немедленно прекратить этот кризис, очевидная неэффективность экономических мер воздействия на Москву вызвала понятную фрустрацию в европейском политикуме, экспертном сообществе и СМИ, а следом – и в странах, потребляющих новостной продукт, производимый западными медиа. Волны этой фрустрации распространились по всему миру, порождая ощущение опасности и тревоги и побуждая и политические элиты, и общественно активные социальные группы даже тех стран, которые не втянуты в конфликт непосредственно, уделять повышенное внимание вопросам собственной безопасности.

Индия, хотя и входит в число стран, средний класс которых живёт в англоязычном медиаполе, стоит среди них особняком. Это связано с тем, что на протяжении долгого времени Индия была (и остается до сих пор) одним из стратегических партнёров России, и её интеллектуалы, особенно принадлежащие к старшему поколению, склонны рационализировать все шаги Москвы и во многом оправдывать их, а также и с тем, что Индия, будучи региональным лидером и политией с многотысячелетней историей, сталкивается с собственным набором проблем, ни одна из которых прямо не связана с украинскими событиями. Кроме того, для индийской стратегической культуры в принципе чуждо понятие «ревизионистской державы»: сама Индия в определённом смысле является такой державой, так как выступает за изменение мирового порядка и формирование полицентричного мира, в котором она вернула бы себе статус великой державы, утраченный в результате колониального завоевания. В этой картине мира претензии России на восстановление статуса регионального лидера и одного из мировых центров силы, утраченного после поражения в холодной войне, воспринимаются индийскими элитами как естественные и оправданные.

Ключевую роль в формировании индийских представлений о приоритетах в сфере военного строительства играют два взаимосвязанных фактора: опасения в отношении прямого военного конфликта с Китаем и Пакистаном и недовольство

внешней политикой Китая на южноазиатском направлении. Подозрительное отношение к КНР, восприятие Китая как трудно предсказуемого, но потенциально враждебного и опасного соседа начало формироваться в среде индийских элит в конце 1950-х годов. После поражения в пограничной войне 1962 г. в индийском национальном мифе прочно закрепилось представление о северном соседе как об одной из главных угроз, а последующее сближение Пакистана и Китая его только подкрепило. Индийские элиты пугал стремительный экономический рост КНР, превращение её во вторую экономику мира, неспособность Индии в обозримой перспективе догнать Китай. Ситуация усугубилась после того, как в первом десятилетии XXI века элиты КНР начали конвертировать накопленную экономическую мощь в политическую. Китайские компании начали экспансию в странах Юго-Восточной Азии, а китайские военные корабли стали частыми гостями в регионе Индийского океана, который Нью-Дели привык считать зоной своих интересов.

Как уже упоминалось, представление об Индии как о великой державе, лишённой по праву принадлежащего ей места в мировой политике, доминируют в индийской стратегической культуре. Это потенциальное величие подразумевает как обладание рядом признаков (включая боеспособную армию, мощный ВПК, ядерное оружие), так и признание со стороны других великих держав, чья принадлежность к этому клубу не вызывает сомнений. Но в представлении индийских элит Китай отказывает ей в этом признании, отвергая её претензии на роль отдельного и равного по статусу полюса силы не только в мировом, но и в азиатском масштабе. Для индийских элит, таким образом, соперничество с Китаем представляется важным не только в контексте безопасности, но и как средство борьбы за великодержавный статус.

В статье анализируется нынешнее состояние индийских Вооружённых сил и военно-промышленного комплекса, основные проблемы, с которыми они сталкиваются, и возможные пути их решения.

ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ: ОБЩИЙ ОЧЕРК

Индия обладает сейчас вторыми по численности вооружёнными силами в Азии после Китая, это в общей сложности 1,4 млн человек, причём большая их доля служит в армии (1 237 тыс. человек), на втором месте по количеству личного состава – ВВС (139 576 человек), на третьем – ВМС (58 350 человек); активный резерв составляет около 1 155 тыс. человек [1]. Индийская армия, таким образом, превосходит по численности сухопутный компонент Народно-освободительной армии Китая (НОАК) [2]. Эти Вооружённые силы являются полностью контрактными. Помимо этого, в случае вооруженного конфликта индийское командование может привлечь к операциям многочисленные вооружённые и парамилитарные формирования, подчинённые другим ведомствам, в первую очередь МВД, численность которых составляет суммарно более 2,5 млн. человек.

Военный бюджет Индии на 2023 г. – 73,8 млрд долл. США [3]. По сравнению со странами - лидерами по военным расходам, США и КНР, он сравнительно невелик (военный бюджет США – 732 млрд долл., Китая – 261 млрд долл.), но необходимо учитывать, что официальные цифры не в полной мере отражают объём и структуру расходов. *Во-первых*, статьи военного бюджета включают ассигнования на все три вида Вооружённых сил (армию флот и ВВС), оборонную промышленность, НИОКР, но в них не входят ни сравнительно незначительные траты на содержание

самого аппарата Министерства обороны, ни куда более серьёзные расходы на строительство и поддержание военной приграничной инфраструктуры. Во-вторых, фактический объём военного бюджета растёт по мере исполнения: как правило, это оформляется соответствующими срочными актами, принимаемыми органами власти для удовлетворения насущных потребностей в сфере безопасности.

ВС Индии оснащены системами местного и иностранного производства. Индийская промышленность не может в полной мере удовлетворить требования Вооружённых сил ни качественно, ни количественно, поэтому страна традиционно является одним из крупнейших импортёров вооружений (на момент написания статьи – первым в мире: на неё приходится 11% всего мирового импорта; следом идёт Саудовская Аравия – 9,6% и Катар – 6,4%). В 1990-х годах Индия на 80–90% зависела от импорта вооружений из СССР, после распада Советского Союза столкнулась с кризисом поставок новых вооружений и запчастей к уже закупленным системам, а также с послепродажным обслуживанием советской техники. Сделав соответствующие выводы, руководство страны с тех пор проводит политику диверсификации, зачастую отказываясь от закупок у одной страны полноценных комплексов разведки, целеуказания и поражения и тем самым жертвуя эффективностью в пользу стабильности поставок и отсутствия зависимости от одного экспортёра.

При выборе экспортёра вооружений индийское руководство особое внимание обращает на возможность локализации отдельных узлов или целых систем. Это связано с социальными потребностями (стремлением создать новые рабочие места) и с общими соображениями экономического развития (локализация производства, как правило, приводит к формированию целого производственного кластера за счёт налаживания связей с подрядчиками, причём в связи с усложнением систем вооружений эти кластеры становятся всё более высокотехнологичными). В целом при определении политики закупки вооружений в Индии наблюдается определённая дихотомия. С одной стороны, Министерство обороны отстаивает интересы индийских производителей вооружений либо тех экспортёров, которые согласны на максимальную передачу технологий и локализацию производства. С другой – командный состав родов войск, как правило, заинтересован в поставке максимально эффективных (либо считающихся таковыми) вооружений, как правило, западных образцов. Баланс требований Министерства обороны и высшего и старшего командного состава родов войск вкуче с политическими, экономическими и личными соображениями определяет в конце концов политику в отношении закупки того или иного образца. При этом сохраняется проблема, которую Стивен Коэн и Сунил Дасгупта в своё время охарактеризовали как «перевооружение без цели» [Cohen, Dasgupta, 2010]: у индийского военного и политического руководства отсутствует чёткое представление о будущем облике индийских вооружённых сил, поэтому нередко закупки вооружений носят довольно хаотический характер.

СОСТОЯНИЕ ВПК ИНДИИ

Военно-промышленный комплекс Индии развит сравнительно слабо по сравнению с ВПК Европы, России, США, КНР и азиатских стран – Японии Южной Кореи. Причина лежит в небольших объёмах средств, выделяемых на НИОКР, и отсутствии до недавнего времени экосистемы, которая позволяла бы талантливым учёным получать на предприятиях ВПК заработную плату, сравнимую с той, которую они могли бы получить в частном секторе. При этом ещё в 1980-х годах.

создание развитого военно-промышленного комплекса рассматривалось индийским руководством как стратегическая и способствующая достижению Индией статуса великой державы [Marwah, Pollack, 1980].

ВПК Индии на 80% является государственным [4]. Вплоть до 1 октября 2021 г. все оборонные предприятия находились в ведении Государственного управления оружейных заводов (*Ordnance Factory Board*) – крупнейшего госпредприятия в мире (на его заводах трудилось 80 тыс. человек) и старейшей организации в Индии (ведёт свою историю от основания в начале XVIII века Остендской компанией порохового завода в Ичхапуре). Известная самостоятельность, которой пользовалось управление, и его роль в формировании оборонной политики привели к тому, что оно получили неофициальное прозвище «Четвёртого рода войск». В 2021 г. Государственное управление было упразднено, вместо него созданы семь предприятий государственного сектора: «Эдвансд вепонс энд эквипмент Индия лимитед» (*Advanced Weapons and Equipment India Limited*) специализируется на производстве ручного огнестрельного оружия и артиллерийских орудий; «Арморд виекл Нигам лимитед» (*Armoured Vehicles Nigam Limited*) производит БМ, танки и двигатели для них; «Глайдеры Индия лимитед» (*Gliders India Limited*) производит парашюты; «Индия оптель лимитед» (*India Optel Limited*) выпускает прицелы, радиокоммуникационное оборудование, оптико-электрические приборы; «Мюнишнс Индия лимитед» (*Munitions India Limited*) изготавливает боеприпасы для ручного огнестрельного оружия, снаряды для артиллерии, ракет и бомб, «Труп комфортс лимитед» (*Troop Comforts Limited*) выпускает обмундирование, экипировку и снаряжение) и «Янтра Индия лимитед» (*Yantra India Limited*) производит металлические компоненты для других предприятий, а также отдельные образцы вооружений [5].

В процессе разработки вооружений ключевым игроком является Организация оборонных исследований и разработок, созданная в 1958 г. [6] В её ведении находится сеть из 52 лабораторий, которые занимаются разработкой оборонных технологий по всем направлениям, в состав входят 5 тыс. сотрудников – учёных и 25 тыс. административного и технического персонала.

ВПК, традиционно один из самых высокотехнологичных секторов, рассматривается индийским руководством наряду с Ай-ти и другими хайтек-направлениями как двигатель развития экономики на ближайшие десятилетия. Для того, чтобы стимулировать отечественные разработки и производство, правительство запустило ряд инициатив, наиболее известные из которых «Сделано в Индии» (*Make in India*) [7] и «Самодостаточная Индия» (*Aatmanirbhar Bharat*) [8]. Они нацелены на создание экосистемы для развития ВПК, что позволит стране стать одним из крупных экспортёров вооружений. В большинстве случаев речь идёт не о разработке решений с нуля, а о встраивании в мировые производственные цепочки. Пример такого встраивания – участие индийско-американской компании «Тата Боинг эйрспейс лимитед» (*Tata Boeing Aerospace Limited*) в производстве корпусов вертолётов «Апач» (*Apache*), которое рассматривается в Дели и Вашингтоне как взаимовыгодный шаг: Индии он позволяет увеличить количество рабочих мест, привлечь инвестиции и приобрести новые технологии, США – привязать Индию к себе как важного импортёра американских вооружений в будущем.

Основной документ индийского планирования в сфере ВПК – «Политика производства вооружений - 2018» (*Defence Production Policy of 2018, DPrP-2018*) [9]. В соответствии с ним Индия должна к 2025 г. войти в пятёрку крупнейших мировых производителей аэрокосмической и оборонной продукции с ежегодным объёмом

ёмом экспорта 5 млрд долл. Хотя объём оружейного экспорта Индии демонстрирует тенденцию к стремительному росту (по сравнению с 2013–2014 фин. г., когда он составлял 82 млн долл., в 2022–2023 г. он вырос в 23 раза, до 1,9 млрд долл. [10], но он в значительной степени обеспечивается благодаря политической конъюнктуре: в 2017–2021 гг. более 50% экспорта индийских вооружений приходилось на Мьянму [11], военный режим которой не имел возможности закупать оружие у западных стран и с опасением относился к его закупкам у КНР, не желая попадать в зависимость от Пекина.

ПРИЧИНА ПРОБЛЕМ

Индийский военный бюджет распределяется между родами войск неравномерно. Львиная доля приходится на сухопутные войска (57,1%, 42,4 млрд долл.), на втором месте – ВВС (19,1%, 14,1 млрд долл.), на третьем – ВМС (15,5%, 11,4 млрд долл.) [3] Стоило бы ожидать, что сухопутные войска при таком распределении средств окажутся крупнейшим покупателем иностранных и индийских вооружений, однако этого не происходит: из средств, выделенных на армию, лишь 3,7 млрд долл. должны быть потрачены на модернизацию имеющихся вооружений и оборудования и приобретения новых, в то время как ВМС в 2023 г. потратят на модернизацию 5,9 млрд долл., а ВВС – 6,6 млрд долларов.

Причина в том, что огромная численность личного состава сухопутных войск из-за контрактной системы формирования вооружённых сил требует постоянного увеличения расходов на зарплаты и пенсии. Неудовлетворительная ситуация в этой сфере приводит к постоянному дефициту офицеров, солдат и сержантов в войсках [12] и к скандалам, связанным с размерами выплат. В результате более компактные численно и более зависящие от сложной техники рода войск тратят на модернизацию фондов большие суммы, чем армия. По сути, любое увеличение расходов на армию в военном бюджете приводит к тому, что эти средства расходуются на улучшение бытовых условий в местах расквартирования, увеличение заработной платы и пенсий. В сумме более 53% бюджета расходуется на зарплаты и пенсии. В 2023 г. финансирование военных пенсий составило 1,4 трлн индийских рупий (17,2 млрд долл. США), что составляет 23,3% общих расходов на оборону. Объём пенсионных выплат постоянно растёт с 2008 г. (12,6% общего военного бюджета) – с 2016 г. объём пенсионных отчислений стабильно превышает 20% общего военного бюджета. Вкупе с 30% военного бюджета, которые идут на выплаты и пособия действующим военным (около 1,8 трлн индийских рупий, или 21,9 млрд долл. США), эти выплаты значительно тормозят усилия по модернизации, особенно учитывая традиционную индийскую бюрократию и крайне медленный процесс закупки новых вооружений. Переломить эту тенденцию традиционными методами не удаётся и в перспективе вряд ли получится: сокращение выплат неминуемо приведёт к росту общественного недовольства среди военнослужащих и членов их семей, и будет расценено руководством вооружённых сил как нарушение негласного пакта между военными и политическими элитами, заключённого после событий 1962 г. и подразумевающего взаимное невмешательство политиков в дела ВС и ВМС в политическую жизнь страны.

Всё это приводит к снижению процента средств на закупку новых вооружений. С 2008 по 2012 г. он составлял 32,4% всех расходов на оборону, с 2013 по 2017 – уже 27%, а с 2018 по 2022 – 23,4%. В текущем бюджете (2023–2024 гг.) он опустился до 21,9% (16,2 млрд долл.) [3] Хуже того: необходимость постоянно увеличивать

выплаты действующему и ушедшему в отставку личному составу приводит к снижению процента средств, выделяемых на НИОКР. С 2008 по 2012 г. расходы на НИОКР составляли 5,1%, с 2013 по 2017 г. – 4,5%, а с 2018 по 2022 г. – до 4,3%. В бюджете на 2023–2024 гг. расходы на НИОКР выросли – на них выделено 8,2%, но этот рост отчасти компенсируется упомянутым падением расходов на модернизацию и замену устаревшего вооружения. Суммарно расходы на закупку новой техники и расходы на НИОКР составляют 29,1% общего бюджета.

Можно резюмировать, что в целом наблюдается относительное сокращение финансирования нужд обороны по сравнению с другими расходами бюджета. Это особенно заметно на фоне общего роста ВВП, по которому Индия вышла на пятое место в мире, обогнав бывшую метрополию – Великобританию [13]. Хотя в абсолютных цифрах военный бюджет продолжает расти, рупиевая и долларова инфляция уменьшают реальный рост.

ГЕОПОЛИТИКА

Решение проблемы лежит, на первый взгляд, на поверхности: уменьшение чрезмерно раздутой численности армии хотя бы на одну треть в перспективе приведёт к снижению расходов на выплаты личному составу. Однако это, во-первых, достаточно опасный с социально-политической точки зрения шаг, так как может привести к массовым протестам бывших военнослужащих, членов их семей и односельчан; во-вторых, он не оправдан с военно-стратегической точки зрения.

В случае будущего конфликта Индии, по заявлениям её военно-политического руководства, придётся, скорее всего, воевать на «два с половиной фронта» – против оси Пекин – Исламабад и против поддерживающих Китай и Пакистан повстанцев внутри страны (как против маоистов-наксалитов, так и против боевиков в Кашмире) [14]. Таким образом, армии и подчинённым армейским командирам на местах парамилитарным формированиям потребуется вести операции на абсолютно разных театрах военных действий.

Ведение войны против боевиков в тылу ляжет в основном на плечи парамилитарных формирований (Центральных вооружённых сил полиции и Ассамских стрелков), но, вероятно, понадобится привлечь армейские подразделения. Специфика контрпартизанских операций подразумевает отсутствие линии фронта, необходимость обеспечивать контроль за территорией при помощи гарнизонов и блокпостов, что, в свою очередь, потребует задействовать большое количество личного состава. В этом случае значительная численность вооружённых сил окажется благом и позволит сравнительно безболезненно выделить часть сил для борьбы с боевиками внутри страны.

Наиболее предсказуемо будут, очевидно, протекать возможные боевые действия против Китая. На всём протяжении линия фактического контроля проходит вдоль Гималаев – высочайшего горного хребта мира. Это, с одной стороны, создаёт определённые трудности при потенциальной демаркации и делимитации границы в мирное время; с другой – специфика ТВД ограничивает размах возможных действий обеих сторон. Само наличие горных хребтов осложняет проведение операций соединениями крупнее бригады, ограничивает использование различных видов вооружений и бронетехники (наиболее востребованными становятся миномёты и лёгкие танки), затрудняет бесперебойное снабжение наступающих частей. Недостаточное развитие транспортной инфраструктуры с обеих сторон границы затрудняет, во-первых, концентрацию наступающих частей на

ключевых направлениях, во-вторых – их действия на неприятельской стороне линии фактического контроля.

Такая ситуация на ТВД, вызванная прежде всего географическими причинами, приводит к тому, что основную роль в потенциальном конфликте будут играть хорошо подготовленные горнострелковые части, подкреплённые бронетехникой, предназначенной для действий в горах. При этом ключевым является фактор ВВС: та сторона, которая сумеет захватить господство в воздухе, сможет прикрыть продвижение своих войск по ограниченному числу горных проходов и долин и остановить неприятельское наступление при помощи ударов с воздуха. Чтобы парировать эту угрозу, необходимо насытить район боевых действий мобильными комплексами ПВО. В случае прорыва противника через горные проходы возможности обороняющейся стороны по применению авиации ещё больше возрастут, в то время как действия авиации противника будут затруднены. Таким образом, любой неядерный конфликт на индийско-китайской границе по определению остаётся ограниченным, а географические условия будут с самого его начала обеспечивать нарастающее оперативное трение, которое приведёт к скорому затуханию любой операции.

Ещё один ТВД в потенциальном конфликте с Китаем – регион Индийского океана. В индийском политическом дискурсе любое присутствие КНР там, будь то частные экономические проекты или заходы боевых кораблей, воспринимается крайне резко. Большой популярностью пользуется концепция «Нити жемчуга», призванная объяснить китайскую стратегию в регионе: предполагается, что КНР сознательно создаёт в Индийском океане сеть баз (военных, наподобие базы в Джибути, и двойного назначения, под которыми подразумеваются Гвадар и Хамбантота), при помощи которых в случае начала войны «окружит и задушит» Индию, 95% торговли которой ведётся морским путём. Это, в свою очередь, побуждает индийское руководство уделять особое внимание усилению флота путём спуска на воду новых кораблей и укрепления Андаманской морской позиции, блокирующей Малаккский пролив и находящейся под общим командованием ВМС. Первый руководитель Штаба обороны генерал Бишин Рават выступал за ограничение бюджета ВМС и за строительство более дешёвых подводных лодок как основы ВМС Индии в противовес более дорогим авианосцам [15], но после его гибели в авиакатастрофе позиции сторонников бюджетных ограничений в отношении флота ослабли и, очевидно, в обозримом будущем флот будет лишь укрепляться.

Таким образом, в случае начала конфликта с КНР основную роль будут играть ВВС, ВМС и ограниченный контингент сухопутных войск, прошедший специальную подготовку и оснащённый техникой, требующейся для ведения боевых действий в горных условиях. Большая армия может потребоваться лишь в ситуации, если китайские войска сумеют преодолеть горный хребет и предгорья, нанеся поражение индийским пограничным корпусам, когда потребуются остановить части Народно-освободительной армии Китая, сконцентрировав на направлении удара превосходящие силы.

Единственный противник, угроза со стороны которого парируется благодаря самому факту наличия большой армии – это Пакистан. Индо-пакистанская граница имеет свою специфику. В отличие от Линии фактического контроля, её география крайне разнообразна: южный участок характеризуется наличием заболоченных низинных территорий, перерезанных многочисленными речными рукавами, центральный проходит через пустыню Тар (Холистан), северный (кашмир-

ский) – наличием горных хребтов, по которым проходит Линия контроля. Как следствие, боевые действия на южном участке требуют применения амфибийных соединений, оснащенных плавающей бронетехникой и поддерживаемых с моря; на центральном участке – танковых подразделений, снабженных техникой, способной наступать в условиях жары, и прикрытых с воздуха авиацией и мобильными средствами ПВО; на севере специфика потенциальных операций в целом аналогична той, что будет иметь место в случае индийско-китайского конфликта. По сути, одним из немногих секторов, где возможно полноценное наступление, является район Лахора, где разыгрывались основные танковые сражения Второй индо-пакистанской войны 1965 г. Из-за наличия там большого числа ирригационных сооружений наступательные действия индийских войск там также затруднены.

Однако в случае решительного успеха индийских войск на любом из этих участков Пакистан окажется в критическом положении. Львиная доля его промышленного и сельскохозяйственного потенциала сосредоточена в провинциях Панджаб и Синд. После прорыва индийских войск в долину Инда, будь то десант в Карачи, наступление через пустыню Тар или на Лахорском участке, существование Пакистана как независимого государства будет поставлено под угрозу, и руководство Пакистана с большой долей вероятности применит ядерное оружие, что, в свою очередь, повлечёт за собой гуманитарную катастрофу для всего Северного Индостана. Поэтому Индия в любом конфликте с Пакистаном преследовала и будет преследовать исключительно ограниченные цели [Kalyanaraman, 2022].

При этом для Индии, в отличие от Пакистана, любая военная операция пакистанских ВС на аналогичную глубину не будет воспринята как достаточное обоснование для применения ядерного оружия. Исходя из этого пакистанские элиты могут попытаться развязать ограниченный конфликт, сделав ставку на применение конвенциональных вооружений и демонстрируя готовность использовать ЯО в случае, если операция закончится неудачей и возникнет опасность переноса боевых действий на пакистанскую территорию. Но подавляющее превосходство Индии в численности армии и обычных вооружениях, развитая приграничная инфраструктура служат важным сдерживающим фактором. Таким образом, внешне неэффективная армия с чрезмерно раздутыми штатами играет важную роль в деле безопасности страны.

ВЫХОД ИЗ ЗАПАДНИ

Таким образом, сокращение армии в настоящий момент выглядит нежелательным по соображениям социально-политического и военно-стратегического характера. В обозримом будущем Индия обречена на сохранение большой сухопутной армии. Помимо этого, сокращение может повлечь за собой негативные социальные последствия. При этом очевидно, что старение фондов ведёт к уменьшению боеспособности армии, прежде всего в случае скоротечного пограничного конфликта, когда в боях участвуют подразделения непосредственного прикрытия границы численностью до группы корпусов. Это, в свою очередь, означает высокие потери как в технике, так и в личном составе на начальной (и, возможно, единственной) стадии конфликта и негативную реакцию на них в обществе.

Ответом на этот вызов должна была стать серия кадровых реформ, инициированных правительством Моди. Наиболее заметные из них - изменения начисления пенсии для офицеров и системы набора рядовых и сержантов.

Первая реформа предполагает, во-первых, увеличение возраста выхода на пенсию для полковников, бригадных генералов, генерал-майоров и эквивалентных им должностей в ВМС и ВВС с нынешних 54 лет (56 лет в ВМС), 56 и 58 лет до 57, 58 и 59 лет соответственно, причём для генерал-лейтенантов этот возраст сохраняется неизменным (60 лет). Возраст выхода на пенсию для офицеров в других званиях будет увеличен до 57 лет (сейчас он варьируется от 42 до 57 лет). Помимо этого, чтобы воспрепятствовать досрочному выходу офицеров на пенсию после 20 лет службы, было предложено уменьшить размер пенсии в этом случае в следующей пропорции: для офицеров, имеющих 20-25 лет стажа – до 50%, 26-30 лет стажа – 60%, 31-25 лет стажа – 75%. Те, кто выйдет в отставку после 35 лет службы, будут получать причитающуюся пенсию в полном объёме [16].

Вторая реформа, представленная в июне 2022 г. под названием «Агнипат» (*Agnipath*, «Путь огня») и должна способствовать омоложению армии путём снижения среднего возраста рядового и сержантского состава. Если раньше индийский солдат заключал контракт минимум на 17 лет, а затем либо продолжал службу, либо уходил в отставку с гарантированной пенсией, то в соответствии с новой программой само прохождение службы устроено по-другому. Во-первых, набираются солдаты более молодого возраста (от 17,5 до 21 года); во-вторых, они заключают контракт на четыре года (лица, проходящие службу по этому контракту, именуются *agniveer*), после чего три четверти отсеиваются, а четверть получает право заключить контракт на 15 лет. Те, кто отсеется, получают налоговое пособие, не облагаемое налогом, но при этом лишаются права на военную пенсию или пособие по болезни [17].

Такая реформа, с одной стороны, в условиях постоянного роста населения Индии и большого числа молодежи гарантирует поддержание численности армии на привычном уровне; с другой – снимает с бюджета три четверти расходов на военные пенсии, позволяя направить высвободившиеся средства на модернизацию техники. Минусы для потенциальных рекрутов очевидны: если новобранец не попадет в четверть лучших, то он впустую потеряет четыре года жизни, которые он мог бы посвятить построению карьеры.

Оба проекта реформ вызвали жесткую критику со стороны экспертного сообщества и оппозиции [18], причём объявление о внедрении «Агнипат» привело даже к массовым протестам, закончившимся ранениями десятков человек и смертью одного из протестующих [19]. Однако опасения противников реформ преувеличены: несмотря на то, что дефицит кадров и среди офицерского, и среди рядового состава возрастёт, критических значений он не достигнет. При том, что по официальным данным безработица в Индии составляет сейчас 7,7% [20], более 30% молодёжи в возрасте от 15 до 29 лет не имеют постоянной работы [21]. Это означает, что многие юноши в любом случае предпочтут стабильный заработок на военной службе тяжёлой подённой работе с сомнительными перспективами.

Третья инициатива – создание Неотчуждаемого фонда оборонной модернизации (*Non-Lapsable Defence Modernisation Fund*). Планируется, что он будет наполняться не из оборонного бюджета, а за счёт средств, перечисляемых из Консолидированного фонда Индии, поступлений от деинвестирования оборонных предприятий государственного сектора и от монетизации излишков оборонных земель, используемых в том числе властями штатов. Деньги Фонда планируется тратить исключительно на модернизацию военной техники [22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кризис, происходящий сейчас на Украине, вынуждает Индию ускорить процесс становления собственного ВПК.

Россия, проводящая СВО, не может сейчас использовать весь спектр имеющихся экспортных возможностей. Та техника, которую сейчас производят российские заводы и которая может в перспективе представлять интерес для Индии, сразу отправляется на линию боевого соприкосновения. Очевидно, после окончания конфликта Россия сможет быстро нарастить экспорт вооружений и боеприпасов благодаря развёрнутой военной промышленности, но это не поможет решить две системные проблемы.

Первая заключается в том, что набор систем, которые Россия может экспортировать, лишь отчасти интересен индийским импортёрам. Традиционно Москва воспринимается как экспортёр вооружений для сухопутных сил, но именно этот род войск тратит наименьшее число средств на закупку вооружений. В ряде наиболее привлекательных, с финансовой точки зрения, тендеров на поставку вооружений для ВМС Индии Россия не участвует, так как ей чаще всего нечего для них предложить в отличие от США, Японии, Южной Кореи.

Вторая проблема связана с существовавшей до недавнего времени кооперацией между российскими и западными и украинскими производителями. Так, на фрегатах проектов 11356 и 11356Р используются газотурбинная установка производства украинского НПО «Зоря - Машпроект»; из-за начала конфликта на Украине возникли трудности с достройкой фрегатов *Tushil* и *Tamala*, которые удалось устранить только благодаря прямой закупке Индией ГТУ на Украине.

Всё это способствует, с одной стороны, активизации усилий Индии по развитию собственной оборонной промышленности, с другой – широкой экспансии на индийский оборонный рынок американских, французских, японских, британских, израильских производителей. Для того, чтобы удержаться на этом рынке, России необходим полный пересмотр существующих механизмов сотрудничества с Индией, взаимное встраивание в производственные цепочки, создание совместных проектов для экспорта на рынки третьих стран.

ИСТОЧНИКИ

1. Javaid, A. List of Indian Armed Forces. *Jagran Josh*. 01.04.2022. Available at: <https://www.jagranjosh.com/general-knowledge/list-of-indian-armed-forces-1648805756-1> (accessed: 14.07.2023).
2. Philip, S.A. Indian Army now world's largest ground force as China halves strength on modernisation push. *The Print*. 17.03.2020. Available at: <https://theprint.in/defence/indian-army-now-worlds-largest-ground-force-as-china-halves-strength-on-modernisation-push/382287/> (accessed: 14.07.2023).
3. McGerty, F., Solanki, V., Dewey, K. Personnel vs. capital: the Indian defence budget *The International Institute for Strategic Studies*. 14.04.2023. Available at: <https://www.iiss.org/en/online-analysis/military-balance/2023/04/indian-defence-budget/> (accessed: 14.07.2023).
4. Myers, Ch. Still short on promise: India's defence industrial base. *The Strategist*. 09.02.2023. Available at: <https://www.aspiratelist.org.au/still-short-on-promise-indias-defence-industrial-base/> (accessed: 14.07.2023).
5. Seven new defence companies, carved out of OFB, dedicated to the Nation on the occasion of Vijayadashami. *Press Information Bureau, Government of India*. 15.10.2021. Available at:

[https://pib.gov.in/Pressreleases.aspx?PRID=1764148#:~:text=The%20seven%20new%20Defence%20companies,Gliders%20India%20Limited%20\(GIL\)](https://pib.gov.in/Pressreleases.aspx?PRID=1764148#:~:text=The%20seven%20new%20Defence%20companies,Gliders%20India%20Limited%20(GIL)) (accessed: 14.07.2023).

6. Defence Research and Development Organisation. Available at: <https://www.drdo.gov.in/> (accessed: 14.07.2023).

7. Make in India. Available at: <https://www.makeinindia.com/> (accessed: 14.07.2023).

8. Aatmanirbhar Bharat. Available at: <https://aatmanirbharbharat.mygov.in/> (accessed: 14.07.2023).

9. Draft Defence Production Policy-2018. *Department of Defence Production, Government of India*. Available at: <https://www.ddpmod.gov.in/sites/default/files/Draft%20Defence%20Production%20Policy%202018%20-%20for%20website.pdf> (accessed: 14.07.2023).

10. Singh, A. India's defence exports grew 23 times in 9 years, surpassed \$1.9 billion in FY 22-23. *WION*. 31.05.2023. Available at: <https://www.wionews.com/india-news/indias-defence-exports-grew-23-times-in-9-years-surpasses-19-billion-in-fy-22-23-598660> (accessed: 14.07.2023).

11. Bikhchandani, R. India 3rd largest military spender, 50% defence exports go to Myanmar, shows data from SIPRI. *The Print*. 26.04.2022. Available at: <https://theprint.in/defence/india-3rd-largest-military-spender-50-defence-exports-go-to-myanmar-shows-data-from-sipri/930570/> (accessed: 14.07.2023).

12. Pandit, R. Armed forces continue to grapple with shortages in officer and other ranks. *The Times of India*. 22.07.2022. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/armed-forces-continue-to-grapple-with-shortages-in-officer-and-other-ranks/articleshow/93057658.cms> (accessed: 14.07.2023).

13. Armstrong, M. This chart shows the growth of India's economy. *World Economic Forum*. 26.09.2022. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2022/09/india-uk-fifth-largest-economy-world> (accessed: 14.07.2023).

14. Unnithan, S. The two and a half front war. *India Today*. 25.01.2021. Available at: <https://www.indiatoday.in/magazine/up-front/story/20210125-the-two-and-a-half-front-war-1759580-2021-01-17> (accessed: 14.07.2023).

15. Submarines a priority over aircraft carriers for navy, says CDS Gen Bipin Rawat; announces plan to look at overseas bases for logistics. *Firstpost*. 17.02.2020. Available at: <https://www.firstpost.com/india/submarines-a-priority-over-aircraft-carriers-for-navy-says-cds-gen-bipin-rawat-announces-plan-to-look-at-overseas-bases-for-logistics-8050811.html> (accessed: 14.07.2023).

16. Panag, H.S. Decrease military pension, salary bill without reinventing wheel. Just look at other armies. *The Print*. 17.02.2022. Available at: <https://theprint.in/opinion/decrease-military-pension-salary-bill-without-reinventing-wheel/834292/> (accessed: 14.07.2023).

17. Agnipath Scheme. Available at: <https://164.100.158.23/AgnipathScheme.htm> (accessed: 14.07.2023).

18. Pandit, R. Move to raise retirement age in forces sparks row. *The Times of India*. 05.11.2020. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/govt-move-to-increase-retirement-age-slash-pensions-triggers-uproar-in-military-circles/articleshow/79046152.cms> (accessed: 14.07.2023).

19. Agnipath protests turn violent across India: Trains set on fire, one dead in Telangana. *The Indian Express*. 17.06.2022. Available at: <https://indianexpress.com/article/india/anti-agnipath-protests-wrap-up-violence-mars-streets-of-major-cities-across-india-7975591/> (accessed: 14.07.2023).

20. Unemployment rate falls to 7.7% in May on decline in labour participation: CMIE. *The Economic Times*. 10.06.2023. Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/indicators/unemployment-rate-falls-to-7-7-in-may-on-decline-in-labour-participation-cmie/articleshow/100903004.cms> (accessed: 14.07.2023).

21. Jethmalani, H. More than 30% of India's youth not in employment, shows OECD report. *Mint*. 06.03.2017. Available at: <https://www.livemint.com/Money/JYalqNRTO-taQCIU4EuXGRO/More-than-30-of-Indias-youth-not-in-employment-shows-OECD.html> (accessed: 14.07.2023).

22. Finance ministry working on Non-Lapsable Defence Modernisation Fund. *Deccan Chronicle*. 18.03.2023. Available at: deccanchronicle.com/nation/in-other-news/190323/finance-ministry-working-on-non-lapsable-defence-modernisation-fund.html (accessed: 14.07.2023).

REFERENCES

Cohen, S., Dasgupta, S. 2010. *Arming without aiming: India's military modernization*. Washington, Brookings Institution Press. 223 p.

Kalyanaraman, R. 2022. *India's Military Strategy: Countering Pakistan's Challenge*. New Delhi, Bloomsbury India. 288 p.

Marwah, O., Pollack, J., eds. 1980. *Military Power and Policy in Asian States: China, India, Japan*. Westview Press., 180 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Центра Индоокеанского региона Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

Alexey V. KUPRIYANOV, Candidate of Sciences (History), Senior research fellow, Head of the Centre for Indo-Pacific Region, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.07.2023 / Received 16.07.2023.

Поступила после рецензирования 03.08.2023 / Revised 03.08.2023.

Статья принята к публикации 05.08.2023 / Accepted 05.08.2023.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673023110068

EDN: PORRQM

Роль Индии как одного из экспортёров вооружений в Мьянму (февраль 2021 г. – май 2023 г.)

И.А. Зайцев

*Институт мировой экономики и международных отношений
им. академика Е.М. Примакова Российской академии наук
Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.
РИНЦ ID: 1127092*

ORCID: 0000-0002-0883-059X e-mail: kouaun6803@gmail.com

Резюме. В статье предпринимается попытка оценить роль Индии как одного из ключевых поставщиков вооружений в Мьянму в течение последних двух лет с момента совершения военного переворота в стране в феврале 2021 г. Для этого автором приводится характеристика политических причин, обуславливающих руководство Индии сотрудничать с военным правительством Мьянмы в области трансфера вооружений. Описываются и потенциальные риски такого сотрудничества. В статье проводится сравнительный анализ типов вооружений, поставленных Индией, с типами вооружений, закупленными Мьянмой у других экспортёров.

Ключевые слова: Мьянма, Индия, военный переворот, вооружения, типы вооружений

Для цитирования: Зайцев И.А. Роль Индии как одного из экспортёров вооружений в Мьянму (февраль 2021 г. – май 2023 г.). *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53(11): 65-72. DOI: 10.31857/S2686673023110068 EDN: PORRQM

The Role of India as One of the Key Arms Exporters to Myanmar (February 2021 – May 2023)

Ivan A. Zaitsev

*E.M. Primakov Institute of World economy and international relations,
Russian Academy of Science (IMEMO RAN)
РИНЦ ID: 1127092*

ORCID: 0000-0002-0883-059X e-mail: kouaun6803@gmail.com

Abstract. The paper raises a question of weapon transfer to Myanmar over the past 2 years. In such dynamic process India was one of the key weapon suppliers to Myanmar military junta. The article describes the political reasons of Indian cooperation with military government of Myanmar in the field of arms transfer. The potential risks of such cooperation are also indicated. The paper highlights the statistical information related to weapons transfer from India to Myanmar.

Keywords: Myanmar, India, military coup, weapon, weapon type

For citation: Zaitsev, I.A. The Role of India as One of the Key Arms Exporters to Myanmar (February 2021 – May 2023). *USA & Canada: economics, politics, culture.* 2023; 53(11):65-72. DOI: 10.31857/S2686673023110068 EDN: PORRQM

ВВЕДЕНИЕ

Мьянма, как и многие страны региона Юго-Восточной Азии, является активным импортёром иностранного вооружения. Традиционно значимыми партнёрами для неё считаются Китай, Россия, Индия и ряд других стран.

До недавнего времени спрос бирманских военных на зарубежное вооружение был обусловлен необходимостью проводить с различной степенью регулярности те или иные военные операции против этнических вооружённых формирований, базирующихся в различных районах страны. После совершенного в феврале 2021 г. военного переворота к этому также добавилась необходимость в жёстком подавлении уличных протестов населения. В такой ситуации вопрос увеличения закупок вооружений стал особенно актуальным для пришедшего к власти государственного административного совета (далее – ГАС) [Симония А.А., 2021].

В условиях введённого в 2021 г. странами Европы и Северной Америки пакета санкций, а также эмбарго на продажу вооружений в Мьянму, военное правительство этой страны было вынуждено наращивать закупки вооружений у тех государств, позиция которых была более компромиссной по отношению к правящему на сегодняшний день в Мьянме военному правительству. К таким странам можно отнести Россию, Китай, Индию, Сингапур и Таиланд.

В настоящей статье проводится оценка роли Индии как одного из значимых государств-экспортёров вооружений в Мьянму. В качестве источников для исследования были использованы статистические данные Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI) [1], данные официального отчёта ООН (май 2023 г.) [2], а также материалы прессы на английском и бирманском языках [3]; [4]; [5]; [6]; [7].

ОЦЕНКА ОБЩЕЙ СТОИМОСТИ ЭКСПОРТА ВООРУЖЕНИЙ В МЬЯНМУ (2015–2023 г.)

По данным Стокгольмского института исследования проблем мира, в шестилетний «демократический» период, предшествовавший военному перевороту 2021 г. (2015–2021 гг.), список стран-экспортёров вооружений в Мьянму насчитывал, по меньшей мере, 13 государств, среди которых наибольшее количество вооружений было продано КНР. Общий объём закупок Мьянмой китайского вооружения оценивается суммой в 715 млн долл. США. Экспорт России и Индии оценивается в 247 и 190 млн долл. США, что соответствует второй и третьей позиции в общем объёме экспорта [1].

Примечательно, что среди стран-экспортёров присутствовали и некоторые государства – члены НАТО, такие как Франция, Германия, Бельгия и Нидерланды [1]. Однако общий объём экспорта вооружений из этих стран не превысил суммы в 36 млн долл. США, что не может свидетельствовать о значительных темпах сотрудничества с Мьянмой в сфере экспорта вооружения.

В ситуации, последовавшей после февральского военного переворота 2021 г., внутривластный расклад сил в стране изменился. Необходимость в быстром подавлении антивоенных демонстраций и репрессиях против мирного населения, а также в вооружённой конфронтации с повстанческими группировками обусловили военное правительство Мьянмы увеличить объём импорта вооружений, которые локальная оборонная промышленность не в состоянии произвести самостоятельно. В пользу этого свидетельствуют статистические данные

официального отчёта, прозвучавшего на заседании Совета Безопасности ООН в мае 2023 г., согласно которому суммарный объём трат военного правительства Мьянмы на закупку вооружения с февраля 2023 г. достиг отметки в 1 млрд долл. США, что фактически соответствует цифре, потраченной прошлым правительством Мьянмы в течение пяти лет, с 2015 по 2020 г. [2].

Таблица 1

Количественная оценка поставленных в Мьянму вооружений (2021–2023)

<i>Государство</i>	<i>Сумма в млн долл. США</i>	<i>Процент общей суммы</i>
Россия	405	40
Китай	267	27
Сингапур	253	25
Индия	51	5
Таиланд	27	3
Итого	1 млрд	100

[2]

Военный переворот способствовал не только росту потребности ГАС в импорте вооружений, но и повлиял на изменение общей конфигурации стран – экспортёров вооружений в Мьянму. Это было выражено по целому ряду направлений. *Во-первых*, число экспортёров сократилось более чем в 2 раза, от 13 до 5. Из-за введённых западными странами санкций против военного правительства Мьянмы, государства – члены НАТО прекратили любое сотрудничество с Мьянмой в сфере экспорта вооружений, что, в свою очередь, усилило позиции традиционно значимых для Мьянмы экспортёров вооружений. *Во-вторых*, с 2021 по 2023 г. Китай утратил статус главного поставщика вооружений, уступив пальму первенства России. Согласно данным официального отчёта ООН, с 2021 по 2023 г. суммарный объём поставок вооружений Россией в Мьянму оценивается суммой 400 млн долл. США, что соответствует приблизительно 40% общей суммы, потраченной военным правительством за более чем два года нахождения у власти.

Необходимо отметить и активизацию импорта военным правительством Мьянмы вооружений из Сингапура, стоимость которых насчитывает приблизительно 253 млн долл. США (около 25% общих затрат). Это ставит Сингапур с февраля 2021 г. на третье место после России и Китая в общем объёме экспорта вооружений в Мьянму.

За последние два года экспорт вооружений из Индии в Мьянму достиг 51 млн долл. США, что приблизительно соответствует 5% общей суммы, потраченной правительством Мьянмы. В денежном эквиваленте объём экспорта индийских вооружений в Мьянму следует оценивать в 5 раз ниже, чем у Сингапура, а также в 8 раз ниже, чем у России.

Фактически, утратив третье место среди стран – экспортёров вооружений в Мьянму, за последние два года Индия сократила общую сумму экспорта вооружений в Мьянму приблизительно в 4 раза в сравнении с «демократическим» периодом (2015–2021 гг.), а также в 3 раза по сравнению с последними двумя годами «демократического» периода 2019 и 2020 г. [1]. Но даже в такой ситуации Индия продолжает играть роль значимого игрока на рынке экспорта вооружений в Мьянму.

Последнюю, пятую, строчку в общем объёме экспорта занимает Королевство Таиланд. Сумма поставок вооружений оценивается приблизительно в 27 млн долл. США, что соответствует 3% общей суммы, потраченной военным правительством Мьянмы на закупку вооружений.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОТРУДНИЧЕСТВО ДВУХ СТРАН В СФЕРЕ ВООРУЖЕНИЙ

Сегодняшнюю позицию Индии по отношению к правящему в Мьянме военному режиму можно охарактеризовать как гибкую и прагматичную. Несмотря на заявления премьер-министра Индии Н. Моди о «поддержке законности и демократического перехода в Мьянме (*upholding of rule of law and the democratic transition*)», а также необходимости в поддержке Индией имиджа «крупнейшей демократии мира», правительство этой страны идёт на контакт с военным руководством Мьянмы по целому ряду вопросов, в том числе и в трансфере вооружений.

Невзирая на некоторое сокращение поставок вооружений и жёсткую позицию стран Запада по отношению к захвату власти в Мьянме военными, Индия сохранила своё место среди ведущих стран-экспортёров оружия в Мьянму, а правительство Н. Моди отказалось от присоединения к эмбарго на поставку вооружений, объявленному странами ЕС, США, а также Канадой [4].

К значимым мероприятиям, указывающим на заинтересованность Нью-Дели в поддержании двустороннего военного сотрудничества, можно отнести несколько визитов официальных лиц Индии в Мьянму, прошедших за последнее время. К ним следует отнести посещение индийской военной делегацией парада в столице Мьянмы г. Нейпидо по случаю празднования дня вооружённых сил Мьянмы 27 марта 2021 г. Также с 30 июня по 1 июля 2023 г. в Мьянму прибыл министр обороны Индии Гириджар Арамане с официальным визитом, в ходе которого обсуждались вопросы обеспечения безопасности в приграничных с Мьянмой районах [6].

Наличие у Индии компромиссной позиции по политической ситуации в Мьянме, а также готовность продолжать сотрудничество в сфере экспорта вооружений имеет несколько политических предпосылок. К первой из них стоит отнести фактор Китая, который традиционно является «болезненным» для Индии. Сохранение некоторой динамики трансфера индийских вооружений позволит «сбалансировать» не без того сильное влияние Китая на ряд внутривнутриполитических процессов в стране, а также способствует укреплению влияния Индии [Лебедева Н.Б., 2010]; [Симонья А.А., 2021]; [Dai Yonghong, 2014]. Весьма вероятно, что военное правительство Мьянмы руководствуется той же логикой, развивая альтернативные Китаю каналы поставки вооружений.

Ко второй причине следует отнести то, что военные элиты Мьянмы пользовались поддержкой Нью-Дели ещё до событий февраля 2021 г. Вероятной «почвой» для сближения послужили взаимные заинтересованности в борьбе с приграничными повстанческими группировками, некоторые из которых спонсировались КНР. Всё это происходило на фоне некоторого разочарования индийскими политическими элитами правительством партии НЛД, особенно их прокитайской позицией по ряду вопросов [События в Мьянме в контексте взаимоотношений крупных держав в регионе, 2021: 154]; [Sarma J., Karur R. 2021]. Это предопределило определённые «политические очки» бирманским военным в глазах элит Индии.

Несмотря на ряд факторов, обуславливающих необходимость Индии в трансфере вооружения в Мьянму, существуют и потенциальные риски, которые следует принимать во внимание при оценке двустороннего сотрудничества обеих стран в области поставок вооружений. К ним без преувеличения можно отнести

драматичную ситуацию в приграничных районах двух стран, служащей своеобразным камнем преткновения в отношениях двух государств.

В течение 2021–2022 г. в районе населенного пункта Тханталан Чинской национальной области военным правительством Мьянмы было уничтожено около 1400 жилых домов, что спровоцировало массовую миграцию беженцев в приграничные с Мьянмой индийские штаты Мизорам и Манипур [5]. Ситуацию усугубил авиаудар, совершённый двумя самолётами ВВС Мьянмы по позициям Чинского Национального Фронта в январе 2023 г., в ходе которого под обстрел попали два приграничных населенных пункта на индийской стороне [3].

Это означает, что действия военного режима Мьянмы против этнических меньшинств могут иметь негативные последствия для сотрудничества Мьянмы с Индией в сферах безопасности, в том числе в трансфере вооружений, что может способствовать сдерживанию поставок Индией определённых типов вооружений в дальнейшем.

ПОСТАВКИ МЬЯНМЕ ВООРУЖЕНИЯ ИНДИЕЙ

При оценке роли Индии как одного из экспортёров вооружений в Мьянму необходимо обратиться к изучению количественных данных поставленного в Мьянму вооружения с 2021 по 2023 года.

К возможным трудностям, возникающим при рассмотрении этого вопроса, стоит отнести отсутствие достоверных непротиворечивых друг другу статистических данных, опубликованных в открытых источниках. Так, в базе данных, предоставленной Стокгольмским институтом исследования проблем мира (СИПРИ) за этот хронологический промежуток, отмечается, что Индия не поставляла в Мьянму каких-либо вооружений [1]. Эта информация не соответствует данным официального отчёта ООН [2], а также информации, опубликованной в зарубежной прессе, что позволяет усомниться в достоверности данных, опубликованных СИПРИ.

Согласно официальному отчёту ООН, в течение двух последних лет Индия поставила Мьянме различные системы вооружения на сумму в 51 млн долл. США. В поставках были задействованы такие крупные индийские госкомпании, как *Bharat Electronics Limited, Bharat Dynamics Limited, Yantra India Limited* и т.д. [2].

Что касается перечисления конкретных типов вооружений, поставленных Индией для армии Мьянмы, то к ним можно отнести оборудование прибрежного наблюдения, включающее радары и коммуникационное оборудование; радиолокационную радарную станцию, 122-мм снаряды для тяжёлой артиллерии, учебное и инженерное оборудование и т.д. [2].

На основании опубликованных в официальном отчёте ООН данных, возможно провести типологическое сравнение поставленных Индией вооружений с оружием, закупленным Мьянмой у Китая, России, Сингапура и Таиланда. В качестве основных типов оружия для сравнения рассматриваются пять отдельных категорий, под которыми понимаются: 1) авиация и комплектующее оборудование; 2) танки и комплектующее оборудование; 3) тяжёлая артиллерия и комплектующее оборудование; 4) реактивная артиллерия и комплектующее оборудование; 5) радиолокационное оборудование.

Таблица 2

Оценка поставленных в Мьянму вооружений (2021-2023) по данным ООН

<i>Страна</i>	<i>Авиа- ция*</i>	<i>Танки*</i>	<i>Тяжёлая ар- тиллерия*</i>	<i>Радиолокационное оборудование</i>	<i>Реактивная артиллерия*</i>
Россия	+	-	-	+	+
Китай	+	+	-	-	-
Синга- пур	+	-	-	-	-
Индия	-	-	+	+	-
Таиланд	+	-	-	-	-

* и комплектующее оборудование

[2]

Из таблицы 2 следует, что, в отличие от иных поставщиков вооружения, Индия не поставляла Мьянме авиацию с комплектующим оборудованием. Также, в отличие от Китая и России, Индия не продавала Мьянме танки и реактивную артиллерию, включающие дополнительные комплектующие. Фактически, Индию можно считать монополистом на поставку Мьянме снарядов для тяжелой артиллерии. В силу того, что точное количество поставленных боеприпасов остаётся неизвестным, доподлинно оценить масштаб такой помощи затруднительно.

Представленные данные позволяют утверждать, что объём военной помощи Мьянме со стороны Индии с 2021 по 2023 г. исключал поставку авиации, танков и реактивной артиллерии. Вполне возможно, что такая стратегия индийского правительства учитывала фактор напряжённости в приграничных между Индией и Мьянмой районах. Необходимо отметить и то, что более интенсивная поставка вооружений в Мьянму может иметь свои отрицательные последствия для двусторонних контактов Индии и стран Запада, что, в свою очередь, служит сдерживающим фактором для Индии в расширении возможных поставок оружия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переворот в Мьянме, совершённый военными в феврале 2021 г., исключил страны Запада из круга экспортеров вооружений в Мьянму, что предоставило больше возможностей для сотрудничества с Мьянмой в сфере продаж вооружений таким странам, как Китай, Россия, Индия, Сингапур и Таиланд. Активизация запроса бирманской стороной на импорт иностранного вооружения была спровоцирована необходимостью быстрого подавления уличных протестов гражданского населения, а также оперативным реагированием на угрозы, исходящие от организованных вооружённых формирований, а также от этнических меньшинств, рассредоточенных в разных частях страны.

Несмотря на определённое сокращение экспорта вооружений в Мьянму, Индию по-прежнему можно считать значимым для этой страны партнёром в сфере поставок вооружений. Сотрудничество двух стран в этой сфере обусловлено целым рядом политических факторов – как позитивных, так и негативных. Оценивая эти факторы в совокупности, стратегию индийского правительства по поставке вооружений Мьянме можно охарактеризовать как гибкую и прагматичную, учитывающую возможные риски, а также необходимость защиты собственных интересов.

Изучение информации, опубликованной в официальном отчете ООН, позволило определить, что Индия не поставляла в Мьянму такие виды вооружений, как: танки, авиацию и реактивную артиллерию, что могло быть обусловлено некоторыми политическими причинами.

ИСТОЧНИКИ

1. SIPRI Arms Transfers Database. Available at <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed: 10.07.2023).
2. The Billion Dollar Death Trade: The International Arms Networks That Enable Human Rights violations in Myanmar. Conference room paper of the Special Rapporteur on the situation of human rights in Myanmar. 19.06.2023. Available at: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/countries/myanmar/crp-sr-myanmar-2023-05-17.pdf> (accessed: 10.06.2023).
3. India urged to close airspace to Myanmar warplanes after attacks. *Al Jazeera*. 13.01.2023. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/13/india-urged-to-close-airspace-to-myanmar-warplanes-after-attacks> (accessed: 13.07.2023).
4. UN expert says Russia, China sending aid to Myanmar's military. 17.05.2023. Available at: <https://english.alarabiya.net/News/world/2023/05/17/UN-expert-says-Russia-China-sending-aid-to-Myanmar-s-military>. (accessed: 11.06.2023).
5. The Ghost Town of Thantlang in Myanmar's Chin State. *The Diplomat*. 18.04.2023. Available at: <https://thediplomat.com/2023/04/the-ghost-town-of-thantlang-in-myanmar-chin-state> (accessed: 10.07.2023).
6. မြန်မာ-အိန္ဒိယနယ်စပ်အကြား နယ်စပ်ဖြတ်ကျော် လှုပ်စစ်ဓာတ်အားလှိုင်း သွယ်တန်းမှုအတွက် ပုလောင်းခေါင်ရွက်ရေးတိုးချဲ့ရန် ဆွေးနွေး. *NP News*. 08.07.2023. Available at: <https://npnewsmm.com/news/64a93e20b61974178f1c0af3> (accessed: 25.06.2023).
7. Myanmar Activists Urge Macron to Discuss with Modi India's Sale of Weapons to Junta. *The Wire*. 10.07.2023. Available at: <https://thewire.in/south-asia/india-myanmar-weapons-modi-macron> (accessed: 20.06.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- События в Мьянме в контексте взаимоотношений крупных держав в регионе. Круглый стол Центра комплексного китаеведения и региональных проектов и Центра АСЕАН МГИМО (Материал к публикации подготовлен А.Д. Воскресенским). *Сравнительная политика*. 2021, № 4. С. 143-156. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobytiya-v-myanmar-v-kontekste-vzaimootnosheniy-krupnyh-derzhav-v-regione-kruglyy-stol-tsentra-kompleksnogo-kitaavedeniya-i/viewer>
- Лебедева Н.Б. Треугольник «Индия-Мьянма-Китай» (проблемы и компромиссы взаимодействия). *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2010, № 15. С. 46-78. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/treugolnik-indiya-myanmar-kitay-problemy-i-kompromissy-vzaimodeystviya>
- Симония А.А. Мьянма год спустя после военного переворота, *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2022, № 5. С. 136-150. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/myanma-god-spustya-posle-voennogo-perevorota/viewer>

REFERENCES

- Basit, S.H. India-Myanmar Relations and the Management of Transnational Militant Threats. *Journal of Strategic Security*. 2011. No. 2. P. 73-92. Available at: <https://digitalcommons.usf.edu/jss/vol11/iss2/5/>

Bose, S., Kumar, A. Myanmar in India's Neighbourhood Policy: The Way Forward. *Journal of Emerging Technologies and Innovative Research*. 2019. No. 6. P. 408-413. Available at: <https://www.jstor.org/stable/45340900>

Dai Yonghong. Rivalry and Cooperation: A New "Great Game" in Myanmar. Institute for Security and Development Policy. Singapore: Stallion Press. 2014. Available at: <https://isdpeu/content/uploads/publications/2014-yonghong-rivalry-and-cooperation-a-new-great-game-in-myanmar.pdf>

Situation in Myanmar in the context of relations between major powers in the region. *Comparative policy*. 2021. Vol. 12, No. 4. P. 143-156.

Lebedeva, N.B. The triangle «India-Myanmar-China» (problems and compromises of interaction. *Southeast Asia: Actual problems of development-* 2010. No. 15. P. 46-78.

Sarma, J., Kapur, R. The Myanmar Coup, Resistance and India's Response: Fractured Between Words and Deeds. Singapore: Institute of South Asian Studies. 2021. Available at: <https://www.isas.nus.edu.sg/papers/the-myanmar-coup-resistance-and-indias-response-fractured-between-words-and-deeds/>

Simonia A.A. Myanmar: a year after military coup // *Southeast Asia: Actual problems of development*. 2022. Vol. 2, No. 5. P. 136-150.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗАЙЦЕВ Иван Алексеевич, младший научный сотрудник центра Индоокеанского региона Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук.
Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

Ivan A. ZAITSEV, Junior Research Fellow, Center of the Indian Ocean region studies, E.M. Primakov Institute of World Economy And International Relations, Russian Academy of Science (IMEMO RAN).
23 Pfofsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 21.07.2023 / Received 21.07.2023.

Поступила после рецензирования 04.08.2023 / Revised 04.08.2023.

Статья принята к публикации 05.08.2023 / Accepted 05.08.2023.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S268667302311007X

EDN: POXJAM

Пакистанский ВПК между «поворотом на Восток» и «сохранением традиционных стратегических связей»

Г.Г. Макаревич

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН.)

Российская Федерация, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23.

РИНЦ ID: 1151170

ORCID:0000-0001-8037-0973 e-mail: gmakarevich@imemo.ru

Резюме. Пакистан занял прочное место во втором эшелоне стран – производителей вооружений и военной техники за счёт успехов в целом ряде отраслей. При этом военно-промышленный комплекс страны продолжает своё развитие с опорой на образцы китайско-советской и западной среды применения. Это обуславливается не только военно-техническими возможностями страны, но и традиционными внешнеполитическими приоритетами военных элит Пакистана. Предполагается, что эта связь сохранит свою актуальность и будет находить отражение в будущих сюжетах пакистанской внешней и военно-промышленной политики.

Ключевые слова. Пакистан, КНР, США, ВПК, военные элиты, Индия

Для цитирования: Макаревич Г.Г. Пакистанский ВПК между «поворотом на Восток» и «сохранением традиционных стратегических связей». *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (11): 73–81. DOI: 10.31857/S268667302311007X
EDN: POXJAM

Pakistan's Defense Industry amid «Pivot to The East» and «Saving Traditional Strategic Ties»

Gleb G. Makarevich

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).*

23, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russian Federation

РИНЦ ID: 1151170

ORCID:0000-0001-8037-0973 e-mail: gmakarevich@imemo.ru

Abstract. With Pakistan having succeeded in developing relevant industries, it has taken a firm place in the second tier of weapons and military equipment producers. However, the Pakistan's defense industry is still based on Chinese-Soviet and Western engineering thought. Such an equilibrium stems from both the country's capabilities in the sphere and traditional foreign policy imperatives of Pakistan's military elites. This logic is expected to remain relevant and will manifest itself in future Pakistani foreign and military-industrial policies.

Keywords. Pakistan, China, United States, Defense Industry, Military Elites, India.

For citation: Makarevich G.G. Pakistan's Defense Industry amid «Pivot to the East» and «Saving Traditional Strategic Ties». *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2023; 53 (11): 73-81. DOI: 10.31857/S268667302311007X EDN: POXJAM

ВВЕДЕНИЕ

Начало специальной военной операции ВС РФ на Украине ускорило процессы перестройки мирового рынка вооружений, начавшиеся задолго до текущих событий. Однако вооруженный конфликт обострил вопросы, и до того стоявшие перед многими странами: как добиться технологического суверенитета? Как обезопасить свой военно-промышленный комплекс (ВПК) от изменений рыночной конъюнктуры? Каким образом выстраивать кооперацию в военной промышленности с партнёрами и союзниками?

В статье рассматривается эволюция ВПК Пакистана, значение внешнеполитических приоритетов страны для траекторий развития оборонной промышленности, роль военных элит Пакистана в формировании внешнеполитической стратегии и в развитии ВПК. По мнению автора, Исламабад продолжит ориентироваться на выпуск изделий как китайско-советской, так и западной среды применения вооружений, что обуславливается традиционной ориентацией генералитета на поддержание стратегических отношений одновременно с США и КНР.

В качестве методологической основы автором избран комплексный подход, сочетающий теорию элит и историческую социологию международных отношений. Обращение к теории элит видится необходимым для выделения конкретных социальных групп, влияющих на выбор приоритетов политики обороны и безопасности. Историческая социология международных отношений является методологическим базисом исследования, позволяющим оценить объективное влияние прошлого на характер действий рассматриваемых социальных групп, а также рассмотреть их попытки конструирования внешнеполитических угроз во внутриполитических целях.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Пакистан можно условно отнести ко второму эшелону стран – производителей вооружений и военной техники (ВиВТ). Если под первым эшелоном понимаются глобальные лидеры оружейного рынка с развитой национальной промышленностью и оружейными технологиями (США, Россия, Франция, отчасти – КНР), то под вторым – промышленно развитые страны, не обладающие достаточно продвинутой оборонной промышленностью и не способные обеспечить весь спектр производства ВиВТ или вести одновременно большое количество кооперационных проектов [Вернигора, Крамник, 2023].

Относительные успехи страны в авиационной промышленности, производстве ракетного оружия и бронетанковой технике, попытки реанимировать военное кораблестроение позволяют отнести Пакистан к нижней границе второго эшелона. При этом страна не является крупным экспортёром ВиВТ и продолжает импортировать продукцию ВПК своих партнёров. Но даже такое положение страны позволяет говорить о серьёзных успехах развития – особенно, если обратить внимание на стартовые позиции Пакистана.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Проблемы развития ВПК Пакистана во многом объясняются колониальным прошлым страны. До середины XIX века британцы не задумывались о строительстве крупных оружейных заводов на территории Индостана: привезённых из

Великобритании вооружений им казалось достаточно, а в самой колонии проходил лишь ремонт орудий. Необходимость оборонных предприятий была осознана британской администрацией после Сипайского восстания 1857–1858 гг. – оснащённые артиллерией подразделения колониальной армии наголову разбивали численно превосходящие отряды восставших. При этом преимущество заключалось не только в наличии орудий, но и в возможности снабжать войска боеприпасами. Предположение о возможности ведения более масштабных военных действий поставило вопрос о снижении зависимости от доставки вооружений из метрополии и возможности создания ВПК на территории колонии.

Однако финальное решение было принято исходя из иных соображений: британское военное командование было обеспокоено эффективностью восставших артиллерийских частей, а потому было решено по минимуму снабжать подразделения Индийской колониальной армии (*Indian army*) тяжёлыми орудиями и прочими новейшими образцами огнестрельного оружия. Опасения по поводу нового восстания (*mutiny complex*), концентрация на проведении операций против пуштунских племён (что, по мнению британцев, не требовало наличия новейших видов вооружений) и разногласия по поводу траекторий развития производств ВПК привели к тому, что к моменту образования независимых Индии и Пакистана в 1947 г. оружейные заводы на субконтиненте не отличались высокой производительностью труда, качественным техническим оснащением и свободой инженерной мысли [Roy, 2003].

Пакистану не было суждено довольствоваться даже этим: после получения независимости чуть более полутора (точное число в источниках и литературе варьируется от 16 до 19) оружейных заводов остались на территории Индии. То же касалось и важнейших логистических объектов: так, крупнейший арсенал колониальной армии в Фирозпуре, предназначенный для снабжений частей на современной территории Пакистана, оказался под контролем Нью-Дели. Все остальные крупные склады достались индийской стороне. Неравномерность распределения ресурсов между странами должна была быть компенсирована за счёт передачи части военной техники и снаряжения Пакистану, но резкое обострение отношений вследствие трансграничных конфликтов в Панджабе и Бенгалии, а также ситуация в Кашмире не способствовало исполнению договорённостей [Ayub, 2005: 8-11].

ВЫСТРАИВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ С США

Руководство будущей Исламской Республики Пакистан оказалось в сложной экономической и политической ситуации. Аграрно-сырьевая специализация в колониальном хозяйстве обусловила как низкие показатели индустриализации в целом (менее 5% ВВП) [Каменев, 2014: 67-72], так и практически полное отсутствие предприятий ВПК. При этом новое государство оказалось под угрозой «стратегического окружения» со стороны Индии и Афганистана, который отказывался признавать линию Дюранда (проведённая в 1893 г. граница сфер влияния эмира Афганистана и британской администрации разделила проживающее на этой территории пуштунское население на две части. Большинство этнических пуштунов оказались на территории современного Пакистана) в качестве границы.

Эти обстоятельства определили ярко выраженную прозападную ориентацию Пакистана в первые десятилетия независимости. Слаборазвитая экономика нуждалась во внешних источниках для развития, а обеспечение безопасности виделось возможным за счёт интеграции в западную среду применения ВиВТ, где главную

роль в те годы играли США и Великобритания. Поэтому неудивительно, что первый оборонный завод Пакистана в г. Вах (*Wah Ordnance Factory*) для производства винтовки *Lee-Enfield*, основанный в 1951 г., был построен при помощи конгломерата британских государственных оружейных предприятий *Royal Ordnance Factories* [Топычканов, 2016: 85].

Военно-гражданскому руководству Пакистана удалось убедить американские элиты в том, что геостратегическое положение страны полностью отвечает интересам Вашингтона в «сдерживании коммунизма». Вступление Пакистана в блоки СЕНТО и СЕАТО давало возможность продемонстрировать стратегический характер отношений с США, обеспечить стабильный приток ВВТ, а также получить доступ к высокотехнологичной продукции военного назначения, которая должна была нивелировать количественные преимущества индийских вооружённых сил в живой силе и технике [Chawla, 2015: 42-45].

Ситуация начала меняться после индо-китайской войны 1962 г.: если ранее Вашингтон не видел ясных перспектив взаимодействия с Нью-Дели, который придерживался стратегии неприсоединения к военным блокам, то возможность использовать антикитайские настроения для превращения Индии в главного союзника США на субконтиненте способствовала снижению поддержки Пакистана [Raghavan, 2019: 175-178]. Эта тенденция нашла своё отражение в индо-пакистанской войне 1965 г.: американцы отказались поддерживать своих союзников в противостоянии с Индией и предостерегли их против развития уже начавшегося к тому времени китайско-пакистанского сближения [Rahman, 2022: 82-83].

Реакция была предсказуемой: уже в 1967 г. выходит книга президента Пакистана Мухаммеда Айюб Хана, в которой он выражает своё недовольство по поводу отсутствия значимой поддержки со стороны США и союзников по азиатским проамериканским блокам, а также заявляет о праве Пакистана на выстраивание взаимовыгодных отношений со всеми странами, в том числе, с КНР и СССР [Ayub Khan, 1967: 111-130].

«ПОВОРОТ НА ВОСТОК»

В условиях ненадёжности традиционного партнёра в лице США руководство Пакистана было вынуждено отойти от блоковой внешней политики и обратить внимание на иных потенциальных союзников. Решающим фактором стало сокрушительное поражение в индо-пакистанской войне 1971 г.: население Восточного Пакистана добилось независимости и создания Народной Республики Бангладеш, правительство в Исламабаде потеряло половину контролируемой территории и больше половины населения. Индия в этой войне получила решительную поддержку со стороны Советского Союза, в то время как к Пакистану союзники на помощь не пришли.

Полномочия главы государства и администратора военного положения получил Зульфикар Али Бхутто, занимавший в правительстве М. Айюб Хана пост министра иностранных дел. После принятия новой Конституции 1973 г. он восстановит парламентскую форму правления и займет пост премьер-министра. Во внешней политике З.А. Бхутто взял на вооружение так называемую стратегию «билатерализма» – было принято решение развивать отношения не только со странами «первого», но и «второго» мира. Политик считал, что малые государства не могут ориентироваться лишь на союз с одной из глобальных держав, поскольку такие отношения приобретают неокOLONIALНЫЙ характер. Пакистан, по мнению Бхутто,

должен быть готов отстаивать свои интересы перед любой из глобальных держав (такими считались США, СССР и КНР), а для этого стране необходимо поддерживать хорошие отношения с каждой из них [Bhutto, 1969: 14-18].

Пекин стал первой столицей, куда З.А. Бхутто прибыл с официальным визитом в феврале 1972 г. – особое внимание развитию отношений с КНР поддерживалось на протяжении всего периода пребывания Бхутто у власти. КНР помогал Пакистану в строительстве комплекса тяжёлого машиностроения в Таксиле и авиапромышленного комплекса в Камре – ключевых предприятий пакистанского ВПК, первоначально предназначенных для ремонта и выпуска запчастей для китайской техники [Кашин, 2019: 14]. Значительную часть вооружений поставляли сами китайцы – Пакистан получил из КНР 500 танков Т-59, 300 самолётов F-6, 25 военных кораблей [Белокреницкий, Москаленко, 2008: 272].

С тех пор пакистанский ВПК стоит «на двух китах» – локализации китайских образцов ВиВТ самого широкого спектра и поддержке доступа к высокотехнологичной продукции западных стран (в первую очередь – США).

За последние десятилетия постепенно интенсифицировалось сотрудничество с Францией, Украиной и Турцией, но основные векторы видятся непоколебимыми. Военные элиты Пакистана продолжают придерживаться принципа сохранения связей одновременно с США и КНР и проецируют это видение на военно-промышленное развитие.

ОСНОВНАЯ НОМЕНКЛАТУРА ВПК ПАКИСТАНА

Ведомством, отвечающим за координацию ВПК является Министерство оборонной промышленности, которому подчиняются ключевые госпредприятия:

- о военная корпорация со штаб-квартирой в Вах-Кантте, штат Пенджаб (*Pakistan Ordnance Factories, POF*) производит оружие и боеприпасы для всех родов войск и правоохранительных органов. В состав входят 14 заводов и 12 дочерних компаний. Основными видами продукции являются винтовки, пулемёты, ракетные установки, миномёты и боеприпасы к ним, а также танковые и артиллерийские боеприпасы.

- о государственная оборонная компания (*Heavy Industries Taxila, HIT*) производит и ремонтирует танки и бронетранспортёры. В том числе бронетехнику условно китайского и американского происхождения (танки *Al Zarrar, Al Khalid* и БТР *Saab* и *Tahla* соответственно). В состав входят 7 заводов и 1 дочерняя компания.

- о производитель аэрокосмической продукции со штаб-квартирой в Камре (*Pakistan Aeronautical Complex, PAC*) был основан в 1972 г. Производит, перестраивает и ремонтирует истребители и учебно-тренировочные самолёты для ВВС и армейской авиации.

- о судостроительная компания, расположенная на Западной пристани в Карачи, Синд (*Karachi Shipyard & Engineering Works Ltd.*). Верфь основана в 1956 г., занимается судостроением и ремонтом. В состав входит 6 предприятий [1].

Стоит отметить способность *POF* как обеспечивать вооружённые силы страны всем спектром боеприпасов для стрелкового и артиллерийского вооружения, так и поставлять продукцию на экспорт. По сообщениям индийских СМИ, Пакистан участвует в поставках вооружений на Украину [2]. И хотя официально Исламабад заявляет о невмешательстве в конфликт и отсутствии поставок со стороны Пакистана [3], в сети существует множество подтверждений наличия снарядов на поле боя.

Такие действия Исламабада объясняются тяжёлым макроэкономическим положением Пакистана. Военные элиты страны рассчитывают на помощь Запада в преодолении проблем инфляции, роста расходов бюджета и госдолга. Можно предположить, что «теневая» передача боеприпасов являлась одним из условий поддержки со стороны США в процессе одобрения очередного транша финансовой помощи от Международного валютного фонда (МВФ) для Пакистана [4].

Справедливости ради отметим, что Исламабад осознаёт риски своего вовлечения в конфликт и некоторые сообщения (например, о передаче ранее купленных Пакистаном у Украины Т-80УД) [5] не находят подтверждения.

Но собственные успехи Пакистана в локализации китайской бронетехники ощутимы – особенно различных модификаций танка *Al Khalid* (совместная китайско-пакистанская разработка на базе *MBT-2000*), за которым признаётся экспортный потенциал. Временная производственная проблема в связи с недоступностью импортируемого из Украины двигателя 6ТД-2, скорее всего, решится за счёт перехода на китайские аналоги [6]. При этом пакистанцы продолжают работать над локализациями американского БТР *M113 – Saab* и *Tahla*. Намерения отказываться от них у пакистанских военных элит нет.

Ещё больше достижений в авиационной промышленности – китайско-пакистанский истребитель семейства *JF-17* постепенно становится основным истребителем ВВС Пакистана и считается самым перспективным экспортным товаром ВПК страны, в частности, он уже поставлен в Мьянму и Нигерию [7]. Ещё одним «экспортным хитом» Пакистана являются учебно-тренировочные самолёты «Мушак» (*Mushak*) и «Супер Мушак» (*Super Mushak*), которые поставляются в Азербайджан, Турцию, Саудовскую Аравию, Катар, на базе шведских самолётов *MFI-17*.

Косвенное отношение к производству истребителя *JF-17* имеет и Российская Федерация: Москва поставляет различные модификации двигателя РД-93 Пекину для их дальнейшего реэкспорта в Пакистан. Формально не имеющая отношения к связям РФ и ИРП сделка остаётся самым значимым сюжетом российско-пакистанского ВТС.

Однако остаются на вооружении и американские *F-16*, а также французские «Мираж» (*Mirage*) – их ремонтом занимается отдельный завод в составе РАС. Одним из индикаторов улучшения отношений между США и пришедшим к власти после отстранения Имрана Хана правительством Шахбаза Шарифа считалось заключение контракта на предоставление пакета услуг и оборудования для поддержки боеспособности *F-16* [8]. Можно предположить, что военные элиты Пакистана будут и впредь поддерживать парк американских истребителей в боеспособном состоянии, в том числе, для сохранения военно-политических и военно-технических контактов с США.

Из общего ряда несколько выбивается судостроение, хотя верфь в Карачи в течение последних десятилетий была занята строительством нескольких проектов – фрегата типа *F-22P (Zulfiqar)*, 4 дизель-электрических подводных лодок (ДЭПЛ) типа *S20* (в кооперации с КНР) и 2 корветов проекта *MILGEM* (в кооперации с Турцией).

Военное кораблестроение пока что остаётся самой недофинансированной отраслью ВПК – для развития этого направления требуются наибольшие компетенции среди трудовых ресурсов, а также избыток финансовых средств. Пока что предпосылок для появления такого количества и качества ресурсов у Пакистана нет [Макаревич, 2021].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, по каждому из типов вооружения наблюдается одновременное присутствие изделий из китайско-советской и западной среды применения ВиВТ. Исходя из этого, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, именно способность производить боеприпасы для разных сред применения позволила Западу привлечь Пакистан к поставке вооружений на Украину. Отметим, что это не подразумевает поддержку Киева Исламабадом, а лишь демонстрирует желание военных элит Пакистана сохранить сложившиеся со времен холодной войны «особые отношения» с Западом, в первую очередь США.

Во-вторых, значительное количество техники западного образца или на основе западных моделей у вооруженных сил Пакистана даёт основание предполагать, что полного перехода в китайско-советскую среду применения ожидать в краткосрочной и среднесрочной перспективе не стоит – у Пакистана нет ресурсов для полного перевооружения. Следовательно, угроза обострения конфликта с соседями будет способствовать проведению дальнейших ремонтных работ и закупке комплектующих для ВиВТ западного происхождения.

Наконец, «подключение» России к развитию пакистанского ВПК пока что представляется маловероятным. Это можно объяснить двумя обстоятельствами: опасениями российских производителей по поводу недовольства Нью-Дели, а также неспособностью Пакистана поддерживать взаимовыгодное партнёрство из-за недостатка собственных финансовых ресурсов.

ИСТОЧНИКИ

1. Махлаюк А. ВПК Пакистана: тенденции, ключевые игроки и перспективы развития. *India Analytics*. 12.03.2022. Available at: <https://indiaanalytics.ru/vpk-pakistan-tendantsii/> (accessed:13.07.2023).
2. Chaudhury D.R. Pakistan to Supply Arms to Ukraine via German Ports Now. *The Economic Times*. 11.02.2023. Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/pakistan-to-supply-arms-to-ukraine-via-german-port-now/articleshow/97808726.cms?from=mdr> (accessed:13.07.2023).
3. Yousaf K. Pakistan Rubbishes Claims of Arms Supplies to Ukraine. *The Express Tribune*. 16.02.2023. Available at: <https://tribune.com.pk/story/2401542/pakistan-rubbishes-claims-of-arms-supply-to-ukraine> (accessed:13.07.2023).
4. Iqbal Y. US Supports Pakistan-IMF Engagement as June 30 Draws Near. *The Dawn*. 15.06.2023. Available at: <https://www.dawn.com/news/1759836> (accessed:13.07.2023).
5. Chaudhury D.R. Pakistan to Transfer Tanks to Ukraine in Return for Western Aid. *The Economic Times*. 21.03.2023. Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/pakistan-to-transfer-tanks-to-ukraine-in-return-for-aid-from-west/articleshow/98830396.cms?from=mdr> (accessed:13.07.2023).
6. Ansari U. How Is Pakistan's Military Equipment Affected by the Russian Invasion? *Defense News*. 15.02.2022. Available at: <https://www.defensenews.com/global/asia-pacific/2022/03/15/how-is-pakistans-military-equipment-affected-by-the-russian-invasion/> (accessed:13.07.2023).
7. Jamal S. Nigeria Buys 3 JF-17 Thunder Fighter Jets from Pakistan. *The Gulf News*. 22.05.2021. Available at: <https://gulfnews.com/world/asia/pakistan/nigeria-buys-3-jf-17-thunder-fighter-jets-from-pakistan-1.79386336> (accessed:13.07.2023).

8. Iqbal Y. \$450m Package to Maintain Pakistan's F-16s. *The Dawn*. September 9, 2022. <https://www.dawn.com/news/1709178> (accessed:13.07.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+. С. 640.

Вернигора А.А., Крамник И.А. Уроки из второго эшелона. *Россия в глобальной политике*. 2023, № 3. С. 160–173. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-160-173.

Каменев С.Н. Экономическое развитие Пакистана (1947-2012): макроэкономический анализ. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры. 2014. С. 384.

Кашин В.Б. Китайско-пакистанские отношения. Пакистан: за рамками стереотипов. Под ред. Борисова Т. И., Макиенко К. В. М.: Центр анализа стратегий и технологий. С. 208.

Макаревич Г. Г. Военно-морская стратегия Пакистана: эволюция и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 7. С. 29-37. DOI: 10.31857/S032150750014631-6. EDN: ZUTRPB

Топычканов П.В. Военно-промышленный комплекс Пакистана: в борьбе за сохранение баланса сил. Новые военно-промышленные державы. Под ред. Пухова Р.Н. М.: Центр анализа стратегий и технологий. 2016. С. 167.

REFERENCES

Ayub Khan, M. *Friends Not Masters: Political Autobiography*. Oxford: Oxford University Press. 1967, P. 254.

Ayub, M. *An Army, Its Role and Rule: A History of the Pakistan Army from Independence to Kargil, 1947-1999*. Pittsburgh: RoseDog Publishing. 2005, P. 480.

Belokrenitskii, V.Ya, Moskalenko, V.N. *Istoriia Pakistana. XX vek [History of Pakistan] (In Russ.)*, 20th Century. Moscow: IV RAN, Kraft+. 2008, 640 p.

Bhutto, Z.A. *The Myth of Independence*. Oxford: Oxford University Press. 1969, P. 188.

Chawla, S. *Pakistan's Military Build-up. Insights into Evolution of Contemporary Pakistan*. Ed. by Chandra, S., Tiwari, S. New Delhi: Indian Council of World Affairs, Pentagon Press. 2015, P. 208.

Kamenev, S.N. *Ekonomicheskoe razvitie Pakistana (1947-2012): makroekonomicheskii analiz [Economic Development of Pakistan (1947-2012): Macroeconomic Analysis] (In Russ.)*. Moscow: IOS RAS, Centre of Strategic Conjunction. 2014, P. 384.

Kashin, V.B. *Kitaisko-pakistanskiiye otnosheniia. Pakistan: za ramkami stereotipov [China-Pakistan Relations. Pakistan: Besides Stereotypes] (In Russ.)*. Ed. by Borisov T.I., Makienko K.V. Moscow: Centre for Analysis of Strategies and Technologies. 2016, P. 208.

Makarevich, G.G. *Voenno-morskaia strategiiia Pakistana: evoliutsiia i perspektivy [Maritime Strategy of Pakistan: Development and Future Prospects] (In Russ.)*. *Asia and Africa today*. No. 3, pp. 29-37. DOI: 10.31857/S032150750014631-6, EDN: ZUTRPB

Raghavan, S. *The Most Dangerous Place*. New Delhi, Penguin Random House India. 2019, p. 472.

Rahman, T. *Pakistan's Wars: An Alternative History*. London, New York: Routledge. 2022, p. 364.

Roy, K. *Equipping Leviathan: Ordnance Factories of British India, 1859–1913. War in History*. No. 10(4), pp. 398–423.

Topychkanov, P.V. *Voenno-promyshlenni kompleks Pakistana: v bor'be za sokhranenie balanssa sil. Novye voenno-promyshlennye derzhavy [Defense Industry of Pakistan: Struggling for Balance of Power. Emerging Defense Industrial Powers] (In Russ.)*. Ed.

by Pukhov R.N. Moscow: Centre for Analysis of Strategies and Technologies. 2016, P. 367.

Vernigora, A.A., Kramnik, I.A. Uroki iz vtorogo eshelona [Lessons from the Second Tier] (In Russ.). *Russia in Global Affairs*. No. 3, pp. 160-173. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-160-173

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАКАРЕВИЧ Глеб Григорьевич, младший научный сотрудник Центра Индоокеанского региона Национального Исследовательского Института Мировой Экономики и Международных Отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук.

Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23,

Gleb G. MAKAREVICH, Junior Research Fellow, Center of the Indo-Pacific Region, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS)

23 Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 16.07.2023 / Received 16.07.2023.

Поступила после рецензирования 03.08.2023 / Revised 03.08.2023.

Статья принята к публикации 04.08.2023 / Accepted 04.08.2023.

УДК: 339.564
JEL: F19, O53
DOI: 10.31857/S2686673023110081
EDN: PPJRDU

Проблемы и перспективы экспорта вооружений Республики Корея

А.Г. Зуева

*Институт Китая и современной Азии РАН.
Российская Федерация, 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32.
WoS Researcher ID: GYU-5118-2022 РИНЦ ID: 1057822
ORCID: 0000-0002-9394-0733 e-mail: zueva@iccaras.ru*

Резюме. Республика Корея стремится стать одним из ведущих игроков на мировом рынке вооружения к 2027 г. Военный конфликт на Украине позволил Южной Корее наращивать поставки продукции ВПК не только в страны НАТО, но и воспользоваться снижением российского экспорта вооружений в страны Восточной Азии, также Южная Корея активно заключает контракты на продажу военной техники в страны Ближнего Востока. Однако несмотря на блестящие планы в среднесрочной перспективе, РК может столкнуться с рядом проблем способных ограничить стремительный рост экспорта южнокорейского ВПК.

Ключевые слова: экспорт вооружений, Республика Корея, США, Россия, страны НАТО, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Зуева А.Г. Проблемы и перспективы экспорта вооружений Республики Корея. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53(11): 82-91. DOI: 10.31857/S2686673023110081 EDN: PPJRDU

Export of the South Korea's Defense: Problems and Prospects

Alexandra G. Zueva

*Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.
32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation.
WoS Researcher ID: GYU-5118-2022 РИНЦ ID: 1057822
ORCID: 0000-0002-9394-0733 e-mail: zueva@iccaras.ru*

Abstract. The Republic of Korea aims to become one of the key players in the global arms market by 2027. The military conflict in Ukraine allowed South Korea not only to increase the supply of military products to NATO countries, but also win additional market share in the East Asian, taking advantage of the decline in Russian military exports. At the same time, South Korea is actively signing contracts for the supply of military equipment with the countries of the Middle East. The growth in exports of South Korean military-industrial products is due to the fact that currently the ROK's weapons have a number of competitive advantages for buyers in Europe and the Asia-Pacific region. First of all, South Korean weapons are compatible with American systems. However, the cost of equipment from the Republic of Korea is sometimes several times lower than military-industrial complex products from the United States or Eurozone countries.

However, despite the bright plans in the medium term, the Republic of Korea may face several challenges including inevitable competition with defense industry leaders such as the USA, Russia, Germany, France and the potential worsening of relations with China due to the active increase in arms supplies to India and Vietnam, that could limit the rapid growth of exports of the South Korean military-industrial complex.

Keyword: defense export, Republic of Korea, USA, Russia, NATO countries, Asia-Pacific Region

For citation: Zueva, A.G. Export of the South Korea's Defense: Problems And Prospects.

USA & Canada: economics, politics, culture. 2023; 53(11):82-91.

DOI: 10.31857/S2686673023110081 EDN: PPJRDU

ВВЕДЕНИЕ

Снижение объёмов экспорта РК сохраняется 9 месяцев на фоне глобального экономического спада, уменьшения спроса на полупроводники, а также противостояния между ведущими торговыми партнёрами Южной Кореи – США и КНР. Необходимость в увеличении объёмов экспорта была поддержана на государственном уровне в принятой общеминистерской стратегии Южной Кореи по расширению экспорта в 2023 г. Среди 12 драйверов для экспортного роста есть как традиционные для южнокорейской торговли пункты, например полупроводники, электромобили, судостроение с высокой добавочной стоимостью, так и достаточно новые, а именно творческий контент, умное сельское хозяйство, образовательные технологии [1]. Однако, по нашему мнению, среди вышеперечисленных пунктов одним из перспективных направлений с большим потенциалом к росту является экспорт продукции южнокорейского ВПК. В первую очередь, доступ к достаточно монополизированному мировому рынку вооружений РК получила благодаря совокупности нескольких факторов. Специальная военная операция, проводимая Россией на территории Украины, открыла возможность для многих стран не только выразить свою приверженность политике, проводимой США и их союзниками, но и проверить боеспособность своего вооружения в настоящем театре военных действий. Кроме этого, интенсивность конфликта и необходимость в постоянном восполнении потерь техники ВСУ позволили странам Евросоюза избавиться от устаревших по стандартам НАТО советских вооружений, отправляя их на Украину. В сложившейся ситуации высокотехнологичная продукция ВПК Южной Кореи, подходящая под стандарты НАТО, стала представлять большой интерес для покупателей в Европе.

Следующим факторами роста для экспорта вооружений РК стало растущее напряжение в Восточной Азии. Также у Южной Кореи появилась возможность конкурировать с российским экспортом. Южнокорейские исследователи и аналитики СИПРИ (SIPRI) сходятся во мнении, что Москва будет отдавать приоритет поставкам оружия для нужд своей армии на украинском фронте, а не пытаться сохранить довоенные объёмы экспорта. Помимо этого, снижается спрос на российские вооружения вследствие санкционных ограничений и растущего давления со стороны США, что вынуждает страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) искать более безопасных поставщиков, чем оборонные предприятия России [2].

ПОЛОЖЕНИЕ ЭКСПОРТА ВПК КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Согласно отчёту Института зарубежных экономических исследований Экспортно-импортного банка Кореи от 2022 г., экспорт вооружений Южной Кореи за пять лет с 2017 по 2021 г. увеличился на 176,8% по сравнению с предыдущим пятилетним периодом, с 2012 по 2016 г. Это самый высокий уровень среди 10 крупнейших мировых экспортёров вооружений, включая США, Россию, Францию и Китай. Доля Южной Кореи в мировом экспорте вооружений увеличилась с 1,0% в 2012–2016 гг. до 2,8% в 2017–2021 гг.

Основным экспортным оружием РК за последние пять лет были корабли (68%), артиллерия (19%) и самолёты (12%). В частности, экспорт военных судов увеличился на 1660% [3] по сравнению с 2012–2016 гг., опережая рост экспорта других видов вооружений.

Ведущими покупателями ВПК Южной Кореи с 2012 по 2016 гг. были Турция (28%), Индонезия (27%) и Ирак (23%). В период 2017–2021 гг. в структуре покупателей южнокорейских вооружений произошли частичные изменения, на первое место вышли Филиппины (16%), Индонезия (14%) сохранила за собой второе место, поделив его с Великобританией (14%).

Экспорт и продажи южнокорейских оборонных компаний также продолжали расти. В 2020 г. продажи оборонных компаний РК выросли на 6,2% в годовом исчислении до 15 трлн вон, а операционная прибыль увеличилась на 16,4%, до 567,5 млрд вон. В 2021 г. оборонный экспорт Южной Кореи достиг 7 млрд долл., а в 2022 г. благодаря контрактам с Польшей, сумма экспорта достигла 17 млрд долл. [3].

Таким образом, экспорт оборонных товаров зафиксировал значительный рост в последние 5 лет, а наиболее успешным для ВПК Южной Кореи стал 2022 год. В этот период быстро растёт не только интерес со стороны импортёров к вооружениям РК, но и поддержка на государственном уровне. Несмотря на то что объём оборонного экспорта был значительно меньше по сравнению с продажами полупроводников, автомобилей, кораблей и бытовой техники, составив 2,5% общего объёма экспорта в 2022 г., в последнее время, он стал получать такую же поддержку, как и традиционные флагманские отрасли [4].

Президент Южной Кореи Юн Сок Ёль в ноябре 2022 г. сделал заявление о том, что «Оборонная промышленность — это будущий двигатель роста страны и движущая сила высокотехнологичных отраслей. Правительство будет активно поддерживать оборонную промышленность, чтобы она смогла внести вклад в национальную безопасность и стать ведущей отраслью в стране» [5].

Что касается самой системы поддержки ОПК, то южнокорейское правительство впервые обратилось к политике развития оборонной промышленности в 1970-х годах и продолжало последовательно поддерживать развитие это направление вне зависимости от смены руководства страны. В 2006 г. была запущена Администрация программ оборонных закупок (DAPA), новая структура была создана для развития, поддержки и повышения международной конкурентоспособности оборонных компаний РК. Позднее для более эффективной работы программы были созданы дополнительные государственные ведомства, такие как Центр международного сотрудничества DAPA, Центр содействия экспорту оборонной промышленности и др. В 2021 г. был принят закон «О развитии оборонной промышленности», благодаря которому была создана правовая основа для роста компаний ВПК, в

частности юридически была закреплена политика по созданию сети экспорта оборонной продукции за счёт сотрудничества с предприятиями ОПК.

Необходимо отметить, что правительство РК в последние годы стремится выработать наиболее выгодную стратегию для увеличения экспорта, продавая не только технику, но и локализовав производство в странах-импортёрах, передавая технологий, поддерживая возможность саморемонта техники [강은호, 2023].

С приходом к власти президента Юн Сок Ёля внешняя политика Южной Кореи, долго балансирующая между КНР и США, стала определённо склоняться в пользу Вашингтона. В том числе началось и очередное обострение на Корейском полуострове. Президент Юн Сок Ёль сделал ставку на наращивание поддержки военной отрасли РК политически и финансово, объясняя это не только необходимостью противостоять угрозе со стороны КНДР, но и желанием вывести экспорт ВПК на стратегический уровень.

В конце 2022 г. для достижения целей, поставленных президентом, правительство РК объявило о ряде мер призванных оказать поддержку оборонной отрасли. В первую очередь планируется в течение трёх лет (начиная с 2023 г.) вложить около 780 млн долл. в оборонную промышленность для того, чтобы увеличить темпы роста экспорта продукции ВПК [7]. Кроме этого, Министерство обороны Южной Кореи создаёт специальный фонд инноваций и оборонных технологий в размере 93,6 млн долл. Ведомство ежегодно до конца 2026 г. будет отбирать 20 средних и малых предприятий (за весь период 100 компаний), обладающих высоким потенциалом в новых областях военной промышленности (полупроводники, искусственный интеллект и пр.), которые смогут получить всестороннюю поддержку в форме консультаций, финансирования, а также исследований и разработок. Правительство дополнительно увеличит финансирование НИОКР до уровня более 10% оборонного бюджета. Все эти меры принимаются для того, чтобы обеспечить Сеулу четвёртое место на мировом рынке вооружений с долей в 5% к 2027 году [8].

Для эффективного курирования и продвижения стратегии по экспорту продукции ВПК РК в апреле 2023 г. администрация президента Юн Сок Ёля объявила, что создаст межведомственный консультативный орган (*K-Defense export control tower*). Новая структура займётся реализацией ключевых проектов экспорта ВПК, таких как продвижение соглашения о взаимных оборонных закупках между РК и США (*RDP-A*), получения и реализации контрактов с Польшей и Австралией. В состав консультативного органа войдут представители министерств обороны, иностранных дел, промышленности, торговли и ресурсов, Администрации программ оборонных закупок, армии, флота и военно-воздушных сил, а также оборонных компаний (*LIG Nex1, Korea Aerospace Industries (KAI), Hanwha Aerospace, Hyundai Rotem*) [9].

Таким образом, РК пользуясь финансовыми, научными и политическими инструментами, стремится создать конкурентное преимущество своей продукции на мировых рынках вооружения, приумножив успехи предыдущих лет. Имплементировав успешный опыт разработки и торговли высокотехнологичной продукцией, правительство старается учесть слабые стороны и усилить преимущества своей военной техники.

ОСНОВНЫЕ ЭКСПОРТНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ВПК РК В 2021–2023 гг.

Что касается более подробной картины по заключённым контрактам с 2021 г. по настоящее время, то в 2021 г. оборонный экспорт начал серьёзно расти

благодаря подписанным в феврале контрактам на экспорт самоходных гаубиц K9 в Австралию (730 млн долл.) [10] и контракту на экспорт *Cheongung-II* в ОАЭ (3,5 млрд долл.) [11], что позволило впервые в истории оборонного экспорта РК превысить отметку в 7 млрд долларов [12].

2022 г. стал важной вехой для корейской оборонной промышленности. Год начался с экспортного контракта самоходной гаубицы K9 в Египет на сумму 1,66 млрд долл. Представители фирмы «Ханхва дефенс» (*Hanwha Defense*) в своем заявлении отметили, что благодаря этой сделке K9 впервые будет присутствовать на Африканском континенте, а Египет стал 9-ой страной в мире обладающей южнокорейской самоходно-артиллерийской установкой. Также установки K9 приняли на вооружение в Турции (2001 г.), Польше (2014 г.), Индии, Финляндии, Норвегии (2017 г.), Эстонии (2018 г.) и Австралии (2021 г.) [13].

Ещё один контракт был также подписан с «Ханхва дефенс» на совместное производство самоходной гаубицы K9A1 EGY на египетских военных заводах [14].

Крупнейшим заказчиком южнокорейского оружия в 2022 г. стала Польша, заключившая с южнокорейскими производителями ВПК сделку на 12,4 млрд долл., в неё вошли поставки 980 танков T2, 648 самоходных гаубиц K9, 48 лёгких многоцелевых истребителей FA-50 и 288 самоходных колесных ракетных установок K239 *Chunmoo* [15]. Первые поставки танков и гаубицы были сделаны в Польшу уже в декабре 2022 г.

В рамках сделки были созданы консорциумы южнокорейских и польских компаний, которые будут производить оружие, обслуживать истребители и обеспечивать основу для поставок в другие европейские государства. Подобный формат работы будет включать производство южнокорейского оружия по лицензии в Польше, заявили официальные лица в Сеуле и Варшаве. Планируется, что начиная с 2026 г., на польских заводах будет построено 500 из 820 танков и 300 из 672 гаубиц. До заключения контракта с Польшей «Ханхва аэроспейс» (*Hanwha Aerospace*) уже владела 55% мирового рынка гаубиц — согласно данным исследования, проведенного «Эн-эйч ресеарч энд секьюрити» (*NH Research & Securities*), после сделки с Польшей эта цифра должна вырасти до 68% [16].

Ещё одним весомым достижением для южнокорейского экспорта стало подписание соглашения об оборонной промышленности с Малайзией в 2022 году.

Вслед за этим в феврале 2023 г. компанией «Корейская аэрокосмическая компания» (*Korean Aerospace Industries, KAI*) было подписано соглашение с Малайзией о покупке 18 истребителей FA-50 на сумму 910 млн долл. Сделка подразумевает не только продажу вооружений, но и промышленное сотрудничество. Малазийские коллеги смогут пройти обучение в РК во время производства первых единиц из всей партии заказанных истребителей. Кроме прочего, стоимость одного южнокорейского истребителя составила около 50 млн долл., что в 2 раза ниже стоимости сопоставимых образцов техники производства США или Евросоюза [17].

Крепнет сотрудничество в оборонной сфере в 2023 г. между Сеулом и Варшавой, в планах у двух государств сделать Польшу производственной площадкой для южнокорейского ВПК, в том числе с целью продажи техники по всему Евросоюзу.

Растёт интерес к южнокорейским вооружениями и во Вьетнаме, в краткосрочной перспективе речь идёт о передаче Ханюю списанных патрульных катеров РК. Также известно и об интересе вьетнамских военных к самоходной гаубице K9 «Тандер» (*K9 Thunder*).

Еще одним серьёзным достижением для южнокорейского ВПК стал контракт «Ханхва аэроспейс» (*Hanwha Aerospace*) подписанный с правительством Австралии 27 июля 2023 г. на сумму 4,7 млрд долл. Южнокорейская боевая машина пехоты

AS21 Redback одержала победу над германским *KF41 Lynx* компании «Рейнтметалл» (*Rheinmetall*) в конкурсе на замену БМП длившемся пять лет. Новые машины в количестве 129 штук будут производиться на заводах «Ханхва» в штате Виктория [18]. Австралия занимается совершенствованием своих боевых возможностей, ссылаясь на растущую гонку вооружений в Тихоокеанском регионе по вине Китая.

Вероятно, что до конца 2023 г. Южная Корея получит ещё несколько контрактов на поставку оружия в свой экспортный портфель.

ОСНОВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ЭКСПОРТА ВПК РК

Таким образом, суммируя достижения последних лет, активизацию политики РК по поддержке экспорта ВПК, гонку вооружения в Восточной Азии, перевооружение и растущие бюджеты на оборону в Европе, мы полагаем, что у Южной Кореи есть основания рассчитывать на увеличение объёмов экспорта продукции ВПК.

Вооружения РК имеют ряд конкурентных преимуществ для покупателей в Европе. Южнокорейское вооружение совместимо с американскими системами, например, *K9 «Тандер»* может нести и стрелять боеприпасами США. Однако стоимость техники РК меньше, чем продукция ВПК Соединённых Штатов или стран ЕС. Противотанковая ракета средней дальности *AT-1K «Рейболт»* (*AT-1K Raybolt*) имеет такую же дальность и мощность боеголовки, что и американская ракета «Джавелин» (*Javelin*), но оценивается в 3 раза дешевле. Гаубицы *K9* обладают расширенными возможностями, сравнимыми с немецкими *PzH 2000*, но с более низкой ценой за единицу [19].

Ещё одним существенным преимуществом является то, что Республика Корея не только уделяет большое внимание инвестированию в новые разработки, но имеют хорошую производственную базу для выполнения большого количества заказов согласно графику поставок. Польша смогла получить первую партию южнокорейского оружия уже через пять месяцев с момента заключения контракта.

Конфликт на Украине подтолкнул Чехию, Словакию и Литву искать замену старому советскому оружию, отправленному на Украину, это обстоятельство позволило Южной Корее в краткосрочной и среднесрочной перспективе рассчитывать на заключение контрактов с этими странами.

Республика Корея надеется увеличить количество импортёров своих вооружений и в АТР, составив прямую конкуренцию ВПК России. В планах Южной Кореи активизация торговли вооружением с Вьетнамом и Индией.

После успешного подписания контракта с Малайзией «Корейская аэрокосмическая компания» обратила своё внимание на рынок стран Африки и Ближнего Востока. Следующей целью компании выступает получение статуса предпочтительного участника тендера в проекте Египта по производству учебных реактивных самолётов и лёгких истребителей. В случае успеха «Корейская аэрокосмическая компания» может получить контракт на экспорт более 100 самолётов семейства *T-50/FA-50* [20]. Страны Персидского залива представляют для РК интерес не меньше Евросоюз или страны АТР.

На данный момент Сеул пытается воспользоваться всеми возможными шансами для того, чтобы закрепиться в 10-ке лидеров по экспорту вооружений, поскольку такая благоприятная ситуация для южнокорейских оборонных предприятий будет не всегда.

ВОЗМОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ ЭКСПОРТА ВПК РК

Как уже было отмечено, кроме предпосылок для увеличения объёмов продаж южнокорейских вооружений, существует ряд факторов, способных не только замедлить рост заключённых контрактов, но поставить под сомнение реализацию амбициозных планов правительства РК.

Воспользовавшись ситуацией, когда спрос на вооружения только растёт, Южная Корея в среднесрочной перспективе может столкнуться с тем, что ей придётся конкурировать с европейскими производителями вооружений, такими как компании Германия и Франция. Несмотря на то что РК заявляет о приверженности ценностям США и их союзников, не стоит исключать того, что страны НАТО будут заключать контракты на поставки нового вооружения, исходя не только из технических требований, но и проявлять лояльность прежде всего к производителям из числа участников Североатлантического альянса. Примером подобной ситуации стал выбор Норвегии, когда в феврале 2023 г. было принято решение закупить немецкие танки «Леопард 2» (*Leopard 2A7*) вместо южнокорейских танков K2. Норвежское правительство сделало заявление, что выбор пал на немецкие танки, поскольку у скандинавских соседей и ближайших союзников стоит тот же тип танков на вооружении. Такой контракт позволит Норвегии наладить более тесные связи в области политики безопасности с Германией [21]. Конкуренцию южнокорейским производителям могут составить компании Израиля и Турции.

Ещё одним существенным фактором является то, что США на данный момент выгодно, чтобы РК увеличивала свои производственные мощности в разных точках мира, поскольку стратегическое партнёрства Сеула и Вашингтона продолжает крепнуть и в оборонной, и в экономической сфере. Соединённые Штаты проводят протекционистскую политику для поддержки своей экономики и наращивают военный потенциал в Тихоокеанском регионе для сдерживания влияния КНР. Однако подобную свободу действий на рынке вооружений РК имеет пока не станет конкурентом для экспорта ВПК США. Вашингтон уже ни раз вынуждал Сеул действовать в интересах Соединённых Штатов, а не в свою пользу, например, судебный иск компании «Вестингауз» (*Westinghouse*) был направлен против того, чтобы Южная Корея свободно экспортировала свои атомные технологии Европе, где они составляют прямую конкуренцию ядерным технологиям США.

Расширение контрактов и поставок вооружения Вьетнаму и Индии могут быть негативно расценены руководством КНР, тем более что отношения Сеула и Пекина находятся под давлением со стороны Вашингтона.

Несмотря на объём заключённого с Польшей контракта существует вероятность, что Варшава может оказаться неплатёжеспособным партнёром.

Южная Корея предоставила Польше кредит для возможности частичной оплаты. Однако и в РК, и в Польше существуют опасения смогут ли поляки рассчитаться с южнокорейскими компаниями ВПК, если дотации ЕС сократятся. В конце июля 2023 г. появилась информация о том, что власти Польши обратились к РК с просьбой о выделении финансовой поддержки в рамках второго контракта на закупку оружия, речь идёт о 15,6 млрд долл. Необходимо отметить то, что Экспортно-импортный банк РК, предоставляющий данные услуги, на момент обращения польских властей исчерпал свои возможности на 98%, на фоне этого южнокорейские эксперты и представители правящей партии предлагают увеличить лимит до 23,4 млрд долл., что в 2 раза больше текущей цифры [22].

Иными словами, даже проамериканский курс Южной Кореи не дает гарантий, что экспорт продукции ВПК будет расти заданными руководством страны темпами. Ситуация, когда РК может подписывать большое количество новых контрактов в настоящий момент, может измениться по политическим и финансовым соображениям в среднесрочной перспективе ещё до того момента, когда Сеул займёт заветное 4-е место среди экспортёров продукции ВПК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Республика Корея продолжает придерживаться экспортоориентированной политики для развития своей экономики. Тонкое понимание рынков, сухой экономический расчет, научные разработки, высокотехнологичное производство и сильная индустриальная база, согласно заявлениям правительства РК, способны вывести южнокорейскую оборонную промышленность в число мировых лидеров по экспорту продукции ВПК. Не вызывает сомнения тот факт, что Южная Корея умеет сделать свою продукцию желанной, не зря вооружения, сделанные в РК по аналогии с корейской музыкальной культурой (*K-pop*) и сериалами (*K-Dramas*), называют *K-Defense*. Однако окно возможностей для стремительного захвата доли мирового рынка вооружений будет становиться всё меньше в среднесрочной перспективе. Окончание конфликта на Украине, как и его начало, могут повлиять на решения стран НАТО относительно стратегии по вооружениям, навряд ли объём финансирования будет сокращаться. В Европе РК может столкнуться с конкуренцией в лице производителей стран – членов Североатлантического альянса. Однако южнокорейским производителям тоже есть что противопоставить традиционным лидерам мирового рынка вооружения. Стоимость продукции ВПК РК и скорость выполнения заказов, а также стратегия постпродажного обслуживания и локализация производства в стране покупателя дают основания полагать, что рост заказов на южнокорейские танки, гаубицы, штурмовики и корабли будет только расти. Увеличивая контрактный портфель в АТР, власти РК рассчитывают занять долю рынка, представленного российскими вооружениями. Чаще всего южнокорейские исследователи строят свои прогнозы относительно российского оборонного сектора на основе западной статистики и аналитики, а полученные выводы рисуют картину превосходства южнокорейской техники над российской. Кроме того, надежды на затяжной характер специальной военной операции, дают основание рассчитывать на то, что Россия не сможет выполнять свои обязательства по заключенным ранее контрактам и у РК появится возможность без лишней борьбы вытеснить российское вооружение из АТР. По нашему мнению, Южной Кореи не следует недооценивать своего конкурента в лице России, однако и России нужно обратить пристальное внимание на расширение экспорта ВПК РК, не только в экономическом плане, но и в плане вызовов для безопасности нашего государства.

ИСТОЧНИКИ

1. Korea announces pan-ministerial strategy for export growth. Press Releases. Ministry of Trade Industry and Energy. 24.02.2023. Available at: https://english.motie.go.kr/en/pc/pressreleases/bbs/bbsView.do?bbs_cd_n=2&bbs_seq_n=1208(accessed: 10.06.2023).
2. Surge in arms imports to Europe, while US dominance of the global arms trade increases. SIPRI. 13.03.2023. Available at: <https://sipri.org/media/press-release/2023/surge>

arms-imports-europe-while-us-dominance-global-arms-trade-increases (accessed: 19.06.2022).

3. [한국수출입은행 해외경제연구소]방위산업의 특성 및 수출전략. 산업분석보고서. 부산대학교 산학협력단. 07.07.2022. Available at: <http://sanhakdb.pusan.ac.kr/ko/technology/analysis/?i=1313&p=19&q=f&t=> (accessed: 20.06.2022).

4. South Korea: Export of goods from 2012 to 2022. *Statista*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/263655/export-of-goods-from-south-korea/#:~:text=In%202022%2C%20goods%20with%20a,wer%20ex-ported%20from%20South%20Korea.&text=The%20quantity%20of%20ex-ports%20from,of%20cars%20and%20electronic%20goods>. (accessed: 20.07.2022).

5. Глава Южной Кореи: «Оборонная промышленность – это будущий двигатель роста». *Регнум*. 24.07.2022. Available at: <https://regnum.ru/news/3753529> (дата обращения: 20.07.2022).

6. 'K 방산'에 3 년간 1 조원 이상 금융 지원한다 // *KITA*. 01.12.2022. Available at: <https://www.kita.net/cmmrcInfo/cmmrcNews/cmmrcNews/cmmrcNewsDetail.do?pageIndex=1&nIndex=71896&sSiteid=1> (accessed: 21.07.2023).

7. Gov't to Create 120B Won Fund to Foster Defense Exporters. *KBSworld*. 25.11.2022. Available at: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=174062 (accessed: 25.07.2023).

8. 광은산. [단독] 정부 차원 'K 방산 수출 사령탑' 협의체 출범한다 // *세계일보*. 03.04.2023. Available at: <https://www.segye.com/newsView/20230402513337?OutUrl=naver> (accessed: 26.07.2022).

9. Brian Kim. Australia buys K9 howitzers from South Korea's Hanwha Defense. *DefenceNews*. 13.12.2021. Available at: <https://www.defensenews.com/industry/2021/12/13/australia-buys-k9-howitzers-from-south-koreas-hanwha-defense/> (accessed: 26.07.2022).

10. Brian Kim. South Korea inks largest arms export deal with UAE for missile interceptor. *DefenceNews*. 18.01.2022. Available at: <https://www.defensenews.com/industry/2022/01/18/south-korea-inks-largest-arms-export-deal-with-uae-for-missile-interceptor/> (accessed: 26.07.2022).

11. Jeremy Bogaisky. South Korea Has Quietly Become One of The World's Biggest Weapons Suppliers. *Forbes*. 07.11.2022. Available at: <https://www.forbes.com/sites/jeremybogaisky/2022/11/07/south-korea-has-quietly-become-one-of-the-worlds-biggest-weapons-suppliers/?sh=7c15b1c96375> (accessed: 20.06.2023).

12. 국산 K9 자주포, 이집트에 2 조원 수출... 아프리카 첫 사례 // *Newsis*. 01.02.2022. Available at: https://newsis.com/view/?id=NISX20220201_0001743677 (accessed: 20.06.2023).

13. Egypt signs major arms deal with South Korea. *Al-monitor*. 08.02.2022. Available at: <https://www.al-monitor.com/originals/2022/02/egypt-signs-major-arms-deal-south-korea> (accessed: 20.07.2023).

14. 하채림. 폴란드 "한국과 K-2 전차 FA-50 공격기 K-9 자주포 도입계약" // *연합뉴스*. 27.07.2022. Available at: https://www.yna.co.kr/view/AKR20220727090700504?section=politics/all&site=major_news01 (accessed: 27.07.2023).

15. Joyce Lee, Josh Smith. Insight: Inside South Korea's race to become one of the world's biggest arms dealers. *Reuters*. 29.05.2023. Available at: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/inside-south-koreas-race-become-one-worlds-biggest-arms-dealers-2023-05-29/> (accessed: 23.07.2023).

16. Norman Goh. Malaysia buys South Korea fighter jets as ASEAN arms market grows. *Nikkei*. 07.03.2023. Available at: <https://asia.nikkei.com/Politics/Defense/Malaysia-buys-South-Korea-fighter-jets-as-ASEAN-arms-market-grows> (accessed: 20.06.2023).

17. Australia awards South Korea's Hanwha \$4.7 billion defense contract. *Reuters*. 27.07.2023. Available at: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/australia-awards-south-koreas-hanwha-47-bln-defence-contract-2023-07-27/> (accessed: 27.07.2023).

18. Chris H. Park. Is South Korea Ready to be a Global Pivotal Arms Exporter? *The Diplomat*. 13.07.2023. Available at: <https://thediplomat.com/2023/07/is-south-korea-ready-to-be-a-global-pivotal-arms-exporter/> (accessed: 25.07.2023).

19. Jung Min-ho. KAI to focus on Egypt project after FA-50 export deal with Malaysia. *The Korea Times*. 02.03.2023. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/03/205_346328.html (accessed: 26.07.2023).

20. Norway purchases 54 Leopard 2A7 tanks preferred to South Korean K2 Black Panther MBTs. *Army recognition*. 03.02.2023. Available at: https://www.armyrecognition.com/defense_news_february_2023_global_security_army_industry/norway_purchases_54_leopard_2a7_tanks_preferred_to_south_korean_k2_black_panther_mbts.html (accessed: 20.06.2023).

21. Lee Yeon-woo. Limited policy finance support could impede major export deals with Poland. *The Korea Times*. 25.07.2023. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2023/07/488_355658.html (accessed: 26.06.2023).

REFERENCES

강은호. 한국 방산 수출의 지속적 증대 방안: 우크라이나 전쟁의 시사점과 선진 방산 전략을 위한 제언. *국방정책연구*, 2023, vol.39(1), 7-38. DOI: 10.22883/jdps.2023.39.1.001 Available at: <https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArticleView.kci?sereArticleSearchBean.artId=ART002949723> (accessed: 18.07.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗУЕВА Александра Георгиевна, научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии Российской академии наук

Российская Федерация, 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32

Alexandra G. ZUEVA, Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 28.07.2023 / Received 28.07.2023.

Поступила после рецензирования 10.08.2023 / Revised 10.08.2023.

Статья принята к публикации 11.08.2023 / Accepted 11.08.2023.

УДК: 355/359; 623.1/.7; 351.864
DOI: 10.31857/S2686673023110093
EDN: PPKKGH

Оборонная промышленность ЮАР: отрицательное развитие

С.Г. Карамаев

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук (ИМЭМО РАН).
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.
РИИЦ ID: 1135848
ORCID: 0000-0001-5137-3948 e-mail: tiomkin@gmail.com*

Резюме: В последней четверти XX века Южно-Африканская Республика обладала одной из самых развитых и мощных оборонных индустрий в мире. Инновационный подход позволил разработать и внедрить различные системы вооружений и дать мощный импульс экономическому развитию. Новое правительство Африканского национального конгресса (АНК), пришедшее к власти после демонтажа апартеида, взяло курс на сокращение оборонного сектора. В течение последующих лет ВПК ЮАР приспособивался к новым условиям. Итогом стало постепенное прекращение развития оборонной промышленности, поставившее данную область в критически уязвимое положение.

Ключевые слова: ЮАР, ВПК, АНК, оборонная промышленность, переход

Для цитирования: Карамаев С.Г. Оборонная промышленность ЮАР: отрицательное развитие. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (11): 92–102.
DOI: 10.31857/S2686673023110093 EDN: PPKKGH

South African Defence Industry: Negative Development

Sergei G. Karamaev

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences.
23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation
РИИЦ ID: 1135848
ORCID: 0000-0001-5137-3948 E-mail: tiomkin@gmail.com*

Abstract: Towards the end of the twentieth century, the Republic of South Africa had developed one of the most powerful and innovative defence industries in the world. New post-apartheid ANC government, in the light of new approach in the economic and political spheres, decided to switch resources from military to human security. This decision led to the stagnation of the defence industry and ultimately to negative development, which continues to this day. Not only South Africa rankings in the world defence sector lowered to unprecedented positions but the industry's survival into the future years now at stake.

Keywords: South Africa, military, defence industry, ANC, transition

For citation: Karamaev, S.G. South African Defence Industry: Negative Development. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (11): 92-102. DOI: 10.31857/S2686673023110093 EDN: PPKKGH

*Посвящается памяти кандидата исторических наук,
старшего научного сотрудника Института Африки РАН
Геннадия Владимировича Шубина (1966–2016)*

ВВЕДЕНИЕ

В статье даётся оценка современного состояния военно-промышленного комплекса ЮАР, проводится изучение причин, которые привели к данному статусу, и рассматриваются дальнейшие перспективы данной области экономики. Термины ВПК (военно-промышленный комплекс), оборонная промышленность (ОП) и оборонная индустрия (ОИ) являются синонимами и используются взаимозаменяемо. Учитывая устойчивые российско-южноафриканские связи, членство ЮАР в БРИКС и тот факт, что республика серьёзно озабочена поддержанием своего положения как крупной региональной державы, оценка нынешнего положения в оборонной индустрии ЮАР имеет серьёзное практическое значение. От того, насколько развит сегодня ВПК республики и насколько в нём заинтересованы мировые производители и потребители вооружений, зависит дальнейшее развитие региона и международных экономических и политических отношений в целом.

В настоящее время состояние оборонной промышленности ЮАР можно охарактеризовать как упадочное. Оборонная индустрия страны вступила в фазу отрицательного развития. Как отмечалось в монографии «Африка: политическое развитие и армия», «доля ВВП, направляемая на военные нужды в постапартеидный период, снизилась с 4 до менее 1% <...> “оборонка” полностью утратила функцию драйвера научного и технологического прогресса». Уже в 2017 г. в докладе Министерства обороны ЮАР было заявлено, что «между 1965 и 1990 г. Южная Африка смогла развить оборонную промышленность, замечательную не только широтой и глубиной возможностей, но и инновационным подходом (вопросы создания атомной бомбы в ЮАР намеренно оставлены за пределами данной статьи, поскольку значительно выходят за рамки освещаемого вопроса). Всё это начало быстро приходить в упадок в связи с резким, хотя и отчасти оправданным, сокращением военных расходов и трансформацией в 1990-е годы структур власти в ЮАР» [Африка, 2020: 195]. Осенью 2022 г. председатель совета директоров компании «Армскор» (*Armaments Corporation of South Africa - ARMSCOR*), главного поставщика вооружений ЮАР, Филлип Декстер, в своём докладе подчёркивал, что «продолжающиеся бюджетные сокращения приводят весь оборонный сектор ЮАР на край пропасти» [11]. По его мнению, если в ближайшее время не будут предприняты самые решительные меры, то это «приведёт не только к существенным потерям в имеющихся наработках НИОКР, но и к уменьшению суверенитета ЮАР в целом» [11]. Стагнация в оборонной промышленности, начавшаяся в 1990-е годы, продолжилась в 2000-е и к концу 2010-х поставила данную отрасль экономики на грань выживания.

РАЗВИТИЕ ОБОРОННОЙ ИНДУСТРИИ ЮАР В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

В течение почти всего XX века (с 1910 по 1994 г.) правительство Южно-Африканского Союза (ЮАС), а с 1961 г. – Южно-Африканской Республики постоянно помнило о двух главных, по его мнению, угрозах, касающихся силового смещения правящего режима: внутренние вооружённые восстания чёрного населения и внешние конфликты [Van der Waag, 2015]. Это заставляло руководство страны уделять внимание вопросам безопасности в военном, политическом и экономическом смысле – хотя именно в военной части (вооружение и оснащение) ЮАС до 1960-х годов продолжал зависеть от Великобритании, что снижало остроту проблемы внешней агрессии [Cawthra, 1997]. Во второй половине XX века в Африке начался процесс деколонизации. Одним из его следствий стал конфликт в Анголе (который также охватывал и Намибию). 23-летнее противостояние (1966–1989 гг.), выразившееся как в обычных боевых действиях, так и в асимметричной войне, получило название «Пограничная война» [Scholtz, 2014]. В ней прямо или опосредованно участвовали национально-освободительные движения Намибии (СВАПО/ПЛАН), Мозамбика (ФРЕЛИМО), Зимбабве (ЗАНУ/ЗАПУ), политические движения Анголы (МПЛА, ФНЛА, УНИТА), ВС Анголы (ФАПЛА), ВС Кубы (ограниченный контингент), ВС СССР (военные специалисты) и США (финансовая и политическая поддержка партий и движений) [LeoGrande, 1980]. До середины 1970-х годов в данной войне участвовала, в основном, и оборонная индустрия ЮАР не испытывала проблем с разработкой и снабжением силовых структур. Однако уже первое серьёзное боестолкновение (операция «Саванна» – вторжение в Анголу 1975–1976 гг.) выявило слабость южноафриканского вооружения [Wilsworth, 2019] – большая его часть относилась ко временам Второй мировой войны, а в иных случаях – и к началу века, как, например, пулемёты «Викерс» [Heitman, 1985] (хотя частичная программа перевооружения началась в середине 1960-х годов) [Scholtz, 2014]. Как признало высшее военное командование армии ЮАР, вооружённые силы республики не могли ничего противопоставить танкам Т-34 и Т-55, 130-мм гаубицам, 122-мм РСЗО и противотанковым орудиям [19].

Главный толчок развитию оборонной промышленности дали резолюции СБ ООН №418 [27] и №558 [28], которые ввели эмбарго на поставки вооружений в ЮАР. Хотя осознание необходимости в срочном порядке модернизировать армию пришло к руководству страной ещё в конце 1960-х годов, когда была создана компания «Армскор», ставшая первым производителем и поставщиком вооружений [Heitman, 1985]. В 1980-е годы эта госкорпорация обеспечивала работой более 130 тыс. человек, занимая третье место в экономике страны [18]. В этот период были разработаны и приняты на вооружение БМП «Патель» (вторая по численности БМП в мире, после БМП-1 производства СССР) [Scholtz, 2014], с вариантами вооружения в виде противотанковых ракет средней дальности с лазерным наведением (разработка компании «Денел» – “Denel”). Для личного состава вооружённых сил были разработаны штурмовые винтовки R1, R4 и R5. На основе британских танков «Центурион» оборонная индустрия создала боевой танк «Олифант», а, взяв за основу захваченную в ходе боёв БМ-21, «Армскор» создала собственную РСЗО «Фалкири». Уникальным явлением стала разработка 155-мм гаубицы G5, которая стала самой совершенной артиллерийской системой своего времени, а также её варианта – самоходной гаубицы G6, первой дальнобойной (75 км) артсистемы, полностью интегрированной с самоходной колёсной базой. В ВВС страны поступили

истребители собственного производства «Чита», вертолёты «Руйфалк» и «Орикс» и ракета «земля – воздух» «Умконто» [13]. В период с 1982 по 1989 г. экспорт вооружений вырос на 300%, в целом за период 1969–1984 гг. продажи оружия росли на 13% ежегодно. Даже самые жёсткие критики апартеида признавали, что «комплексные протекционистские меры правительства и миллиарды рандов, вложенные в этот стратегически важный сектор индустрии, принесли свои плоды – компания “Армскор” стала одним из локомотивов экономики страны и вошла в десятку крупнейших мировых производителей оружия» [Cawthra, 1986].

Конец 1980-х годов ознаменовался переменами как в глобальном, так и в региональном масштабе. Холодная война более не являлась серьёзным фактором. СССР, взявший курс на перестройку, сократил поддержку освободительных движений и распространения идеологии, сосредоточившись на внутренних проблемах [Адамишин, 2001]. «Пограничная война» завершилась выводом кубинских войск из Анголы и южноафриканских – из Намибии. США потеряли интерес к Африке, и таким образом противостояние двух сверхдержав ушло в прошлое. ЮАР также нормализовала отношения с приграничными государствами и запустила процесс демонтажа апартеида [Simpson, 2022]. Всё это привело к отказу от гонки вооружений, сокращению военных бюджетов, демилитаризации внешней политики и смещению фокуса развития страны на социально-экономическое развитие.

ПОСТАПАРТЕИДНОЕ РАЗВИТИЕ – ПЕРВЫЕ ШАГИ

1990-е годы стали десятилетием перемен. Новое правительство Африканского национального конгресса (АНК) унаследовало серьёзные общественные и экономические проблемы от прежнего режима. Для их преодоления была выбрана программа принципов обеспечения гуманитарной безопасности, которая строилась на том, что в будущем роль вооружённых сил будет неуклонно снижаться [17]. Новые вооружённые силы ЮАР (*South African National Defence Force* – САНДФ) должны были сосредоточиться на «доктрине ненаступательной обороны» [3].

Уже в 1994 г. в правительстве произошла первая серьёзная дискуссия (из многих) по поводу бюджетных трат на оборону. Джей Нейду – министр, ответственный за реализацию ключевой «Программы реконструкции и развития» (ПРР) – настаивал на значительных бюджетных сокращениях и перераспределении денег в пользу ПРР. Он подчёркивал, что вопросы безопасности страны лежат не столько в плоскости обороны, сколько в снятии этнической напряжённости, снижения экономической нестабильности, улучшения природных условий, сокращения роста преступности и ликвидации неравенства. Таким образом, расходы на оборону (включая промышленность) виделись ему неоправданно высокими – и перераспределение средств на решение социально-экономических проблем являлось важным шагом для обеспечения безопасности [4]. Парламент ЮАР согласился с данной точкой зрения, приняв кроме неё во внимание и тот факт, что середина 1990-х годов ознаменовалась бюджетными сокращениями оборонного сектора практически во всем мире и, соответственно, уменьшением рынков для южноафриканской продукции оборонного назначения.

Смещение акцентов с отражения внешних угроз в сторону подавления политического экстремизма (с 1990 по 1994 г. вооружённые силы на постоянной основе привлекались к полицейским операциям внутри страны) привело к тому, что большая часть средств начала тратиться на содержание личного состава и осуществление операций, а не на производство и приобретение вооружений. С 1989 по 1999 г.

расходы на оборону сократились на 57% [8], расходы на приобретение вооружений и НИОКР – на 70%, а производство вооружений упало с 7 до 3,2% [9]. Часть предприятий ВПК прекратили свою деятельность, оставшиеся на рынке были вынуждены сократиться в объёме – из 130 тыс. человек 55 тыс. лишились работы [2]. Ряд подразделений ВС были расформированы, из 12 военно-воздушных баз пять были закрыты (при этом из ВВС уволились более ста высококвалифицированных пилотов, на подготовку которых было затрачено свыше 3 млн рандов на каждого). Что же касается ВМС, то они были сокращены чуть ли не на 50%. Дальнейшая реструктуризация оборонной промышленности привела к тому, что госкорпорации («Денел» и др.) переориентировались на машиностроение, выпуск артиллерийского и авиационного вооружения, а частные производители освоили рынок электроники, морского и наземного вспомогательного оборудования [14].

После отмены в мае 1994 г. резолюции СБ ООН № 558 компания «Армскор» объявила о своих планах по расширению экспорта вооружений на внешнем рынке (в основном в странах третьего мира) и намерении увеличить долю на нём с 0,4 до 2% в течение пяти лет. К 1997 г. абсолютно все оборонные предприятия стали продавать продукцию военного назначения в другие страны – продажа оружия вышла на второе место в статьях экспорта ЮАР (хотя и составляла всего 1% ВВП) [12]. Тем не менее этого едва хватало, чтобы держать высокотехнологичные производства на плаву. Причина заключалась в том, что ЮАР после отмены режима апартеида объявила о своём нейтральном статусе в международных отношениях – данная позиция прямо подразумевала, что страна не будет экспортировать вооружения в государства, поддерживающие терроризм, либо же в страны, в которых ведутся вооружённые конфликты. В частности, в январе 1997 г. правительство ЮАР намеревалось заключить крупную оружейную сделку с правительством Сирии, однако она была отменена под давлением США, которые пригрозили прекратить финансовую помощь (110 млн долл. США) [25]. Учитывая эти требования, правительство республики было вынуждено также принять ряд законов и актов, существенно уменьшающих возможности экспортных оборонных поставок и расширения связей в данной области.

ОРУЖЕЙНАЯ СДЕЛКА 1999 г. И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

В середине сентября 1999 г. в рамках модернизации армии ЮАР правительство одобрило крупную закупку вооружений за границей. Закупки включали в себя: 4 ракетных сторожевика *MEKO A200SAN* и 3 подводные лодки *Type-209 Mod-1400* (Германия); 30 лёгких вертолётов *Augusta 109* (Италия); 24 учебных самолёта *Hawk-100 Mark-120* и 4 палубных вертолёта *Super Lynx* (Великобритания); 9 истребителей *Gripen-D* и 19 истребителей *Gripen-C* (Швеция) [Шубин, 2010].

Основным условием данного контракта являлось то, что полученные другими странами средства нужно было частично инвестированы в ЮАР, в том числе и в ВПК, что гарантировало создание новых рабочих мест и придало новый импульс проблемным областям экономики, в частности сталелитейной и автомобильной индустрии, производству горнодобывающего оборудования, производству пластмасс, деревообрабатывающей и лёгкой промышленности, телекоммуникациям и медицине [Holden, 2008]. Общая сумма сделки составляла 29 млрд рандов (5 млрд долл. США) с поставками в течение 25 лет [15]. При этом подчёркивалось, что возвратные инвестиции составят 110 млрд рандов и обеспечат работой почти

70 тыс. человек. Однако после внутреннего аудита правительство скорректировало цифры, признав, что стоимость сделки приблизительно равна 53 млрд рандов, а инвестиции не превысят порога в 70 млрд рандов.

Данная сделка обернулась одним из самых крупных коррупционных скандалов, продолжавшихся почти 15 лет. Независимые расследования представили свидетельства, что создание рабочих мест, в частности, в реальности оказалось в 5 раз ниже объявленной правительством цифры [6], а стоимость, ввиду валютных колебаний и инфляции, оказалась выше в полтора раза [17]. В скандал оказались вовлечены французские, британские и южноафриканские компании, поставлявшие оборудование для ВМС по завышенным ценам, а также занимавшиеся взяточничеством в отношении чиновников из правительства [5]. В частности, что касалось поставок учебно-тренировочных истребителей, то следователи по антикоррупционным делам выяснили, что в последней фазе конкурса оставались два претендента – российско-французский МиГ-АТ и английский *Hawk 100*. Но тогдашний министр обороны Джо Модисе выбрал более дорогой британский проект, что позволило заподозрить его в коррупции. Дж. Модисе, уже в отставке, будучи в больнице с четвёртой стадией рака, отказался встречаться со следователями. В январе 2007 г. стало известно, что он, как утверждалось, мог получить взятку на сумму в 500 тыс. фунтов стерлингов от английских производителей оружия – однако к тому времени он уже был несколько лет как мёртв.

В 2014 г. Министерство торговли и промышленности ЮАР представило анализ состояния стратегических оборонных приобретений, из которого следовало, что обратные инвестиционные проекты себя не оправдали. Западные производители вооружений с помощью различных схем увода денег занизили капиталовложения и не создали рабочие места (7 тыс. вместо 65 тыс.). Сделка 1999 г. нанесла ЮАР и ещё один ощутимый урон: иностранные фирмы смогли приобрести по заниженным ценам контрольные пакеты акций предприятий в таких стратегических областях, как правительственная защищённая связь и электронное оснащение средств вооружения [Шубин и др., 2010].

Сделка также привела к репутационным потерям ЮАР – если в 1996 г. организация *“Transparency International”* оценивала ЮАР как наименее коррумпированную страну в Африке, то к концу 2010-х годов по уровню коррупции страна превзошла такие коррумпированные страны, как Руанда, Намибия и Сенегал [1].

Данный имиджевый урон совпал с падением экспорта южноафриканских вооружений. Спрос на продукцию ВПК ЮАР с 2013 по 2018 г. упал на 35% [16]. К 2018 г. Южно-Африканская Республика выбыла из второй десятки экспортёров оружия, заняв 22-е место после Австралии, Белоруссии и Чехословакии. Правительство, озабоченное данным положением, приняло решение стимулировать внешний и внутренний спрос посредством озвученной в 2017 г. оборонной промышленной стратегии [10]. Среди предложенных мер были: развитие конкурентоспособности, сотрудничества, приемлемости с точки зрения затрат. Правительство также отказалось от политики полного самообеспечения ВПК в пользу частичного, дав понять, что предпочтения по закупкам будут отдаваться местным компаниям (51% в долевой собственности южноафриканских граждан). Отчасти данная политика принесла позитивные результаты – компании оборонной индустрии ЮАР стали более активно сотрудничать с производителями из других стран. В частности, «Денел» сумела встроиться в полный цикл производства и сбыта таких компаний, как «Леонардо» (*Leonardo*), «Алениа аэронавтика» (*Alenia Aeronautica*), «БАЕ Системз» (*BAE Systems*), «Дассол» (*Dassault*), «Гольфстрим» (*Gulfstream*), «Локхид Мартин»

(Lockheed Martin), «Роллс-Ройс» (Rolls-Royce), «Саффрон» (Saffron) и «Сааб» (Saab) [22]. Чтобы придать дальнейшее развитие этому направлению, ЮАР запустила политику «оборонной дипломатии», направленную на повышение уровня кооперации в области оборонной промышленности, делая акцент на нейтральный статус страны. Прежде всего это касалось активизации отношений с незападными государствами (Малайзией и Индией).

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

Говоря о современном состоянии ОП ЮАР, было бы неправильным игнорировать ряд положительных моментов. Во-первых, за декаду 2010–2021 гг. ВПК ЮАР удалось расширить международные связи. Это касается прежде всего арабских государств. Главным импортёром южноафриканского вооружения стали Объединённые Арабские Эмираты. Кроме того, продукцию ВПК в этот период закупали Саудовская Аравия и Йемен. Однако поставки последнему производились только до середины десятилетия, когда страна вступила в военный конфликт с коалицией, ведомой Саудовской монархией. Что касается Эр-Рияда, то в 2019 г. Претория прекратила экспорт вооружений в данную страну (так же как в Алжир и Оман), после отказа предоставить сертификат конечного получателя. Кроме упомянутых стран ОП ЮАР укрепила и расширила сотрудничество с российским ВПК – в частности, компании «Армскор», «Денел» и «Парамаунт» (ARMSCOR, Denel, Paramount) в настоящее время сотрудничают с «Рособоронэкспортом», концерном «Калашников», корпорацией «Ростех» и «Вертолётами России» [26].

В то же время южноафриканские производители с тревогой отмечают, что некогда развитая промышленность сегодня теряет технологические преимущества. В конце 2010-х годов представитель компании «Парамаунт» признал, что местная оборонная индустрия не совершила никаких прорывов в технологиях и большинство производителей поставляют на рынки продукты 20-летней давности [20]. Инновационное развитие – главное преимущество «Армскор» в эпоху эмбарго – прекратилось, главным образом, по причине сокращения финансирования производства и НИОКР. Заявления о том, что отставание ВПК ЮАР (звучавшие с начала 2010-х годов) напрямую повлияют на обороноспособность и приведут к негативным последствиям по всему фронту, начиная от охраны границ и миротворческих операций и заканчивая торговлей, раздаются постоянно, но на существующее положение дел пока не влияют. Согласно документу об оборонной стратегии 2017 г., в период 1989–1990 и 2016–2017 гг. суммы закупки вооружений у ОП ЮАР упали с 26 млрд до 7 млрд рандов. Расходы на НИОКР сократились с 6,1 млрд до 850 млн рандов; годовой объём продаж – с 36,1 млрд до 19 млрд рандов, а занятость снизилась со 130 тыс. человек на 3 тыс. предприятий до 15 тыс. человек на 120 предприятиях [23].

В 2018 г. доклад компании «РисёрчЭндМаркетс» (ResearchAndMarkets) прогнозировал, что оборонные расходы ЮАР (составлявшие на тот год 3,9 млрд долл. США) после спада в период 2014–2018 гг. на 0,62% к 2023 г. в совокупных темпах годового роста увеличатся на 4,8% и приблизятся к сумме 4,9 млрд долл. США [24]. В частности, предполагалось, что, несмотря на небольшой объём внутреннего рынка вооружений, в ЮАР могут прийти иностранные компании для создания производств, такие как «Сааб АВ» (Saab AB) и «Рейнметалл АГ» (Rheinmetall AG), а южноафриканским предприятиям ОП это даст дополнительный импульс развития в виде обмена

новыми технологиями и инновациями. Кроме того, учитывался и процесс перевооружения ВС ЮАР с акцентом на новые, более технологичные системы наблюдения и охраны границ. Однако прогноз оказался ошибочным – не в последнюю очередь вследствие мировой пандемии ковид-19, серьёзно повлиявшей на экономическое состояние Африки в целом и ЮАР в частности. Расходы на оборону сократились до 3,3 млрд долл. США. Сократилось производство оборудования по всем ключевым секторам (сухопутные транспортные средства, средства радиоэлектронной борьбы, радары, тактические средства связи, ЛАНГК, БПЛА, боеприпасы, надводные и подводные средства, ракеты и средства ПРО, средства персональной защиты). Кризис ударил по всем компаниям: «Денел», «Ройтек», «Айдеко груп», «Скуэр уан солюшн груп», «ЭТИОН», «Дефенсор секьюрити» и «Парамаунт» (*Denel, Reutech, Ideco Group, Square One Solutions Group, ETION, Defensor Security u Paramount*). Как отмечалось в докладе Постоянного действующего комитета по вопросам обороны [21], главными угрозами для оборонной промышленности ЮАР в настоящее время (2020 г.) являются: сокращение рабочих мест; сокращение инвестиций в технологии; репутационные риски; уменьшение налоговых поступлений; потеря возможностей. За последние три года значимых изменений не произошло.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Желание нового правительства АНК, избранного в 1994 г., скорейшим образом реструктурировать полумилитаризованную экономику режима апартеида, было направлено на обеспечение гуманитарной безопасности и создание новых условий, от которых бы выиграли все слаты общества. Однако результатом явилось практически мгновенное негативное воздействие на оборонную промышленность. В ходе данного периода упадка компании ВПК столкнулись либо с серьёзными бюджетными сокращениями, либо с игнорированием их положения правительством.

Меры, которые власти предпринимали в течение XXI столетия, не смогли существенно исправить положение, и ОП не стала драйвером новой экономики – так же как и не смогла перейти на полное самообеспечение. Низкий приоритет НИОКР, выразившийся в предельно сокращённом финансировании этой области, уже показал отставание ЮАР в сфере производства новых вооружений и, безусловно, будет влиять в дальнейшем на рейтинг страны в области производства вооружений, учитывая высокую конкуренцию на данном рынке. Промышленно развитым государствам, уделяющим внимание экономическому, промышленному и технологическому развитию, возможно, стоит извлечь уроки из данного примера. Инновации в оборонной сфере и растущий экспорт вооружений успешно работали во время четвертьвекового конфликта на юге Африки в конце XX века, однако данный опыт, как показало время, применим исключительно к той эпохе и тем условиям. После 1994 г., с исчезновением стратегических угроз, правительству стало сложнее обосновывать дальнейшие инвестиции в ОП. Крупная оружейная сделка 1999 г. осталась не понятой ни населением, ни профессионалами, и к тому же выявила коррупционную составляющую высокого уровня – одновременно практика возвратных инвестиций от закупок вооружения себя не оправдала. Учитывая отсутствие ясной оборонной стратегии развития страны, вопрос дальнейшего положительного развития ВПК ЮАР может перейти в плоскость принципиального существования данной области экономики [7].

ИСТОЧНИКИ

1. A decade of "state capture" has damaged South Africa's institutions 25.04.2019. Available at: <https://www.economist.com/special-report/2019/04/25/a-decade-of-state-capture-has-damaged-south-africas-institutions> (accessed 10.06.2023).
2. Truesdell, A. 'Achieving Political Objectives: South African Defence Priorities from the Apartheid to the Postapartheid Era', *African Studies Review* 52, no. 3 (2009): 107-25. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/african-studies-review/article/achieving-political-objectives-south-african-defense-priorities-from-the-apartheid-to-the-postapartheid-era/97AACC4F02FBC55B3A577848E60FF9DA> (accessed 13.05.2023).
3. Esterhuysen, A. 'Human Security and the Conceptualisation of South African Defence: Time for a Reappraisal', *Strategic Review for Southern Africa* 38, no. 1 (2016) Available at: [https://www.up.ac.za/media/shared/85/Strategic%20Review/Vol%2038\(1\)/esterhuysen-pp-29-49.zp89600.pdf](https://www.up.ac.za/media/shared/85/Strategic%20Review/Vol%2038(1)/esterhuysen-pp-29-49.zp89600.pdf) (accessed 18.06.2023).
4. Zacarias, A. The South African defence industry and the new thinking on security. Africa Portal. Available at: https://www.africaportal.org/documents/974/SAIIA_Reports_No_13.pdf (accessed 23.06.2023).
5. 'BAE's Web of Influence in South Africa', *Mail & Guardian Online*. 12.01. 2007. Available at: <https://mg.co.za/article/2007-01-12-baes-web-of-influence-in-south-africa> (accessed 10.06.2023).
6. Wrigley, C. The South African Deal - a Case Study in the Arms Trade, CAAT (June 2003): Available at: https://www.africaportal.org/documents/974/SAIIA_Reports_No_13.pdf (accessed 13.05.2023).
7. Can South Africa's Defence industry recover? Africa Defence Forum - 19th Jun 2023 Available at: <https://www.defenceweb.co.za/industry/industry-industry/can-south-africas-defense-industry-recover/> (accessed 23.06.2023).
8. Conversion in South Africa in the 1990s. The Bonn International Centre for Conflict Studies Available at: https://www.bicc.de/uploads/tx_bicctools/brief18.pdf (accessed 18.06.2023).
9. Abrahams, D. 'Defence conversion in South Africa: A Faded Ideal?' Institute for Strategic Studies, Occasional Paper 51, Pretoria (2001). Available at: <https://oldsite.is-safrica.org/uploads/paper51.pdf> (accessed: 10.06.2023)
10. Defence Industry Strategy (Draft). Version 5.8, National Defence Industry Council, Republic of South Africa (May 2017). Available at: http://www.dod.mil.za/advert/ndic/doc/Defence%20Industry%20Strategy%20Draft_v5.8_Internet.pdf (accessed 13.05.2023).
11. Dramatic action needed to prevent SA defence capability decline - Armscor chair. 06.10.2022 Available at: <https://www.defenceweb.co.za/industry/industry-industry/dramatic-action-needed-to-prevent-sa-defence-capability-decline-armscor-chair/> (accessed 23.06.2023).
12. Shelton, G. 'South African Arms Sales to North Africa and the Middle East - Promoting Peace or Fuelling the Arms Race?' (Braamfontein, SA: Foundation for Global Dialogue. Occasional Paper No. 16, 1998) Available at: <https://www.refworld.org/docid/3ae6a8734.html> (accessed 18.06.2023).
13. Heitman, H. 'Equipment of the Border War', *Journal for Contemporary History* 31, no. 3 (2006) Available at: <https://hdl.handle.net/10520/EJC28410> (accessed 13.05.2023).
14. Dunne, J. Paul & Haines, Richard. Transformation or Stagnation? The South African Defence Industry in the Early 21st Century, *Defence Studies*, 6:2, 169-188, (2006). DOI: 10.1080/14702430601056113 (accessed 10.06.2023).

15. Sehlapelo, M. 'The South African strategic defence procurement package and economic growth', *African Security Review* 11, no. 4 (2002). Available at: https://www.academia.edu/7591258/THE_SOUTH_AFRICAN_STRATEGIC_DEFENCE_PROCUREMENT_PACKAGE_AND_ECONOMIC_GROWTH (accessed 22.05.2023).

16. Wezeman, P., Fleurant, A., Kuimova, A., Tian, N., Wezeman, S. 'Trends in International Arms Transfers', SIPRI 2018 (March 2019). Available at: <https://www.sipri.org/publications/2019/sipri-fact-sheets/trends-international-arms-transfers-2018> (accessed 14.05.2023).

17. Ferreira, R., Liebenberg, I. Civil-military relations and arms procurement in South Africa: 1994-2002, *Society in Transition*, 35:1, 61-86, (2004). DOI: 10.1080/21528586.2004.10419107 (accessed 27.05.2023).

18. Bitzinger, R. Chapter 2: Transition and Readjustment in Second-Tier Defence Industries: Five Case Studies, *The Adelphi Papers*, 43:356, 39-62, (2003) DOI: 10.1080/714027875 (accessed 22.05.2023).

19. Warwick, R. 'Operation Savannah: A Measure of SADF Decline, Resourcefulness and Modernisation', *Scientia Militaria* 40, no. 3 (2012): 354-97 Available at: <https://doi.org/10.5787/40-3-1042> (accessed 14.05.2023).

20. 'South Africa Defence Industry Facing Tough Times, needs to Work Together'. 12.10.2017. Defence Web. Available at: <https://www.defenceweb.co.za/industry/industry-industry/south-african-defence-industry-facing-tough-times-needs-to-work-together/> (accessed 06.05.2023).

21. South African Defence Industry challenges; Defence Sector Charter & Fund 05.11.2020. Available at: <https://pmg.org.za/committee-meeting/31404/> (accessed 27.05.2023).

22. South African Defence Industry Moves to Collaborate at Home and Abroad to Thrive'. *Engineering News*. 20.10.2014 Available at: <http://www.engineering-news.co.za/article/south-african-defence-industry-moves-to-collaborate-at-home-and-abroad-to-thrive-2014-10-24> (accessed 22.05.2023).

23. South Africa's Defence Industry Faces Serious Challenges but also sees Future Opportunities Available at: <https://www.engineeringnews.co.za/article/south-africas-defence-industry-faces-serious-challenges-but-also-sees-future-opportunities-2017-07-14> (accessed 18.06.2023).

24. The South African Defence Industry (2018-2023): Anticipated to Register a CAGR of 4.8% Over the Forecast Period, to Reach \$4.9 Billion by 2023 - *ResearchAndMarkets.com* 17.09.2018 Available at: <https://www.business-wire.com/news/home/20180917005672/en/The-South-African-Defense-Industry-2018-2023-Anticipated-to-Register-a-CAGR-of-4.8-Over-the-Forecast-Period-to-Reach-4.9-Billion-by-2023---ResearchAndMarkets.com> (accessed 06.05.2023).

25. US Department of State. 1998 Country Report on Economic Policy and Trade Practices: South Africa Available at: https://1997-2001.state.gov/issues/economic/trade_reports/africa98/southafrica98.html (accessed 18.06.2023).

26. What really happened with #LadyRussiagate? 24.05.2023. Available at: <https://asiatimes.com/2023/05/what-really-happened-with-ladyrussiagate/> (accessed 18.06.2023).

27. Совет Безопасности ООН. Резолюция 418 (1977) от 4 ноября 1977 года Available at: [https://undocs.org/ru/S/RES/418\(1977\)](https://undocs.org/ru/S/RES/418(1977)) (accessed 01.06.2023).

28. Совет Безопасности ООН. Резолюция 558 (1984) от 13 декабря 1984 года Available at: [https://undocs.org/ru/S/RES/558\(1984\)](https://undocs.org/ru/S/RES/558(1984)) (accessed 01.06.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамишин А.Л. Белое солнце Анголы. М.: Вагриус, 2001. 213 с.

Африка: политическое развитие и армия. Колл. монография. М.: Институт Африки РАН, 2020. 380 с.

Шубин Г.В., Майданов И.И., Либенберг Я. Вооружённые силы и военная промышленность Южно-Африканской Республики. М.: Институт Африки РАН, 2010. 516 с.

REFERENCES

Afrika: Politicheskoe razvitiie i armiiia [Africa: Political Development and Army] (In Russ.). Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2010. 380 p.

Adamishin, A.L. Beloe solntse Angola [The White Sun of Angola] (In Russ.). Moscow: Vagrius, 2014. 213 p.

Cawthra, G. Brutal Force: The Apartheid War Machine. International Defence & Aid Fund for Southern Africa, 1986. 319 p.

Cawthra, G. Securing South Africa's democracy: defence, development and security in transition. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan Press; New York: St. Martin's Press, 1997. 230 p.

Heitman, H. South African War Machine. Central News Agency, 1985. 193 p.

Holden, P. The Arms Deal in Your Pocket. Johannesburg and Capetown: Jonathon Ball Publishers, 2008. 357 p.

LeoGrande, W. Cuba's Policy in Africa, 1959-1980. Berkley: Institute of International Studies, 1980. 82 p.

Scholtz, L. The SADF in the Border War 1966-1989. Helion & Company, 2014. 576 p.

Shubin, G.V., Maidanov I.I., Liebenberg I. Vooruzhennyye sily i voennaia promyshlennost' Iuzhno-Afrikanskoi Respubliki [South African Armed Forces and Military Industry] (In Russ.). Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2010. 516 p.

Simpson, Th. History of South Africa: From 1902 to the Present. Oxford University Press, 2022. 632 p.

Van der Waag, I. The Military History of Modern South Africa. Philadelphia: Casemate Publishers, 2015. 420 p.

Wilsworth, C. First In, Last Out: The South African artillery in action 1975-1988. 30 Degrees South Publishers, 2019. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КАРАМАЕВ Сергей Георгиевич, научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Sergei G. KARAMEEV, Research Fellow, Centre for Development and Modernization Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.
23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.07.2023 / Received 16.07.2023.

Поступила после рецензирования 03.08.2023 / Revised 03.08.2023.

Статья принята к публикации 05.08.2023 / Accepted 05.08.2023.

JEL: C32, E59, O40

УДК: 33.330

DOI: 10.31857/S268667302311010X

EDN: PRAIOW

Влияние финансиализации на экономический рост (на примере США и России)

П.Г. Власкин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46.

Researcher ID: RID-56035

ORCID 0009-0007-3740-0867 pavelvlaskin1@gmail.com

И.М. Теняков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46.

Researcher ID M-9485-2013 Scopus Author ID 57779829600

ORCID 0000-0002-9921-6965 itenyakov@mail.ru

Резюме. В статье раскрывается противоречивое влияние финансиализации на современный экономический рост. Систематизированы подходы зарубежных и российских исследователей к содержанию данного явления и последствиям его распространения для экономического роста национальной экономики. Выделены ее положительные (стимулирование инвестиций, в том числе в наукоемкие сектора) и отрицательные последствия для экономического роста. Построены эконометрические модели, оценивающие влияние финансиализации на динамику реального ВВП в США и России, и подтвержден вывод об ее отрицательном влиянии на экономический рост в указанных странах. Отмечено, что в России указанное влияние на темпы экономического роста выражено сильнее, хотя показатели финансиализации (доля финансового сектора в ВВП) ниже, чем в США.

Ключевые слова: финансиализация, экономический рост, вековая стагнация, эконометрическая модель

Для цитирования: Власкин П.Г., Теняков И.М. Влияние финансиализации на экономический рост (на примере США и России). США & Канада: экономика, политика, культура. 2023; 53 (11): 103–114. DOI: 10.31857/S268667302311010X EDN: PRAIOW

The Impact of Financialization on Economic Growth (the Example of the USA and Russia)

P.G. Vlaskin

Lomonosov Moscow State University.

Russia, 119991, Moscow, GSP-1, 1-46 Leninskiye Gory,

Researcher ID rid56035

ORCID 0009-0007-3740-0867 pavelvlaskin1@gmail.com

I.M. Tenyakov

Lomonosov Moscow State University

Russia, 119991, Moscow, GSP-1, 1-46 Leninskiye Gory

Researcher ID M-9485-2013 Scopus Author ID 57779829600

ORCID 0000-0002-9921-6965 itenyakov@mail.ru

Abstract. The article reveals the contradictory impact of financialization on modern economic growth. The approaches of foreign and Russian researchers to the content of the phenomenon of financialization and the consequences of its spread for the economic growth of the national economy are systematized. The positive impact of moderate financialization (stimulating investment, including in knowledge-intensive sectors) and the negative consequences of high financialization for economic growth are highlighted. Econometric models have been constructed that assess the impact of financialization on the dynamics of real GDP in the United States and Russia. The conclusion about the negative relationship between financialization and economic growth in these countries is confirmed. It is noted that in Russia the impact of financialization on economic growth rates is more pronounced, although the indicators of financialization (the share of the financial sector in GDP) are lower than in the United States.

Keywords: financialization, economic growth, secular stagnation, econometric model

For citation: Vlaskin P.G., Tenyakov I.M. The Impact of Financialization on Economic Growth (by the Example of the USA and Russia). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (11): 103-114. DOI: 10.31857/S268667302311010X EDN: PRAIOW

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдаемое после мирового экономического кризиса 2008 г. замедление темпов экономического роста, прежде всего в развитых странах (некоторые исследователи называют эту тенденцию «вековой стагнацией»), имеет под собой различные основания. Одним из важных факторов, оказывающих влияние на динамику развития, является финансиализация [Hein E. 2020:7], под которой понимается приобретение финансовым сектором чрезмерной роли в экономике по сравнению с реальным сектором, и переток финансовых и трудовых ресурсов из реальной экономики в финансовую сферу. Решения об использовании привлекаемых в финансовый сектор ресурсов обуславливаются спекулятивными мотивами, поэтому регулярно вызывают риски надувания финансовых и экономических пузырей и провоцируют перманентную экономическую нестабильность или, как отмечают некоторые авторы, вводят экономику в состояние «постоянно пузырящейся» [Буквич Р.М., Ощич Ч. 2013:10]; [Родина Г.А. 2019:38].

Некоторые исследователи под финансиализацией также подразумевают «финансовый капитализм», «капитализм с доминированием финансов» или «капитализм, основанный на финансах» [Hein E. 2020:10]; [Moosa I.A. 2023:20]; [Tsaliki P., Tsoulfidis L. 2021:7]. Состояние стагнации в экономике, вызванной использованием финансов не по назначению (ради извлечения выгоды в периметре финансового сектора, а не для поддержки реального сектора экономики), даже именуют как «финансовое проклятие», по аналогии с ресурсным проклятием, так хорошо знакомым странам, богатым природными ресурсами, и растущими более низкими темпами, чем страны, в которых нет больших запасов природных ресурсов [Moosa I.A. 2023:45].

Необходимо заметить, что роль финансового сектора в экономике исследуется в двух концептуальных направлениях. Когда речь идёт о финансовом развитии, то

подразумевается положительное влияние финансов на экономику за счёт стимулирования экономической активности и сокращения бедности, а когда исследуется феномен финансовализации, то, как правило, имеется в виду деструктивная роль, замедляющая экономический рост. Таким образом, можно сказать, что финансы имеют свои «героическую» и «злодейскую» стороны [Moosa I.A. 2023:60].

Целью данной работы является проведение эконометрической оценки влияния финансовализации на экономический рост в США и России. Экономика США выбрана для анализа, поскольку США является страной-родоначальником феномена финансовализации, анализ российской экономики будет интересен широкому кругу отечественных исследователей. Для оценки уровня финансовализации экономики используются данные о доле финансового сектора в ВВП, что соответствует одному из встречающихся в литературе подходов [Tsaliki P., Tsoulfidis L. 2021:9].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Существенная часть исследований по финансовализации сфокусирована на выявлении возникающих диспропорций в экономике и оценке долгосрочных негативных последствий для экономического роста, в первую очередь из-за снижения потока инвестиций, направляемых на развитие компаний. Другой пласт исследований направлен на поиски доказательств положительного влияния финансового развития на экономический рост. Наиболее широкий обзор существующей литературы по проблеме финансовализации представлен в работе [Hajiabadi S.R.A., 2016]. В нашем обзоре представлены современные эмпирические исследования, а также проанализированы работы отечественных исследователей и их оценки влияния финансовализации на экономический рост в России.

Начало процесса финансовализации датируется 1970-ми годами и рассматривается через призму нарастания роли финансового капитала в экономическом развитии и предоставления преференций компаниям финансового сектора [Krippner G.R. 2005:177], также встречается датирование 1980–1990 гг. [Zwan N. 2014:103]; [Hein E. 2020:10]. Используемый в данной работе показатель финансовализации – доля финансового сектора в ВВП США – по нашим расчётам, начал расти в конце 1940-х годов и продолжает расти по сей день (на фоне снижения доли обрабатывающей промышленности).

Американские экономисты из Университета Массачусетса в Амхерсте Дональд Томаскович-Девей и Натан Мейерс, а также Кен-Хоу Лин из Университета Техаса в Остине [Tomaskovic-Devey D., Meyers N., Lin K.H., 2015] развивают идеи профессора того же университета Дж. Эпштейна, исследуя влияние увеличения финансовых инвестиций нефинансовых фирм на их совокупный доход. Хорошо известно, что после 1980 г. компании нефинансового сектора увеличили инвестиции в финансовые инструменты. Авторы показали, что финансовализация в нефинансовом секторе привела к замедлению экономического роста, а также что проигравшими оказались государство и работники, а выигравшими – кредиторы и акционеры.

В работе корейских экономистов Хёнсу Занга и Янга Чула Кима [Zang H., Kim Y.C., 2007] с помощью эконометрической оценки подтвердилось отсутствие прямой причинно-следственной связи между финансовым развитием и экономическим ростом, что соответствует выводам американского экономиста и лауреата

Нобелевской премии Р. Лукаса (1937–2023) и английского экономиста Дж. Робинсон (1903–1983).

В исследовании иранского экономиста С.Р.А. Хаджибади посредством оценки двусторонней взаимосвязи между финансовым развитием и экономическим ростом в США в период 1961–2012 гг. показано, что финансовое развитие оказало значимое негативное влияние на экономический рост, в то время как экономический рост не значимо, но положительно повлиял на финансовое развитие. Также показано, что финансовализация существенно повлияла на финансовое развитие за счёт повышения эффективности [Hajabadi S.R.A., 2016].

В работе немецкого исследователя Э. Хайна [Hein E., 2020] показано как финансовализация сделала глобальную экономическую систему крайне хрупкой, имеющей серьёзные проблемы в формировании совокупного спроса и склонной к хронической стагнации, вызванной низким уровнем инвестиций в основной капитал и высокой степенью неравенства. Э. Хайном также рассмотрены главные каналы передачи (трансмиссии) финансовализации: распределение, инвестиции в основной капитал, потребление, а в части платежного баланса – счета текущих операций и операций с капиталом.

Н. ван дер Цван из Амстердамского университета систематизировала существующие подходы к исследованию финансовализации. Она выделила три основных подхода: появление нового режима накопления капитала (наибольший доход приносит финансовая деятельность, а не производство и торговля), следование компаниями цели максимизации акционерной стоимости и финансовализация повседневной жизни (рост роли граждан в качестве инвестора). Данное исследование помогает лучше понять группы интересов, политику государства всеобщего благосостояния и процессы институциональных изменений [Zwan N., 2014].

В работе турецкого исследователя Б. Ходжи исследуется взаимосвязь нормы прибыли и финансовализации реального сектора экономики США [Носа В., 2021]. Доказывается их долгосрочная негативная взаимосвязь, выходящая за рамки политических, правовых и институциональных изменений, произошедших в середине 1970-х – начале 1980-х годов и олицетворяющих переход к неолиберализму. В качестве меры финансовализации используется отношение финансовых активов к совокупным активам. Снижение нормы прибыли связано с повышением уровня финансовализации, так как реальный сектор, сталкиваясь с проблемой рентабельности, направляет свои ресурсы в финансовый сектор. Это приводит к росту прибыльности финансового сектора и увеличению доли национального дохода, получаемого держателями финансовых активов.

П. Цалики и Л. Цульфидис из Университета Македонии [Tsaliki P., Tsoulfidis L. 2021] попытались оценить в какой степени финансовализация является новой фазой накопления капитала, характеризующейся своими собственными экономическими законами, к которым должен приспосабливаться реальный сектор экономики. Для проверки этой гипотезы они использовали данные о доле финансового сектора в ВВП США как наиболее подходящем показателе для приблизительной оценки уровня финансовализации экономики. Результаты исследования показали, что явления финансовализации, наблюдаемые с 1982 г., сопоставимы с явлениями «ревущих 1920-х» («бурных двадцатых» – *Roaring Twenties*), когда США достигли доминирования в сфере финансов и стали кредитором целого ряда европейских стран; наблюдаемые различия, в основном количественные, не предполагают совершенно иную стадию финансового капитализма.

Тема финансовализации популярна и среди отечественных исследователей. Среди них выделяются С.К. Дубинин, В.В. Иванов, Л.Л. Игонина, Г.А. Родина, И.М. Теняков. Как и в зарубежной литературе есть критики и сторонники финансовализации, с точки зрения её влияния на экономическое развитие. Так С.К. Дубинин оценивает финансовализацию экономики России как крайне ограниченную, близкую к «дефинансализации» [Дубинин С.К. 2017:10], а в работе В.В. Иванова показаны противоречивость финансовализации и её негативное влияние на восстановление экономического роста в нашей стране [Иванов В.В., 2018]. В то же время В.В. Иванов и С.К. Дубинин соглашаются с зарубежными исследователями в оценке положительности влияния финансовализации на экономическое развитие в развитых странах, однако до тех пор, пока не изменилась качественно, а именно до тех пор пока она способствовала развитию реального сектора экономики.

В работе И.М. Тенякова подчёркивается, что не всякое накопление капитала способствует экономическому росту, а происходящее в современных условиях накопление капитала в финансовой форме за счёт образования финансовых пузырей и переоценки имущества и вовсе приводит лишь к перераспределению капитала и богатства от одних хозяйствующих субъектов к другим [Теняков И.М., 2016].

Условия или причины финансовализации, благодаря которым финансовому сектору удалось подчинить реальный сектор, анализируются в работе Г.А. Родиной [Родина Г.А., 2019]. Первой причиной называется чрезмерное накопление (в статье говорится о «перенакоплении») капитала в реальном секторе, ставшее хроническим в последнее время, который «ищет» доходность выше чем в реальном секторе и ожидаемо находит её в финансовом секторе; второй – движение капитала без препятствий по всему миру за счёт глобализации и возможностей современных ИКТ (на фоне тенденции регионализации мировой экономики, наблюдаемой в настоящий момент, значение этого фактора снижается). Подчёркивается переход от фиктивного капитала (титула собственности на реальные активы) – к виртуальному, при котором фиктивный капитал, помимо представления реальных активов, становится инструментом спекулятивной игры и оценивается насколько он подходит для биржевых спекуляций.

В работе Л.Л. Игониной показано, что финансовый сектор может быть как фактором экономического роста, так и причиной экономической турбулентности [Игонина Л.Л., 2016]. Автор формулирует наиболее существенные финансовые параметры экономического развития, включающие стимулирование развития финансового рынка, повышение доступности внутреннего финансирования, обеспечение трансформации мобилизованных инвестиционных ресурсов в производство; а также ключевые направления для развития финансового сектора России. Кроме того, в работе представлен достаточно широкий обзор исследований о роли финансов в экономическом росте, в частности проанализирована позиция сторонников новой институциональной теории. Акцентируется внимание на коэволюции финансов и экономического роста: финансы и производство оказывают взаимное влияние друг на друга, и это необходимо учитывать при оценке вклада финансового сектора в экономический рост.

Ю.А. Данилов в своей работе, посвящённой опережающему развитию финансового сектора в мировой экономике, рассчитывает показатели развития финансового сектора для 10 развитых и развивающихся стран и констатирует замедление процесса финансиализации в мировой экономике после кризиса 2008 г., опережающее по сравнению с экономикой развитие демонстрирует только банковский сегмент [Данилов Ю.А., 2017]. Также в исследовании делается вывод о U-образной зависимости финансиализации и экономического роста. В качестве показателя финансиализации берётся соотношение финансовых активов и ВВП. Автор определил, что после достижения уровня финансиализации, равного 90% ВВП, существует 50% вероятность того, что дальнейшее увеличение уровня финансиализации будет отрицательно влиять на экономический рост. При достижении уровня финансиализации, равного 110% ВВП, такая вероятность превысит 75%.

В работах Н.Н. Шаркова, М.В. Петрова и Д.Е. Плисецкого подчёркивается важность финансового сектора для экономического развития страны, прежде всего, за счёт внутренних долгосрочных финансовых источников [Петров М.В., Плисецкий Д.Е., 2010]; [Шарков Н.Н., 2015]. Это особенно актуально в современных условиях финансовых ограничений в России, и с этим подходом трудно не согласиться, однако необходимо подчеркнуть, что параллельно должны разрабатываться механизмы трансформации привлеченных средств в реальный капитал, то есть финансовые ресурсы должны направляться именно на долгосрочные инвестиционные проекты, а не на спекуляции.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ФИНАНСИАЛИЗАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ США

Оценка воздействия финансиализации на экономическое развитие осуществляется с помощью различных статистических показателей. Наиболее значимыми являются: доля финансового сектора в ВВП, соотношение инвестиций в финансовый и реальный сектора экономики, объём сделок на финансовых рынках и долговое бремя корпораций и государства [Иванов В.В. 2018:40].

По данным Бюро экономического анализа [3] построена эконометрическая модель, в которой в качестве зависимой переменной выступают темпы прироста реального ВВП, g , измеренные в процентах к предыдущему году. Использовались наблюдения за 1946–2021 гг. Базовыми факторами экономического роста были выбраны труд и капитал, а в качестве переменной интереса — доля финансового сектора в ВВП США.

В качестве переменной труда взяты темпы прироста занятых (в процентах). Для этого использовались данные по количеству занятых в США в эквиваленте полной занятости и на их основе посчитаны темпы прироста.

Капитал в модели представлен данными о темпах прироста инвестиций в основной капитал (как часть ВВП) в реальном выражении, то есть в постоянных ценах. Также в качестве оценки капитала рассматривались данные по стоимости основных фондов в постоянных ценах (по ним планировалось посчитать темпы прироста для модели), однако эти данные не очень качественные.

Таким образом, регрессорами в модели выступают темпы прироста занятых, темпы прироста инвестиций в основной капитал и доля финансового сектора в ВВП. Эконометрическая модель построена методом наименьших квадратов (МНК). Результаты эконометрического моделирования представлены в табл. 1. Было получено следующее уравнение, описывающее взаимосвязь темпов прироста реального ВВП США и трёх перечисленных выше факторов:

$$g = 3,03580 + 0,574813 \hat{L} + 0,108811 \left(\frac{\hat{I}}{\hat{P}} \right) - 0,0765586 F. \quad (1)$$

Из уравнения (1) следует, что при прочих равных условиях прирост занятых на 1 п.п. увеличивает прирост реального ВВП на 0,574813 п.п., прирост реальных инвестиций в основной капитал на 1 п.п. увеличивает прирост реального ВВП на 0,108811 п.п., а прирост доли финансового сектора в ВВП США на 1 п.п. приводит к снижению динамики экономического роста на 0,0765586 п.п. Модель является достаточно качественной (R -квадрат равен 0,839772), при этом переменные «темпы прироста занятых» и «темпы прироста инвестиций в основной капитал» значимы на 1%-м уровне, а переменная «доля финансового сектора в ВВП» значима на 5%-м уровне. Таким образом, подтверждается обратная зависимость между финансовализацией и динамикой реального ВВП.

Таблица 1

Модель 1: МНК, зависимая переменная g , наблюдения 1947–2021 гг. ($T = 75$)

Показатели	Коэффициент	Стандартная ошибка	t -статистика	P -значение	Уровень значимости
Const	3,03580	0,644467	4,711	0,0000119	1% (***)
\hat{L}	0,574813	0,0648842	8,859	4,28e – 013	1% (***)
$\left(\frac{\hat{I}}{\hat{P}} \right)$	0,108811	0,0141564	7,686	6,37e – 011	1% (***)
F	-0,0765586	0,0372854	-2,053	0,0437	5% (**)
Среднее зависимой переменной		3,078667	Стандартное отклонение зависимой переменной		2,425110
Сумма квадратов остатков		69,73226	Стандартная ошибка модели		0,991032
R -квадрат		0,839772	Исправленный R -квадрат		0,833002
$F(3,71)$		124,0393	P -значение (F)		3,66e – 28
Логарифмическое правдоподобие		-103,6894	Критерий Акаике		215,3789
Критерий Шварца		224,6488	Критерий Хеннана-Куинна		219,0803
Параметр ρ		0,25466	Статистика Дарбина-Уотсона		1,337892

Статистика по эконометрической модели, рассчитанная средствами программы gretl 1.10.1.

Как показывает анализ модели 1, наиболее значимыми факторами роста экономики США являются прямые экономические факторы – динамика занятых и инвестиций в основной капитал. Доля финансового сектора в ВВП, оценивающая степень финансовализации экономики, является косвенным фактором замедления экономического роста, однако влияние этого фактора меньше (коэффициент в уравнении (1) ниже).

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ФИНАНСИАЛИЗАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ

Проведём также эконометрическую проверку влияния финансовализации на экономический рост в России за период 2002–2022 гг. (за более ранний период возникает проблема сопоставимости данных, в частности, по доле финансового сектора в ВВП).

Доля финансового сектора в ВВП рассчитана как доля в ВВП суммы добавленной стоимости по видам деятельности «Финансовая деятельность» и «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг».

По данным Росстата [1] построена эконометрическая модель, в которой зависимая переменная, регрессоры и переменная интереса аналогичны модели по США.

Таблица 2

Модель 2: МНК, зависимая переменная g , наблюдения 2002–2022 гг. ($T = 21$)

Показатели	Коэффициент	Стандартная ошибка	t -статистика	P -значение	Уровень значимости
Const	12,5847	4,88730	2,575	0,0197	5%(**)
\hat{L}	0,963851	0,392201	2,458	0,0250	5%(**)
$\left(\frac{\hat{L}}{n}\right)$	0,330289	0,0466671	7,078	<0,0001	1%(***)
F	-0,899372	0,365094	-2,463	0,0247	5%(**)
Среднее зависимой переменной		2,901578	Стандартное отклонение зависимой переменной		4,124399
Сумма квадратов остатков		37,33876	Стандартная ошибка модели		1,482025
R -квадрат		0,890249	Исправленный R -квадрат		0,870881
$F(3,17)$		45,96535	P -значение (F)		2,27e-08
Логарифмическое правдоподобие		-35,84056	Критерий Акаике		79,68112
Критерий Шварца		83,85921	Критерий Хеннана-Куинна		80,58787
Параметр ρ		-0,530142	Статистика Дарбина-Уотсона		2,252478

Статистика по эконометрической модели, рассчитанная средствами программы gretl 1.10.1.

Было получено следующее уравнение, описывающее взаимосвязь темпов прироста реального ВВП России и трёх перечисленных выше факторов:

$$g = 12,5847 + 0,963851 \hat{L} + 0,330289 \left(\frac{\hat{L}}{n}\right) - 0,899372 F. \quad (2)$$

Из уравнения (2) следует, что при прочих равных условиях прирост занятых на 1 п.п. увеличивает прирост реального ВВП на 0,963851 п.п., прирост реальных инвестиций в основной капитал на 1 п.п. увеличивает прирост реального ВВП на 0,330289 п.п., а прирост доли финансового сектора в ВВП России на 1 п.п. приводит к снижению реального ВВП на 0,899372 п.п. Модель является достаточно качественной (R -квадрат равен 0,890249), при этом переменная «темпы прироста инвестиций в основной капитал» значима на 1%-м уровне, а переменные «темпы прироста занятых» и «доля финансового сектора в ВВП» значимы на 5%-м уровне. Подтверждается обратная зависимость между финансовализацией и динамикой реального ВВП. При этом, судя по коэффициентам модели, в России негативное влияние

финансиализации на экономический рост оказывается сильнее, чем в США, хотя абсолютные показатели финансиализации (доля в ВВП) в России ниже.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До 1960-х годов финансовый сектор экономики отвечал задачам поддержки индустриального развития и экономического роста, будучи подчинённым реальному сектору экономики. Благодаря накоплению капитала и осуществлению инвестиций в производство, повышались производительность и уровень дохода работников, увеличивая платёжеспособный спрос, за которым следовало увеличение выпуска товаров и услуг. Со временем качественный характер влияния финансовой сферы на экономическое развитие изменился: в результате финансиализации финансовый сектор перешел от подчиненности реальному сектору экономики к диктату над ним, сформировав новый вид хозяйства: финансовое хозяйство. В новом типе хозяйства сформировались свои собственные законы производства и развития, и всему обществу были спущены новые правила игры.

Большое значение в понимании причин полярности взглядов на влияние финансов на экономический рост имеют изначальные концептуальные взгляды исследователей, а также конкретный этап развития финансов, потому что с течением времени их роль в обеспечении экономического роста изменялась.

В исследованиях, посвящённых финансовому развитию, обосновывается положительное влияние финансового сектора на экономический рост за счёт стимулирования экономической активности. В литературе, посвящённой финансиализации, выявляется большое количество негативных последствий чрезмерного развития финансового сектора. Однако даже в этих исследованиях признаётся, что роль, которую играет дисциплинированный и отрегулированный финансовый сектор, имеет важное значение для экономического роста.

В аналитической справке (*Policy Note*) № 27 Организации экономического сотрудничества и развития, ОЭСР (*Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD*) от 2015 г., посвящённой влиянию финансов на экономический рост, авторы задаются вопросом: как добиться того, чтобы финансовый сектор вернулся к выполнению своей функции поддержки экономического роста? Отметим, что в ОЭСР оперируют понятием инклюзивного роста, подразумевающего экономический рост, охватывающий широкие слои, что особенно актуально в контексте финансиализации, усугубляющей проблему неравенства [2]. Там же отмечается, что финансы являются жизненно важным компонентом экономического роста, но в настоящий момент объём их использования в экономике чрезмерен, и используются они не по назначению (не соответствует потребностям реального сектора).

В ОЭСР подмечают, что последние 50 лет объём кредитования домашних хозяйств и предприятий банками и другими учреждениями рос в 3 раза быстрее, чем экономическая активность. Дальнейшее увеличение объёма кредитования на этом уровне, вероятно, замедлит долгосрочный экономический рост и усилит

неравенство [2]. Раздутый финансовый сектор и проблема финансиализации характерны для большинства развитых стран. ОЭСР подчёркивает, что финансовый сектор необходимо «вылечить», очевидно констатируя признаки его текущей «болезни».

Благодаря выводам, полученным в результате эконометрического моделирования, можно констатировать, что, планируя проведение политики экономического роста, наибольшее внимание необходимо уделять факторам, определяющим динамику занятых и инвестиций. Значимость динамики финансиализации как фактора замедления экономического роста США в целом подтверждают выводы Маццукато М., Буквича Р.М., Оцича Ц. и других исследователей – сторонников дефинансиализации. Необходимо вернуть главную роль реальному сектору экономики (сектору, где создаётся реальная ценность) и понизить значимость финансового сектора (сектора, где спекулятивно создаётся фиктивная стоимость) [Буквич Р.М., Оцич Ч. 2013:12]; [Маццукато М. 2021:173]. Также необходимо поощрять трансформацию ресурсов, обращающихся в финансовой сфере, в ресурсы, направляемые на инвестиционные проекты, создающие долгосрочную ценность.

ИСТОЧНИКИ

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Available at: <https://www.gks.ru> (accessed: 30.05.2023).
2. Cournède, B., Denk, O., Hoeller, P. Finance and Inclusive Growth. OECD Publishing, June 2015. Available at: <https://www.oecd.org/economy/finance-growth-inequality.htm> (accessed 14.06.2023).
3. The U.S. Bureau of Economic Analysis. Available at: <https://www.bea.gov> (accessed: 21.05.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буквич Р.М., Оцич Ч. Финансиализация и современные экономические кризисы. *Вестник НГИЭИ*. 2013. № 22–3. С. 3–17.
- Дубинин С.К. Финансиализация экономического роста и российская национальная финансовая система. *Финансы: Теория и практика*. 2017. Том 21. Вып.4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-4-6-21>
- Данилов Ю.А. Оценка опережающего развития финансового сектора. *Российское предпринимательство*. 2017. № 18(2). С. 161–174. DOI: <https://doi.org/10.18334/rp.18.2.37265>
- Иванов В.В. Финансиализация и экономический рост. *Экономическое возрождение России*. 2018. № 4(58). С. 37–49.
- Игонина Л.Л. Финансовое развитие и экономический рост. *Финансы: теория и практика*. 2016. № 1. С. 111–120.
- Маццукато М. Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике / пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 408 с.
- Петров М.В., Плисецкий Д.Е. Повышение роли финансового сектора в реформировании экономики России // *Финансы и кредит*. 2010. № 40(424). С. 44–56.

Родина Г.А. Современная финансовализация как новое качество экономики. *Социально-политические исследования*. 2019. № 3(4). С. 45–58.

Теняков И.М. Современный экономический рост как особая форма процесса накопления капитала. *Философия хозяйства*. 2016. № 2. С. 108–117.

Шарков Н.Н. Развитие финансовой инфраструктуры России как необходимое условие обеспечения экономического роста в условиях финансовой глобализации. *Финансы и кредит*. 2015. № 29 (2015). С. 47–60.

REFERENCES

Bukvich, R.M., Otsich, C. Finansializatsiia i sovremennye ekonomicheskie krizisy [Financialization and Modern Economic Crises] (In Russ.). *Bulletin of the NGIEI*. 2013. No. 22-3. Pp. 3–17.

Danilov, Y.A. Otsenka operezhayushchego razvitiia finansovogo sektora [Assessment of Advanced Development of the Financial Sector] (In Russ.). *Russian Entrepreneurship*. 2017. No. 18(2). Pp. 161–174. DOI: <https://doi.org/10.18334/rp.18.2.37265>

Dubinina, S.K. Finansializatsiia ekonomicheskogo rosta i rossiiskaia natsional'naiia finansovoiia sistema [Financialization of Economic Growth and the Russian National Financial system] (In Russ.). *Finance: Theory and Practice*. 2017. Vol. 21. No. 4. Pp. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-4-6-21>

Hajjabadi, S.R.A. Investigating Finance-Growth Relationship by Considering Financialization Phenomenon: The Case of USA. *International Economic Studies*. 2016. Vol. 46, No. 2. Pp. 51–68. DOI: <https://doi.org/10.22108/ies.2019.114970.1054>

Hein, E. Financialisation and Stagnation: A Macroeconomic Regime Perspective: Working Paper / Berlin, Institute for International Political Economy, 2020. No. 149. 2020, 23 p.

Hoca, B. A Novel Approach to the Financialization of Real Sector. *Journal of Business, Economics and Finance*. 2021. № 10(4). Pp. 157–165. DOI: <https://doi.org/10.17261/Pressacademia.2021.1461>

Igonina, L.L. Finansovoe razvitie i ekonomicheskii rost [Financial Development and Economic Growth] (In Russ.). *Finance: theory and practice*. 2016. No. 1. Pp. 111–120.

Ivanov, V.V. Finansializatsiia i ekonomicheskii rost [Financialization and Economic Growth] (In Russ.). *Economic revival of Russia*. 2018. No. 4(58). Pp. 37–49.

Krippner, G.R. The Financialization of the American Economy. *Socio-Economic Review*. 2005. No. 3(2). Pp. 173–208. DOI: <https://doi.org/10.1093/SER/mwi008>

Mazzucato, M. The Value of All Things: Creation and Withdrawal in the World Economy / trans. from English - Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 2021. - 408 p.

Moosa, I.A. Financialisation. Measurement, Driving Forces and Consequences / - Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2023. - 250 p.

Petrov, M.V., Plisetsky, D.E. Povyshenie roli finansovogo sektora v reformirovanii ekonomiki Rossii [Increasing the Role of the Financial Sector in the Reform of the Russian Economy] (In Russ.). *Finance and Credit*. 2010. No. 40(424). Pp. 44–56.

Rodina, G.A. Sovremennaia finansializatsiia kak novoe kachestvo ekonomiki [Modern Financialization as a New Quality of the Economy] (In Russ.). *Social and political studies*. 2019. No. 3(4). Pp. 45–58.

Sharkov, N.N. Razvitiye finansovoi infrastruktury Rossii kak neobkhodimoe uslovie obespecheniia ekonomicheskogo rosta v usloviiah finansovoi globalizatsii [Development of the Financial Infrastructure of Russia as a Necessary Condition for Ensuring Economic Growth in the Conditions of Financial Globalization] (In Russ.). *Finance and Credit*. 2015. No.29 (2015). Pp. 47–60.

Tenyakov, I.M. Sovremennyyi ekonomicheskii rost kak osobaia forma protsessa nakopleniia kapitala [Modern Economic Growth as a Special Form of the Process of Capital Accumulation] (In Russ.). *Philosophy of Economics*. 2016. No. 2. Pp. 108–117.

Tomaskovic-Devey, D., Lin, K.H., Meyers, N. Did Financialization Reduce Economic Growth? *Socio-Economic Review*. 2015. Vol. 13, No. 3. Pp. 2–25. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2571897>

Zang, H., Kim, Y.C. Does Financial Development Precede Growth? Robinson and Lucas might be right. *Applied Economics Letters*. 2007. Vol. 14, No. 1. Pp. 15–19. DOI: <https://doi.org/10.1080/13504850500425469>

Zwan, van der N. Making sense of financialization. *Socio-Economic Review*. 2014. Vol. 12, No. 1. Pp. 99–129. DOI: <https://dx.doi.org/10.1093/ser/mwt020>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВЛАСКИН Павел Геннадьевич, соискатель учёной степени кандидата экономических наук кафедры политической экономии экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46.

ТЕНЯКОВ Иван Михайлович, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры политической экономии экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46.

Pavel G. VLASKIN, Applicant for the Academic Degree of Candidate of Economic Sciences of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.

1-46 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Moscow, GSP-1, Russia.

Ivan M. TENYAKOV, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.

1-46 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Moscow, GSP-1, Russia.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023 / Received 21.06.2023.

Поступила после рецензирования 10.07.2023 / Revised 10.07.2023.

Статья принята к публикации 15.09.2023 / Accepted 15.09.2023.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673023110111

EDN: PPLXOW

Республиканский проект избирательной реформы: борьба за «честные» выборы?

Е. В. Антонов

*Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, 2/3.
РИНЦ ID: 1192222
ORCID: 0000-0003-3720-005X e-mail: e.antonov@iskran.ru*

К. С. Честнягина

*Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, 2/3.
РИНЦ ID: 1138558
ORCID: 0000-0001-6499-8066 e-mail: k.chestnyagina@iskran.ru*

Резюме. В статье рассматриваются основные положения радикального законопроекта о реформе избирательной системы США, внесённого республиканцами в Палату представителей Конгресса 118-го созыва, а также ответная электоральная инициатива демократов. Делается вывод, что за нереализуемым реформаторским законотворчеством обеих партий под эгидой борьбы за честные выборы, недоверие к которым среди американцев кратно возрастает после 2020 г., стоит в первую очередь необходимость в обеспечении собственных электоральных интересов.

Ключевые слова: избирательная система США, Республиканская партия, Демократическая партия, округ Колумбия, рейтинг доверия, электоральная реформа

Благодарности. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Антонов Е.В., Честнягина К.С. Республиканский проект избирательной реформы: борьба за «честные» выборы? *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (11): 115–126. DOI: 10.31857/S2686673023110111
EDN: PPLXOW

Republican Electoral Reform Project: Fight for "Fair" Elections?

Evgeniy V. Antonov

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

*2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.
AuthorID: 1192222*

ORCID: 0000-0003-3720-005X e-mail: e.antonov@iskran.ru

Kseniya S. Chestnyagina
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3, Khleby pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.
AuthorID: 1138558

ORCID: 0000-0001-6499-8066 e-mail: k.chestnyagina@iskran.ru

Abstract: The article discusses the main provisions of the radical bill on the reform of the US electoral system introduced by the Republicans to the House of Representatives of the 118th Congress, as well as the Democrats' electoral initiative. It is concluded in the article that the unrealistic reforms from both parties under the aegis of the fight for «fair» elections, the mistrust of which among Americans multiplies after 2020, is primarily the need to ensure their own electoral interests.

Keywords: US electoral system, Republican Party, Democratic Party, Washington, D.C., approval rating, electoral reform

Acknowledgements: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

For citation: Antonov E.V., Chestnyagina K.S. Republican Electoral Reform Project: Fight for "Fair" Elections? *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (11): 00-00. DOI: 10.31857/S2686673023110111 EDN: PPLXOW

ВВЕДЕНИЕ

В преддверии президентской гонки 2024 г. в США вопрос о прозрачности процедуры проведения выборов вновь оказался предметом споров между республиканцами и демократами, выдвинувшими законодательные инициативы по реформированию избирательной системы. Согласно американской Конституции, основная роль в организации выборов принадлежит законодательным собраниям штатов, а не федеральному правительству. Конгресс же в рамках конституционных полномочий может устанавливать или изменять правила волеизъявления, устраняя при этом существенные недостатки избирательной системы. В текущих условиях формальным предложением предлагаемых конгрессменами изменений является обеспечение подсчёта голосов всех граждан США, имеющих право на участие в выборах. Однако, как видится, представления обеих партий о честных правилах голосования не играют первостепенной роли. Главная же задача демократов и республиканцев состоит в изменении избирательной системы «под себя», то есть с учётом собственных электоральных интересов, которые позволяют обеспечить им преимущество на выборах.

«ЯБЛОКИ» РАЗДОРА

11 июля 2023 г. республиканцы во главе с председателем **комитета по общим административным вопросам** Палаты представителей США Брайаном Стейлом представили проект закона [1] об электоральной реформе под названием «О доверии американцев к выборам» (*American Confidence in Elections Act, ACE Act*). Закон с тем же названием был впервые внесён бывшим членом нижней палаты Конгресса 117-го созыва Родни Дэвисом ещё в 2022 г. [2], однако так и остался на рассмотрении

Палаты представителей, где у демократов было большинство мест. Нынешний дополненный законопроект представители Республиканской партии называют «самой консервативной инициативой о прозрачности процедуры проведения выборов, рассматриваемой за последние 20 лет» [3]. Комплексный 224-страничный документ включает в себя около 50 отдельных законопроектов и, как подчёркивается, основан на соблюдении положений Конституции США и уважении принципов федерализма. Среди ключевых положений – подтверждение личности избирателя; запрет на участие в выборах неграждан США; хранение всех избирательных материалов на протяжении 22 месяцев после выборов; запрет финансирования некоммерческими организациями избирательных комиссий; исключение случаев голосования нерезидентов или умерших граждан. В рамках полномочий Конгресса в отношении столицы страны отдельное место в тексте законопроекта уделено округу Колумбия, изменения в электоральных процедурах которого должны стать примером для остальных субъектов США. По мнению республиканских законодателей, принятие этого закона даст правительствам штатов необходимые инструменты для того, чтобы не только обеспечить честность выборов и восстановить доверие избирателей к электоральному процессу, но и защитить политическую свободу слова, которую либералы пытаются «заглушить» [4].

В свою очередь демократы заявляют, что закон «О доверии американцев к выборам», по сути, является новым воплощением законов «Джим Кроу 2.0» [5], называя эту инициативу расистской и дискриминационной. Они подчёркивают, что принятие нового законодательства приведёт к подрыву демократических устоев страны, а истинная цель усилий республиканцев заключается скорее в обеспечении своего политического преимущества, нежели в реальной защите выборов. В качестве ответной реакции демократы уже успели вновь представить масштабный законопроект «О свободе голосования» [6], который также рассматривался в 2021 г. в Конгрессе 117-го созыва под названием закон «Для народа» [7], но не продвинулся дальше Сената из-за обструкции республиканцев. Его основные цели заключаются в том, чтобы установить национальные стандарты голосования, пересмотреть нарезку избирательных округов (джерримендеринг); восстановить право голоса на федеральных выборах для лиц, отбывших наказание за совершение уголовного преступления; обязать кандидатов публиковать данные о спонсорах и установить на федеральном уровне меры защиты для обеспечения безопасности беспартийных должностных лиц штатов и местных органов власти, занимающихся проведением выборов.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА

Межпартийные слушания, где состоялось публичное обсуждение закона «О доверии американцев к выборам», прошли 10 июля 2023 г. в Атланте (штат Джорджия). Место было выбрано неслучайно. В 2021 г. ежегодно проводимый бейсбольный матч всех звёзд был перенесён из Атланты на волне протестного нарратива демократически настроенного населения из-за принятия штатом ранее одобренного губернатором-республиканцем Брайаном Кемпом закона о голосовании (*S.B. 202*) [8], ужесточающим требования к удостоверению личности избирателей при получении открепительных талонов и сокращающим сроки досрочных выборов. Тогда демократы подчёркивали, что подобное законодательство направлено на этнические меньшинства штата и призвано снизить избирательную явку в угоду интересов республиканцев.

Мотивируя выдвижение законопроекта на рассмотрение в ходе обсуждений в Атланта, конгрессмен Б. Стейл заявил, что левые «всегда нападают на неприкосновенность избирательного права». Он подчеркнул, что республиканская законодательная инициатива направлена на борьбу с «культурой отмены» и защищает первую поправку к Конституции США: «Если избиратель уверен, что его голос будет учтён, он охотнее пойдет голосовать» [5].

Высокопоставленный член комитета по общим административным вопросам нижней палаты Конгресса (*Committee on House Administration*), представитель Демократической партии Джозеф Морель, отметил, что за 6 месяцев прошло уже 9 слушаний, касающихся как самой избирательной системы, так и процесса голосования. Помимо набивших оскомину проблем, связанных с несовершенством американской избирательной системы, он также отметил и те, которые имеют отношение к климатическим условиям южных штатов, а именно: ожидание на солнцепёке, в очередях без воды и еды, снижение доступности голосования посредством уменьшения количества так называемых дропбоксов, куда избиратели могут опустить свои бюллетени в удобное время и место [5].

Кроме того, в обсуждении законопроекта были затронуты и вопросы прозрачности финансирования избирательных кампаний, в частности, речь шла о «цукербаксах», имеющихся в виду средства, выделенные М. Цукербергом, главным исполнительным директором «Фейсбук» (*Facebook* – признана экстремистской организацией на территории РФ), медиамагнатом и миллиардером. Республиканец Ганс фон Спаковски, бывший член Федеральной избирательной комиссии США, один из спикеров слушаний, отметил, что в преддверии президентских выборов 2020 г. Марк Цукерберг направил около 450 млн долл. в виде необлагаемых налогом пожертвований в некоммерческую организацию «Центр технологий и гражданской жизни» (*The Center for Tech and Civic Life*) с общегодовым бюджетом в 1 млн долл. (по некоторым данным такие пожертвования были направлены в НКО почти по всей стране [9]). Как утверждает Спаковски, указанные организации выделяли значительные дотации избирательным органам с целью повлиять на исход выборной гонки [5]. Б. Стейл выступил с обращением на собственном сайте, где подчеркнул, что республиканский законопроект обеспечит прозрачность и подотчётность всех НКО в рамках федеральной системы финансирования кампаний [10].

Ещё одним дискуссионным вопросом стал срок получения бюллетеней, направленных по почте, которые теоретически должны поступить в день выборов, но на практике приходят в течение нескольких дней, что усложняет подсчёт и обнародование результатов выборов вовремя [5].

В ходе слушаний авторы закона «О доверии американцев к выборам» выделили его три основные цели:

1. предоставление необходимых инструментов штатам в проведении реформы избирательной системы и обеспечение защиты политической свободы слова американцев;
2. сохранение первичного контроля над выборным процессом за штатами и содействие просвещению и поддержке избирателей, находящихся за рубежом (в том числе военнослужащих);
3. обеспечение штатам доступа к федеральным базам данных (например, для актуализации избирательных списков по номеру социального страхования граждан с целью исключения тех, кто не может голосовать в виду различных обстоятельств).

Ключевая часть законопроекта посвящена предоставлению штатам инструментов, которые в большей степени носят рекомендательный характер, для повышения прозрачности электоральных процедур. Так, согласно тексту законопроекта под эгидой двухпартийной Комиссии по содействию проведению выборов в США (*Election Assistance Commission, EAC*), учреждённой в 2002 г. в соответствии с законом «Помоги Америке проголосовать» (*Help America Vote Act, HAVA*) [11], должна быть создана федеральная площадка для обмена опытом между штатами, в результате работы которой не будет сформировано обязующих положений, но до 31 декабря 2023 г. будут опубликованы записи обсуждений по следующим вопросам: процесс обработки бюллетеней, доставляемых по почте; процедуры проверки личности избирателя, такие как сверка и проверка подписей; ведение списка избирателей; доступ наблюдателей на выборы; своевременное информирование о результатах подсчёта голосов; привлечение и обучение работников избирательных участков; просвещение общественности в отношении сертификации и тестирования избирательных машин перед выборами; аудита после голосования; а также процедуры хранения бюллетеней и избирательного оборудования. Одновременно Комиссия по содействию проведению выборов в США будет ведущим федеральным агентством по всем вопросам организации выборов, при этом она должна быть наделена исключительными полномочиями по выделению штатам грантов на организацию выборов, а также по разработке стандартов и рекомендаций по добровольной сертификации оборудования для голосования на выборах [12].

Счётная палата США должна провести исследование о целесообразности и возможности производства всего оборудования, используемого на федеральных выборах, исключительно в США. Избирательные материалы, которые должны храниться в течение 22 месяцев, включают бюллетени, образцы бюллетеней и конверты с использованными бюллетенями, а также любые другие записи, которые могут быть полезны при проведении аудита после выборов.

В соответствии с актом предусматривается отмена исполнительного указа действующего президента Дж. Байдена №14019 от 2021 г. [13] «О расширении доступа американцев к выборам», а также запрет на участие федеральных агентств в мероприятиях по регистрации и привлечению избирателей для участия в выборах.

Тем штатам, которые не вводят ограничения на сбор бюллетеней, то есть передачу заполненных открепительных или почтовых бюллетеней сторонним лицам или волонтерам, а не лично в пункты сбора бюллетеней, запрещается использование федеральных средств для организации выборов.

В законопроекте подчёркивается, что участие неграждан США в федеральных выборах является уголовным преступлением. Министерство внутренней безопасности США (МВБ) совместно с Управлением социального обеспечения должны на безвозмездной основе предоставлять штатам данные об избирателях для исключения неграждан и умерших граждан из списков для голосования [14]. Для тех штатов, которые разрешили голосование негражданам на региональных или местных выборах, доля новых грантовых средств в соответствии с законом «Помоги Америке проголосовать» должна быть сокращена на 30% [15].

Предполагается также усовершенствование уже существующего закона «О реальном удостоверении личности» 2005 г. (*Real ID Act of 2005*) [16]. Американцы, которые голосуют в первый раз, могут подтвердить свою личность не только придя на избирательный участок, но и любым другим доступным способом

(например, по почте или посредством «дропбоксов»). Одновременно с этим водный знак о гражданстве рекомендуется ставить на всех сторонах документов, выданных или оформленных после 1 января 2026 г. [17]

С учётом особого статуса федерального округа Колумбия, контролируемого Конгрессом, в законопроекте отдельно сформулирован ряд требований, которые должны послужить примером в организации процедур голосования для остальных штатов:

- предъявлять удостоверение личности с фотографией для голосования лично в день выборов или запроса бюллетеня по открепительному удостоверению или по почте. Одновременно подчеркивается, что фотографии зарегистрированных избирателей должны быть включены в списки для голосования с соблюдением мер по защите конфиденциальности [18];
- ежегодное ведение списков избирателей и запрет на регистрацию день в день [19];
- запрет на рассылку бюллетеней по почте, кроме как по запросу избирателя;
- отмена закона «Об избирательных правах местных жителей округа Колумбия», который позволяет голосовать негражданам, и запрет на голосование неграждан [20];
- запрет на досрочное голосование [21];
- проверка подписей при голосовании по почте и обязательное указание даты этих подписей;
- получение всех бюллетеней, за исключением военнослужащих или граждан США, находящихся за рубежом, до закрытия избирательных участков. При этом объявление неофициальных результатов должно состояться не позднее 10:00 утра следующего дня;
- размещение общего числа бюллетеней, находящихся в распоряжении избирательных органов на момент закрытия избирательных участков в день выборов на общедоступном сайте округа Колумбия, а также публикация общего числа запрошенных и полученных бюллетеней в соответствии с законом «Об обеспечении избирательных прав военнослужащих и граждан, находящихся за рубежом» [22];
- проведение аудита после каждых выборов в указанный срок.

Отдельная глава законопроекта посвящена защите свободы слова, в том числе и в политической сфере (первая поправка к Конституции США запрещает дискриминационные действия Конгресса в отношении народа в сфере свободы вероисповедания, слова и печати, мирных собраний и свободного обращения к правительству). Верховный суд США постановил, что первая поправка имеет отношение не только к федеральному правительству, но и к самим штатам и органам местного самоуправления. Поскольку любой законопроект, направленный на реформу избирательной системы, может нести дискриминационный характер, создатели закона «О доверии американцев к выборам» должны гарантировать, что права граждан США не будут ограничены или нарушены.

В этой части законопроекта также говорится о защите конфиденциальности доноров, освобождённых от уплаты налогов. Подразумевается, что орган федерального правительства не может собирать или даже требовать информацию об идентификации любого донора (спонсора) организации, которая в свою очередь освобождена от налогообложения. Точно так же, как и не может разглашать ин-

формацию, раскрывающую личность любого донора. За нарушение этих положений может грозить до 5 лет тюрьмы или штраф до 250 тыс. долл. и/или отстранение от должности.

Подчёркивается, что никакие федеральные средства, в том числе и полученные посредством сбора государственных пошлин и штрафов, не могут быть использованы для выплат в поддержку избирательной кампании на должность сенатора или представителя в Конгресс.

Ещё одним параметром законопроекта является обеспечение безопасности на выборах. Предполагается, что главы ведомств, ответственных за национальную безопасность (МВБ, Центральное разведывательное управление) будут обязаны предоставить совместный доклад по вопросам, касающимся угроз выборному процессу в США: обеспечение физической защищенности участков и безопасности в киберпространстве, не позднее, чем через 30 дней после окончания финансового года.

Проблеме кибербезопасности уделено особое внимание. В частности, создателями законопроекта предлагается, что руководитель Агентства по безопасности в киберпространстве и инфраструктуре МВБ будет сотрудничать с Комиссией по оказанию помощи в проведении выборов с целью выявления потенциальных угроз целостности избирательной системы и путей их устранения.

КРИТИКА И РЕФОРМА ОТ ДЕМОКРАТОВ

11 июля 2023 г. редколлегия газеты «Вашингтон пост» выпустила статью с критикой законопроекта, в тексте которой, в частности, предполагается, что состоящая из нескольких законодательных актов республиканская инициатива по реформированию избирательной системы преследует цель угодить своим основным донорам и спонсорам [24]. Авторы статьи утверждают, что главным мотивом законотворческих инноваций является вовсе не безопасность и прозрачность голосования, а гарантированное обеспечение собственного политического преимущества на выборах [24].

Конференция лидеров движения за гражданские права и права человека (*The Leadership Conference on Civil and Human Rights*) также раскритиковала закон «О доверии американцев к выборам». 13 июля 2023 г. было выпущено письмо, подписанное более чем 230 национальными организациями, деятельность которых непосредственно связана с продвижением и защитой гражданских прав и прав человека на территории США, в котором основным аргументом против принятия этого законопроекта служит решение Верховного суда США по делу Шелби против Холдера 2013 г. (*Shelby County v. Holder, 570 U.S. 529 (2013)* [25]). Речь идёт о деле, в котором рассматривался раздел 4 закона «Об избирательных правах» 1965 г. Согласно ему, некоторые штаты не могли вносить изменения в электоральные законы без предварительного одобрения федерального центра. По мнению экспертов, это дело создало предпосылки для дезинтеграции избирательной системы США. Авторы письма отметили, что и через 10 лет последствия этого решения губительны, а само оно «причинило огромный ущерб демократии страны» [25]. В частности, такие штаты, как Техас, Алабама и Северная Каролина приняли почти 100 рестриктивных законов, в том числе и по ограничению избирательных прав цветного населения [26]. Подчёркивается, что закон «О доверии американцев к выборам» имеет обратный эффект.

Кроме того, критики республиканской инициативы подчёркивают, что имплементация законотворческих новшеств республиканской реформы поставит под угрозу реализацию исполнительного указа №14019 действующего президента Дж. Байдена о доступности избирательного процесса [27], который направлен на расширение избирательных прав для представителей национальных меньшинств и лиц с ограниченными возможностями и тех, кто находится за пределами США.

7 июня 2023 г. вышло совместное заявление Лиги женщин избирателей США (*The League of Women Voters*) и Лиги женщин избирателей округа Колумбия (*The League of Women Voters District of Columbia*), в котором поднимается чувствительная для американского общества проблема статуса округа Колумбия и выражается обеспокоенность новой инициативой Республиканской партии. В тексте обращения отмечено, что реформы, предложенные в «Законе о доверии американцев к выборам», не должны осуществляться за счёт жителей округа Колумбия. У округа нет права голоса в Конгрессе, в Палате представителей присутствует всего один делегат и тот без права голоса, и ни одного представителя в Сенате. Согласно существующим нормам, в округе Колумбия можно регистрироваться для участия в выборах непосредственно в день голосования, получить бюллетень по почте, не взирая на обстоятельства, проголосовать досрочно и опустить свой бюллетень в один из «дропбоксов», расположенных на всей территории. В заявлении подчёркивается, что любая политика, направленная на затруднение голосования, рискует снизить явку избирателей этого округа (за последние 10 лет явка не опускалась ниже 80%, а на выборах 2020 г. составила 67%, что соответствует среднему показателю по стране [28]). Кроме того, авторы выражают серьёзные опасения, что содержащиеся в законе предложения носят регрессивный и репрессивный характер и противоречат воле жителей этого региона [29].

Выборы 2020 г., несмотря на исторически высокий уровень явки избирателей, в очередной раз обнажили ряд недостатков американской избирательной системы, включая монополизированное финансирование, рекордный уровень анонимных «тёмных денежных средств», дискриминацию избирателей по цвету кожи. Составители законопроекта избирательной реформы от Демократической партии ставят перед собой задачу решить различные ключевые проблемы американского общества (экономическое неравенство, доступность медицины, глобальный климатический кризис), при этом отмечая, что решение этих задач не произойдёт без нормального функционирования системы, которая бы отвечала всем потребностям и приоритетам американского народа.

И именно инициатива демократов, по мнению её авторов, должна стать частью этой новой системы, продвигающей демократические устои посредством расширения права голоса, перестройки системы финансирования избирательных кампаний и пресечения махинаций с нарезкой избирательных округов [30]. Одной из отличительных черт проекта является допуск к голосованию ранее судимых, но уже отбывших своё наказание. Ещё одним нововведением, как планируется, должно стать включение и исключение избирателей в списки в электронном режиме самостоятельно. Онлайн можно также будет и проголосовать – за 45 дней до выборов по электронной почте рассылаются бюллетени всем желающим проголосовать дистанционно.

Важным новшеством реформы являются изменения в финансовой части. Предполагается, что публикация сведений о донорах в СМИ и интернете будет обязательной, так же как и раскрытие сведений о спонсорах самих партий [31]. При Министерстве финансов США будет создан специальный фонд, из средств которого

могут финансироваться кампании тех кандидатов, которые в этом нуждаются [32]. Особые требования предъявляются кандидатам в президенты и вице-президенты, которых обязывают предоставлять налоговые декларации за последние 10 лет [33].

УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ К ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Сомнения в честности подсчёта голосов, несогласие с результатами выборов, а значит и недоверие части американцев к избирательной системе становится уже не чрезвычайной ситуацией, а постоянно действующей характеристикой, обозначающей линию раскола Америки по партийной линии. Согласно опросу, проведённому в июне 2023 г. Ассошиэйтед пресс и Национальным центром изучения общественного мнения при Чикагском университете (NORC), только 44% опрошенных твёрдо уверены в точности подсчёта голосов на предстоящих президентских выборах, из которых 22% являются республиканцами, а 71% – демократами [23]. При этом в целом американцы с высшим образованием склонны больше доверять корректности работы избирательной системы.

Требование по предъявлению удостоверения личности с фотографией для голосования получило широкую двухпартийную поддержку. 7 из 10 американцев поддержали бы введение требования о предоставлении избирателями удостоверения личности с фотографией, среди них 87% республиканцев и 60% демократов. Немногим больше половины опрошенных – 55% – поддерживают автоматическую регистрацию граждан для голосования при получении ими водительских прав или другого удостоверения личности. Около половины опрошенных выступают за регистрацию избирателей в день проведения выборов или за разрешение отправлять бюллетени по почте без объяснения причин.

4 из 10 американцев считают, что лишение избирателей права голоса является серьёзной проблемой на выборах в США, но примерно такое же количество американцев занимают ту же позицию в отношении людей, не имеющих права голоса. Восприятие значимости каждой проблемы различается в зависимости от политической партии: 56% республиканцев называют махинации на голосовании и фальсификацию результатов выборов существенным недостатком избирательной системы, в то время как среди демократов таких 20%. 53% демократов называют серьёзными проблемами электоральной системы джерримендеринг (из-за партийной ангажированности при нарезке избирательных округов), а также недопуск к голосованию людей, имеющих на это право, по сравнению с 26% опрошенных республиканцев [34].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борьба демократов и республиканцев ведётся за «честные» выборы, но на свой лад с учётом собственных электоральных потребностей. Сами идеи избирательных реформ, предложенных обеими партиями накануне гонки 2024 г., довольно прагматичны: Демократическая партия не хочет, чтобы её усилила по методичному расширению электората среди мигрантов и меньшинств канули в Лету, тогда как у не менявшейся десятилетиями Республиканской партии, которая уже долгое время находится в электоральном кризисе и не может привлекать новых сторонников в том же количестве, что и демократы, остаётся лишь возможность законодательно ужесточить процедуру волеизъявления, чтобы увеличить шансы на победу на

предстоящих выборах. Однако в нынешней конъюнктуре, даже если консервативный закон «О доверии американцев к выборам» будет принят небольшим республиканским большинством в Палате представителей, вероятность того, что он пройдёт через Сенат и будет подписан президентом Дж. Байденом, практически сводится к нулю. Американский ресурс «ГавТрек» (*GovTrack.us*) оценивает вероятность принятия республиканского законодательного акта в 21% [35], тогда как у демократической инициативы шансы стать законом равны 6% [36].

ИСТОЧНИКИ

1. H.R.4563 - American Confidence in Elections Act. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/4563?q=%7B%22search%22%3A%22HR+4563%22%7D&s=1&r=1> (accessed 05.08.2023).
2. H.R.8528 - ACE Act. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/8528/actions?s=6&r=2&q=%7B%22search%22%3A%22HR+8528%22%7D> (accessed 01.08.2023).
3. Chairman Steil Introduces American Confidence in Elections Act. Available at: <https://cha.house.gov/2023/7/chairman-steil-introduces-american-confidence-elections-act> (accessed 31.08.2023).
4. Ranking Member Davis Introduces American Confidence in Elections Act. Available at: <https://cha.house.gov/2022/7/ranking-member-davis-introduces-american-confidence-elections-act> (accessed 01.08.2023).
5. Youtube. Committee on House Administration. July 10, 2023. American Confidence in Elections: The Path to Election Integrity Across America. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=qmVmHdH9_io (accessed 02.08.2023).
6. Freedom to Vote Act. Available at: <https://www.democracymarket.com/wp-content/uploads/2023/07/Freedom-To-Vote-Act-2023-1.pdf> (accessed 01.08.2023).
7. H.R.1 - For the People Act of 2021. 117th Congress (2021-2022). Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/1> (accessed 31.08.2023).
8. S.B. 202. Available at: <https://www.legis.ga.gov/api/legislation/document/20212022/201498> (accessed 03.08.2023).
9. Nelson Steven, Bruce Golding. Zuckerberg's election spending was 'carefully orchestrated' to influence 2020 vote: ex-FEC member. Available at: <https://ny-post.com/2021/10/14/zuckerberg-election-spending-was-orchestrated-to-influence-2020-vote/> (accessed 03.08.2023).
10. Rep. Bryan Steil. The Ace Act Will Strengthen America's Democracy. July 10, 2023. Available at: <https://steil.house.gov/media/columns/the-ace-act-will-strengthen-america-s-democracy> (accessed 03.08.2023).
11. Help America Vote Act Of 2002. Public Law 107-252 – Oct. 29, 2002. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ252/pdf/PLAW-107publ252.pdf> (accessed 04.08.2023).
12. H.R.4479 - Positioning the Election Assistance Commission for the Future Act of 2023. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/4479?q=%7B%22search%22%3A%22HR+4479%22%7D&s=1&r=1> (accessed 05.08.2023).
13. Executive Order on Promoting Access to Voting. March 07, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/03/07/executive-order-on-promoting-access-to-voting/> (accessed 01.08.2023).

14. H.R.3162 - Protecting American Voters Act. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/3162?q=%7B%22search%22%3A%22HR+3162%22%7D&s=1&r=1> (accessed 01.08.2023).
15. H.R.4460 - No Vote for Non-Citizens Act of 2023. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/4460/all-info?s=1&r=1> (accessed 01.08.2023).
16. Public Law 109-13 – May 11, 2005. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-119/pdf/STATUTE-119-Pg231.pdf> (accessed 02.08.2023).
17. H.R.4597 - Citizen Vote Protection Act. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/4597/actions?s=1&r=1> (accessed 03.08.2023).
18. H.R.4487 - American Confidence in Elections: District of Columbia Photographic Poll Books Act. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/4487?q=%7B%22search%22%3A%22HR+4487%22%7D&s=9&r=1> (accessed 01.08.2023).
19. H.R.4496 - American Confidence in Elections: District of Columbia Voter List Maintenance Act. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/4496?q=%7B%22search%22%3A%22HR+4496%22%7D&s=10&r=1> (accessed 01.08.2023).
20. H.R.4396 - American Confidence in Elections: District of Columbia Citizen Voter Act. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/4396?q=%7B%22search%22%3A%22HR+4396%22%7D&s=2&r=1> (accessed 01.08.2023).
21. H.R.4493 - District of Columbia One Vote One Choice Act. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/4493?q=%7B%22search%22%3A%22HR+4493%22%7D&s=3&r=1> (accessed 31.08.2023).
22. The Uniformed and Overseas Citizens Absentee Voting Act. Available at: <https://www.justice.gov/crt/uniformed-and-overseas-citizens-absentee-voting-act> (accessed 01.08.2023).
23. AP-NORC Center for Public Affairs Research. “Partisan views of the electoral system.” Available at: <https://apnorc.org/projects/partisan-views-of-the-electoral-system/> (accessed 01.08.2023).
24. Editorial Board. House GOP election bill expands dark money and curtails D.C. autonomy. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/07/11/house-republican-confidence-elections-dc/> (accessed 01.08.2023).
25. About Section 5 Of the Voting Rights Act. Available at: [https://www.justice.gov/crt/about-section-5-voting-rights-act#:~:text=On%20June%2025%2C%202013%2C%20the,570%20U.S.%20529%20\(2013](https://www.justice.gov/crt/about-section-5-voting-rights-act#:~:text=On%20June%2025%2C%202013%2C%20the,570%20U.S.%20529%20(2013) (accessed 31.07.2023).
26. Voting Laws Roundup: October 2022, Brennan Ctr. for Justice (Oct. 6, 2022). Available at: <https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/voting-laws-roundup-october-2022> (accessed 31.07.2023).
27. Executive Order No. 14019, “Executive Order on Promoting Access to Voting,” March 7, 2021, Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/03/07/executive-order-on-promoting-access-to-voting/> (accessed 31.07.2023).
28. General Election 2020 - Certified Results. Available at: https://electionresults.dcboe.org/election_statistics/2020-General-Election (accessed 31.07.2023).

29. Statement for the Joint Hearing on American Confidence in Elections. Available at: <https://www.lwv.org/fighting-voter-suppression/statement-joint-hearing-american-confidence-elections> (accessed 31.07.2023).

30. For the People Act: Democracy Reform. Available at: <https://www.brennancenter.org/issues/ensure-every-american-can-vote/voting-reform/people-act-democracy-reform> (accessed 31.07.2023).

31. For the People Act of 2021. Section 4101. pp. 503. Available at: <https://www.congress.gov/117/bills/hr1/BILLS-117hr1rds.pdf> (accessed 02.08.2023).

32. Петров Геннадий. Белый дом собрался изменить избирательную систему США. Независимая газета. 27.12.2021. Available at: https://www.ng.ru/world/2021-12-27/6_8337_usa.html (accessed 03.08.2023).

33. For the People Act of 2021. Section 10001, b (1) (A). pp. 881. Available at: <https://www.congress.gov/117/bills/hr1/BILLS-117hr1rds.pdf> (accessed 03.08.2023).

34. GOP confidence in 2024 vote count low after years of false election claims, AP-NORC poll shows. Available at: <https://apnews.com/article/2024-election-poll-voting-machines-confidence-trust-8efb007d94c2b37a510f9d866e3c6031> (accessed 13.08.2023)

35. H.R. 4563: American Confidence in Elections Act. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/118/hr4563> (accessed 13.08.2023).

36. S. 1: Freedom to Vote Act. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/118/s1> (accessed 13.08.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АНТОНОВ Евгений Васильевич, младший научный сотрудник Отдела внутриполитических исследований Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, 2/3

ЧЕСТНЯГИНА Ксения Сергеевна, младший научный сотрудник Отдела внутриполитических исследований Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, 2/3

Evgeniy V. ANTONOV, Junior research fellow Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation

Kseniya S. CHESTNYAGINA, Junior research fellow Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 17.08.2023 / Received 17.08.2023.

Поступила после рецензирования 03.09.2023 / Revised 03.09.2023.

Статья принята к публикации 05.09.2023 / Accepted 05.09.2023.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.